

Наталья Радько

Смерть, любовь и мужчины

Елены Майоровой

Наталья Радько Смерть, любовь и мужчины Елены Майоровой

Эта книга о жизни, творчестве, любви и смерти актрисы Елены Майоровой. Женщины, которая сожгла свою судьбу 23 августа 1997 года. Она не дожила до сорока лет и наверняка не сыграла самых главных своих ролей — ролей настоящей, редкой, характерной актрисы. Она не узнала о том, что ее муж — известный художник Сергей Шерстюк — тяжело болен. Пройдет девять месяцев, и он отправится в тот же далекий путь — в смерть, за любимой. Гибель Елены Майоровой потрясла и шокировала общество. Все, кто в какой-то степени сталкивался с ней, вспоминают о том, что ее поведение бывало экстравагантным, о том, что она бывала то слишком замкнутой, то слишком откровенной. И все приобретает особенный смысл.

В сенсационном расследовании Натальи Радько названы имена тех, кто был причастен к этим событиям.

ISBN 978-5-271-25376-8

9 785271 253768

НАТАЛЬЯ
РАДЬКО

НАТАЛЬЯ
РАДЬКО

СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ
И МУЖЧИНЫ
ЕЛЕНА МАЙОРОВОЙ

Астрель

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Р15

Радько Н.Е.

- Р15** Смерть, любовь и мужчины Елены Майоровой / Наталья Радько. — М.: Олимп: Астрель, 2010.— 239 [1] с. — (Актерская книга).

ISBN 978-5-7390-2432-9 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)

ISBN 978-5-271-25376-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Эта книга о жизни, творчестве, любви и смерти актрисы Елены Майоровой. Женщины, которая сожгла свою судьбу 23 августа 1997 года. Она не дожила до сорока лет и наверняка не сыграла самых главных своих ролей — ролей настоящей, редкой, характерной актрисы. Она не узнала о том, что ее муж — известный художник Сергей Шерстюк — тяжело болен. Пройдет девять месяцев, и он отправится в тот же далекий путь — в смерть, за любимой. Гибель Елены Майоровой потрясла и шокировала общество. Все, кто в какой-то степени сталкивался с ней, вспоминают о том, что ее поведение бывало экстравагантным, о том, что она бывала то слишком замкнутой, то слишком откровенной. И все приобретает особенный смысл. В сенсационном расследовании Натальи Радько названы имена тех, кто был причастен к этим событиям.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вместо предисловия — пара фраз в свое оправдание. Интерес к чужой жизни и смерти — не всегда праздное любопытство. В данном случае это боль, которая не кончается. Время требует ответа на самые сложные вопросы. Прекрасная молодая женщина, чудесная актриса ушла, оставив за собой горящий след общей вины. Время само находит ответы на какие-то вопросы. Все, что могу я, — поделиться тем, что знаю, что знают другие, и написать о жизни, любви и смерти той, без которой муж не захотел остаться на земле, без которой сцена и экран стали беднее.

ГЛАВА 1

Она не спала в ту ночь, но сны ей снились. Нет, это были не сны. Она растворялась в тишине темной комнаты, а в мозгу кто-то прокручивал наскоро склеенную ленту. Черновой монтаж. Вот она смешной неуклюжей девчонкой идет с флажком в первомайской демонстрации. Играет музыка, звучат лозунги, а она смеется во весь рот и старается громко кричать «ура!». А здесь она болеет. Горит голова, руки, мама дает лекарство, заставляет проглотить несколько ложек горячего супа. И ей вдруг становится так хорошо, так уютно, что приходится с усилием открывать слипающиеся глаза, чтобы растянуть это ощущение. От следующей картинки Лену начинает знобить. Мороз такой, что дыхание может превратиться в сосульку. Но она не уходит греться. Она возится с бесконечными тяжелыми трубами, занимаясь тем, что никому в жизни

потом не сможет объяснить. Она их изолирует. И ей почему-то нужно сделать это лучше всех, чтобы получить пятерку.

Это танцы. Девчонки жмутся друг к другу, как в «Параде планет», хихикают, стреляют глазками в кавалеров. Лена смотрит прямо и тревожно. Ее редко приглашали первой из-за роста, неуклюжей походки и этого прямого, внимательного взгляда. И она благодарна тому, кто ее пригласил. Они танцуют медленный танец, он плотно прижимает ее к себе, она опускает ресницы и какое-то время чувствует себя Наташей Ростовой. Но, Господи боже мой, какую чушь несет ее партнер между обжиманиями. И не мылся он, видимо, давненько. И на кого похож! Несколько прыщей на двух ногах. В ней поднимается нетерпение. Она не может дождаться конца музыки. «Да пошел ты!», — с облегчением произносит она, когда танцор пытается пристроить коленку к ее ногам. Она идет на свое место, и больше ее не приглашают.

Ой, неужели это та же девчонка из ПТУ? Она — студентка ГИТИСа! Ее хвалит и опекает сам Олег Табаков, на нее приходят посмотреть режиссеры кино, ей выделили место в актерском общежитии. И чтоб не было особых проблем с пропиской, Табаков нашел ей фиктивного мужа. Он быстро захотел стать фактическим, даже ушел из квартиры с мамой на ее полусолдатскую койку. Деньги, которые он получил за штамп в паспорте, кончились. И опять началось нетерпение. Он что, собирается всегда путаться у нее под ногами? Он ушел с видом оскорбленного и униженного. И началась эта беда. Эта любовь с известным, прочно женатым актером. Вот-вот этот момент, которого она несколько лет ждала. Его губы уже готовы произнести: «Люблю. Буду только с тобой». Но даже в этом киносе он ничего не скажет. Просто склейка. Оборванный кадр. Лена прогнала его тогда, потому что не могла вынести отсутствия надежд. Спокойно смотрела, как он собирается, а потом закрыла дверь и упала на пол. Ох, как же ее корежит. Как бьется она в истерике и катается по полу, справ-

ляясь с желанием разбить свою голову, как только что разбила свое сердце. Она воет, как раненая волчица: «Отпусти же меня! Отпусти!» Жалко ту наивную Ленку. Она ждала какой-то помощи.

Впрочем, помощь пришла. Это был Сережа Шерстюк, генеральский сын и элитный художник. Он влюбился мгновенно, она немного помедлила, пока горечь первой любви не ушла из сердца. А потом... А потом они бросились друг к другу, как два последних человека на планете. Вот их свадьба, вот они наперегонки болтают всякую ерунду в его мастерской, а потом она изумленно разглядывает свои странные портреты, изысканные и немного страшные. Он считает ее красивой, как богиня. Он доверяет ее таланту и вкусу. Он здесь! Он просто спит! Еще ни с кем из них ничего не случилось. Почему же ей все время кажется, что они умирают? Он просто устал, она запуталась в трех мужчинах. Но так бывает. Лена вглядывается в кадр, который в кино называется постельной сценой. С Сережей что-то происходит, и дело не только в ней. Он постоянно усталый, но не может отдохнуть. Все говорит и говорит. Из их близости сначала ушла его страсть, потом ушла и сама близость. Во всех отношениях. Самый родной человек, все время рядом, но между ними стеклянная стена. Может, он болен? Его художба уже напоминает истощение. Может, он настолько болен? Она не вынесет, если с ним что-то случится. Она трусиха. Она может лишь позаботиться о том, чтобы несчастья стали ей неизвестны. Как? Да как-нибудь. Жизнь всегда что-то придумывает.

Дальше. Это плохая сцена. Самая плохая. Она отыграла «Три сестры» и тащит себя в кабинет главного режиссера. Он ждет. Он уже нетрезв. У него неумные руки и глаза старика, который не соображает, что из его рта текут слюни. Она пьет вместе с ним, торопит процесс, чтоб он наутро забыл, что ничего не было. Но он все помнит наутро. И нередко встречается

ее приказом о снятии с роли. Через день восстановит. Этот прошедший день прокрутите, пожалуйста, побыстрее.

А вот и Олежек. Мальчик. Олененок. Молодой, зеленоглазый, белокурый, ростом до шеи ей достает. В хорошие минуты он кажется ей похожим на Есенина. Актер из фильма, который называется «Странное время», игрушка для героини, которую играет Лена, развлечение, отдушина для серьезной актрисы. Поигралась бы и выбросила. Но Майорова привязалась к Олегу Василькову. Вот этот кадр. Он возьмет ее за руку, спросит: «Ты меня любишь?». Она рассмеется, у него дернется рот, как будто он собирается заплакать. Она затормошит, зацелует. Но, наверное, не любит. Он похож на Сережу в молодости. Только без Сережиного ума, без Сережиного таланта и этого душевного надрыва, который вроде бы и лишний, просто он там, где есть глубокая душа.

Пожалуйста, маму не показывайте. Что-нибудь спокойное. Вот это подойдет. Картина «Двое и одна». Героиня Майоровой все суетилась, волновалась, торопилась, любила, а потом просто умерла. И этот кадр. Она лежит в гробу, вся в цветах, а все плачут и крестятся. А она успокоилась. Как сердце бьется. Нужно встать и выпить какой-то валерьянки, что ли. А за чем? Пусть бьется. Оно еще не выполнило всю работу.

За шторой утро. Лена сворачивается в клубочек и крепко закрывает глаза. Сейчас Сережа будет будить ее, чтобы ехать на дачу. Когда он тронул ее за плечо, она повернулась, потеряла покрасневшие от бессонницы глаза и хрипло сказала:

— Ты слышишь, что у меня с горлом? Простыла, наверное. А ночью озвучание. Я полежу, до вечера пройдет. Вы без меня, ладно?

Он целует ее и уходит. Хлопнула входная дверь. Наконец она одна. Она отдохнет, поспит, потом долго будет стоять под душем, тщательно помоеет голову, чтобы смыть эту пеструю ленту своей жизни. На самом деле все нормально. Она — одна из лучших актрис, играет во МХАТе чуть ли не все главные

роли. Главный режиссер по большому счету души в ней не чает. Муж любит, как в самом начале совместной жизни. Немного ругаются, но с кем не бывает. И еще есть Олег, 28-летний любовник, ласковый и преданный, как котенок. Временами изменяет, но ей-то какое дело? Она замужняя дама, известная актриса, ей скоро стукнет сорок лет. Еще какие-то годы, и ее молодость останется лишь на пленках и портретах мужа. Но у нее нет страха перед возрастом. Ей иногда кажется, что она ждет — не дождется, когда станет солидной дамой, переступившей навсегда через страсти и комплексы, и начнет играть настоящие роли в кино. Как Мордюкова, Раневская. Она хочет успокоиться. Стать хотя бы такой, как ее Наталья, жена Макарова из фильма «Макаров». Слабозмоциональной, замороженной интеллигентскими идеями. Муж с ума сходит, на стенки лезет, к другой женщине потянулся, потому что жизнь его перевернулась. А женушка заметила лишь новые стихи, не отвечающие ее вкусу, собрала какие — то тряпки, взяла ребенка и поехала к другу на дачу — переждать, поделиться собственным стрессом.

Поделилась. Муж чуть этого друга не убил, она поняла, что поступила не совсем правильно, вернулась домой, держа ребенка за ручку, а муж уже летит из окна. Потому что с женой, доброй и понимающей, повезло. Когда снимали финальные сцены, Лене хотелось сказать своей героине: «Что ж ты за курица такая слепая?» Тем более героиня в огромных, идиотских очках. А сейчас ей хотелось бы стать такой слепой курицей. Бормотать стихи Гумилева, не видеть ни своей вины, ни своей опасности, переползать, как черепаха, из года в год, из жизни в смерть. Так. Только не это. Смерть она репетировала всерьез. Становилась на подоконник, чтоб все присутствующие тащили ее обратно, дрожа от страха, висела в открытой двери летящего поезда. А в вагоне публики, как в партере. Она всегда знала, что остановится, что даст себя остановить. Она сильная, трубы ворочала, мешки с цементом таскала,

смерти ее не так легко будет победить. Но что ж за беда ее так скрутила, что за боль мешает дышать? Депрессии бывают у всех, но потом они проходят. А тут как будто нож вонзили в сердце и забыли вытащить.

Лена устроилась под одеялом поудобнее и, наконец, уснула. Ей приснился настоящий, нормальный сон. В нем было все хорошо. Ее ждало хорошее утро, она чувствовала, что на кухне возится мама. Значит, она дома, в Южно-Сахалинске. Проснулась и позвонила Тане Догилевой, которая собиралась зайти сегодня. «Не нужно», — сама не зная почему, сказала Лена. И рассказала про озвучку, про простуду. «Полежу сегодня, посплю». Потом Лена лежала и напряженно смотрела в стену. Почему отказала? Таня — лучшая подруга, открытая, добрая, умная. Вот, потому что умная, и отказала. Слишком многое сможет понять. А помочь сегодня — вряд ли. Лене нужно другое. Сейчас она сообразит, что же ей нужно. Сейчас она сама разберется с тем, что творится в душе.

Сон про Южно-Сахалинск растаял, как кусочек льда под солнцем. Хорошее утро было не для нее. Надвигались стены со всех сторон, не хватало воздуха, знакомый спазм сдавил грудь. Ерунда. Депрессия. Но что же с этим делать? Ей мешают вещи, мысли, собственное тело. Что с этим всем делать?!

Для начала нужно встать. Лена опустила ноги на коврик у кровати. Она даже в обувном магазине стеснялась сказать, что у нее 42-й размер. Говорила: 41 с половиной. Она подошла к зеркалу и внимательно рассмотрела себя всю. Худое тело, не очень тонкая талия, небольшая грудь. Лицо с правильными чертами совершенно бесцветно, как будто бессонная ночь стерла с него краски, как Сережа смывает холсты. Щедрый же он человек, если считает, что богини бывают именно такими, как она. Ее идеалом красоты был совершенно противоположный тип. Что-то вроде Мальвины. Маленькая ножка, изящная фигурка, распахнутые, как у куклы, глаза, губки цветком и локоны до плеч, пусть даже не голубые. Из подруг Лены в эти

рамки больше всего вписывалась Марина Шиманская. Однажды психолог курса заставил всех отвечать на вопрос: с кем бы вы не хотели быть рядом? Майорова, не задумываясь, написала: «С Шиманской». Она не собиралась скрывать, что боится проиграть в сравнении с подругой, не прятала свои комплексы. Причем этот ответ не имел никакого отношения к человеческому отношению к подруге. Она ее любила и ценила.

В ванной она долго стояла сначала под очень горячим душем, потом обдала себя холодным потоком. Наконец вздохнула полной грудью. Волосы вымыла до скрипа. Высушила их феном, но вытираться не стала. Обнаженная пришла на кухню, сварила себе кофе, сделала пару глотков, нашла в морозилке вазочку с мороженым и проглотила несколько холодных кусочков. Но вместо бодрости вновь проснулось отчаяние. Все плохо. Она не справится. Лена заметалась по квартире, убегая от собственной боли. Нужно звонить Олегу. Она не находит его по телефону и оставляет сообщение на пейджере: «Где ты? Позвони». Через какое-то время телефон звонит, но это какой-то незнакомый ей режиссер — предлагает почитать сценарий. Она слушает и глотает водку из бутылки, оставшейся с вечера. «Кого-кого играть? Женщину, разочарованную в любви? В возрасте и с опытом? Старую блядь, что ли? Я такую уже сыграла». Она хрипло хохочет, бросает трубку, ее всю трясет. Ей кажется, что ее страшно обидели, унизили. Что она после этого не сможет выйти из этой квартиры никогда. Лена бросается к своему столу, где аккуратно сложены газеты с рецензиями на ее работы, интервью с ней. На какое-то время она успокаивается, читает. Рецензии, честно говоря, никакие. Чему она радовалась, когда собирала их? Интервью... Да какая же это актриса будет так старательно и напряженно отвечать на дурацкие вопросы. Только та, которая притворяется актрисой, заводская девчонка, до смерти перепутанная тем, что ее разгадают, рассмотрят до конца. Получается, прав Ефремов, постоянно пытаюсь использовать ее по назначению.

Даже почти благороден: сделал ей предложение руки и сердца при живом и любимом муже. Кстати, муж во время этих представлений нередко присутствует. Он улыбается, а по дороге домой говорит: «Да что ты так переживаешь? Он старик, постоянно пьет. Он выжил из ума». Елена раздражается, ее не хватает на ясный и логичный спор. Она просто кричит, старается его обидеть. И это в лучшем случае. В худшем она умолкает и думает о мести. Вот я ничего не скажу, но сделаю так. Или по-другому. По-всякому, лишь бы ему было больно, как ей. Ведь мужской ум устроен совсем иначе. Реакция только по факту. Она несправедлива и знает об этом. У Сережи всегда болит душа, просто гибель древних цивилизаций и судьба России угнетают его больше, чем болтовня пьяного Ефремова.

В полдень приходит Никита, сын Сергея от предыдущего брака. Спокойная Лена угощает его мороженым, они перебираются ничего не значащими фразами, он уходит.

Лена опять звонит на пейджер Олега Василькова: «Приезжай. Я погибаю». Видимо, она надеется, что его молодость, оптимизм, его влюбленность может спасти. Лена закурила, присела, задумалась. А вдруг он придет? И увидит, что она жива и здорова? Что она скажет? Да, собственно, ему не привыкать ее откачивать. Он и сам-то зашитый, вынужденный трезвенник. Водка кончилась, не появилось даже легкого опьянения. Нервический спазм по-прежнему сжимает горло и грудь. Но выйти из дому не представляется возможным. Попросить кого-то сбежать в магазин — тоже.

В дверь опять звонят. Это водитель, которого прислал Александр Орлов, режиссер картины «На ножах». Лена смотрит на него страдальческими глазами и умело сипит: «Я заболела. Скажите, чтоб перенесли на понедельник». Водитель уходит.

Лена смотрит на зашторенное окно огромными глазами и понимает, что она в квартире не одна. Беда загнала сейчас ее в ловушку. Ее вина, грехи, комплексы, обиды — все они со-

брались здесь и сейчас не случайно. Она берет первую попавшуюся газету со своим интервью и читает: «Елена — это факел, горящая. Мне нравится мое имя». Она уже не помнит, сама ли это вычитала или Сережа подсказал. В два часа дня Лена выходит из квартиры и звонит в ближайшую дверь. Ей открывают и смотрят без особой радости. Она улыбается: «Что-то у меня крыша едет». В ответ — молчание. Она смущенно пожимает плечами и уходит. Дома опять звонит кому-то из группы фильма «Странное время», говорит, что не может найти Олега.

Лена приходит на кухню, берет спичечный коробок и зажигает спичку. Как Глафира в сериале «На ножках». Смотрит на маленькое пламя, пока спичка не сгорела дотла. Это красиво. Это прямолинейно и страшно. Это никто не забудет. И, наверное, только огонь уничтожит ее боль.

Она вошла в спальню, открыла шкаф, потянулась за обычной, повседневной одеждой — простые юбки, кофточки, брюки. Но вдруг решительно все отодвинула и достала длинное, в пол, шелковое платье «в облипку». Они купили его с Сергеем в Америке. Оно ей невероятно шло. Она надела его на голое тело и подошла к зеркалу: «Говоришь, богиня? А что. Не шалашовка». В гостиную Лена пришла медленно, как будто платье заставляло ее экономить движения. Она думала о том, что ей сейчас понадобится много сил. Она достала с полки бутылку с авиационным керосином, который Сережа специально доставал для редкой, антикварной керосиновой лампы. Она обильно и равномерно полила платье керосином, последние капли, оставшиеся на ладонях, нанесла на вымытые волосы. А затем взяла на кухне коробок со спичками.

Один из соседей потом расскажет, что видел в глазок, как Лена одну за другой зажигает спички. Они ломались, сгорали в ее руках. Сосед подумал, что она вышла покурить. Он не видел, как пропитанное керосином платье все же загорелось, как огонь потянулся к лицу, волосам. В это время Елена уже

шла неторопливым шагом с шестого этажа вниз. Во многих квартирах были люди, но она не позвонила ни в одну дверь. На третьем этаже, кроме гари и обгорелой кожи, — следы крови. Видимо, там она упала. Из подъезда вышла уже без платья. Оно превратилось в коричневую корку, вожженную в кожу. Волос не было, на лице живыми оставались только глаза. Рядом была Тверская с обилием людей, машин, где была возможна помощь. Но она пошла через арки, дворами, к театру Моссовета. Она остановилась перед вахтершей Галиной Михайловной, которая, конечно, ее не узнала, взглянула пронзительно и страшно. И упала. Потом появился участковый милиционер. Видимо, кто-то из соседей все-таки ему позвонил, он вызвал «скорую», которая повезла Елену Майорову в Институт Склифасовского. Когда ее там снимали с носилок, одна медсестра сказала: «На артистку одну похожа».

— Я — артистка, — сказала Лена.

Ее привезли в пять часов. Врачи сразу стали искать родственников, знакомых. В девятнадцать сорок Елена Майорова покинула землю. Она оставила тем, кто ее знал, страшное наследство: муки, сомнения, вопросы без ответа.

Сначала церковь отказалась отпевать Майорову, поскольку самоубийцы — грешники. Для мужа Сергея это был невыносимый момент. Он считал, что их брак так трагически закончился во многом из-за того, что они не обвенчались. Задним числом пришлось найти свидетелей, которые якобы слышали слово: «Помогите». В театре Моссовета кто-то даже сказал, что Лена произнесла: «Прости меня, Господи. Прости, Сережа». Вряд ли это было возможно хотя бы по причине адской боли. Могла кричать в первые минуты, но не закричала. А потом... Потом факелы догорают молча.

Родственники приложили много усилий, чтобы смерть Елены Майоровой была названа «несчастливым случаем». Например, журналистка Ямпольская, встретившись с сестрой Сергея Светланой, предложила такой вариант. У Лены болит

горло, она решила его прополоскать керосином, пролила на платье, закурила, а дальше все, как было. Светлана ухватилась за эту идею: «Я об этом не подумала, но может быть и так». Версия пошла гулять по газетам и телефильмам. Но в биографии Майоровой, написанной Ямпольской, автор отрекается от собственной версии. Так быть не могло. «Похоже на правду, но не правда — вот что думаю я теперь о своем «дедуктивном» открытии. Расставаться с ним жаль, но приходится. У авиационного керосина легко воспламеняются только пары. Пролитый на ткань, он не горит — во всяком случае, единичная искра здесь бессильна. Надо долго держать вещь в открытом пламени — вот прочему лестничная клетка была засыпана обгоревшими до основания спичками». Честно говоря, это и не было похоже на правду. Мороженым Лена керосин, что ли, закусывала? В вечернем платье, днем, одна в квартире? И это обилие спичек, к сожалению, не оставляет повода для сомнений. Майорова, девочка-отличница, при всех своих выходках, алкогольных провалах была трезвым, умным и сильным человеком. Она была чистюлей и максималисткой. В самоуничтожении, страшнее которого не придумаешь, она не оставляла для себя шансов спастись.

На прощание с ведущей актрисой МХАТа не пришел главный режиссер. Один из журналистских изысков — версия о том, что он не простил любимой женщине такого чудовищного ухода. Бросила, мол. Мне кажется, правда проще и яснее: страх и чувство вины. Во всяком случае, так сказал бы любой криминалист. На роли Майоровой срочно ввели других актрис, ее портрет через несколько дней сняли со стены в фойе. Еще один человек повел себя так, что трудно не вспомнить о шапке, горящей на воре. Съемочная группа «Странного времени» во главе с режиссером Натальей Пьянковой пришла на похороны перепуганной кучкой. Все в темных очках. Плакал только Олег Васильков. Пьянкова после похорон по свидетельству очевидцев пыталась смыть пленки со снятым мате-

риалом. Ее многие обвиняли в том, что она серьезную актрису втянула в мутное, невыносимое для чистой души занятие. Впрочем, она быстро оправится и даже найдет для себя возможность пиара. Она начнет рассказывать журналистам, что «Странное время» раскрыло Елене Майоровой ее суть и потому она пошла на такое открытое самоуничтожение. На «моно-спектакль». Язык повернулся. После этих слов трудно не согласиться с Сергеем Шерстюком, предъявившим Пьянковой тяжелейшие обвинения. Он не пойдет с ними в прокуратуру. Он напишет все, что думает, самому близкому, единственно близкому человеку — жене Лене. Он всю их совместную жизнь вел бесконечные беседы с ней в своем дневнике. У них было мало времени на разговоры. Ее гибель оставила ему единственную возможность душой приблизиться к душе. После его смерти дневники под названием «Украденная книга» будут опубликованы в журнале «Октябрь». До его смерти оставалось ровно девять месяцев. Раковую опухоль обнаружили после гибели Лены, а горе страшно ускорило процесс. Он пишет почти до последнего дня. И все о ней, все — ей. Он терпит невыносимые муки, но смерти он не боится, он надеется на нее, как на возможность вновь быть вместе. «Нас с тобой — просто-напросто — убили. Нашли дорожку. Я без тебя жить не буду. Я — твой. Ты меня получила не на двенадцать лет и семьдесят пять дней, а на всю-всю — жизнь». «Родная моя, мы знакомы двенадцать лет и шесть месяцев. В пять часов откроется моя выставка «Ты и я». Я очень болею. Господи, помоги мне прийти хотя бы на открытие. Я очень тебя люблю. Ты жива, Леночка, это я умер». В предисловии к «Украденной книге», написанном Игорем Клехом, есть такие слова: «Это история, которую надо рассказывать с конца». Так я и поступаю.

ГЛАВА 2

По факту загадочной гибели актрисы Елены Майоровой, как водится, было заведено уголовное дело. Рассматривались версии самоубийства, несчастного случая и убийства. Единственным подозреваемым третьей версии стал Сергей Шерстюк. Безумно влюбленный муж, знавший о том, что в последнее время у его жены был молодой любовник. Вряд ли Сергей заметил, что его допрашивают как подозреваемого. Узнав о своем невероятном горе, он выпал из действительности. Он никого не видел и не слышал. Он все шел и шел по этой лестнице — с шестого на первый, по этому двору, — пытаясь попасть в ритм ее походки, пристроиться, услышать последние мысли, понять. Он ни минуты не сомневался в том, что она уничтожила себя продуманно и сознательно. Но это было ее право, ее логика. Сергей не жалел себя, оставленного со своей великой любовью на пепелище. А ведь жалость к себе могла бы его спасти. Просто его выбором стал зажженный ею огонь. Все остальное — предательство. Он горел дольше, чем она, — девять месяцев без ночей и дней, ни на секунду не забывая о том, что произошло. «Что?! Лена!» Только однажды он напишет в отчаянии: «Неужели был настолько плох, что со мной незачем было оставаться? Ну, просто, чтоб побыть» Но в следующей фразе найдет для нее оправдание: он же оставил ее, уехав на дачу.... Пока Сергей искал свою единственную женщину на земле, пока насмерть боролся с мыслью о том, что именно на земле ее нет, его родные прятались от звонков и вопросов, родственники Лены ехали в Москву с далекого Сахалина. МХАТ, друзья, знакомые пребывали в шоке. А работники морга звонили начальнику 108 отделения милиции по

поводу того, что тело актрисы у них никто не забирает. Бедная Леночка Майорова, о которой в те дни говорили все, вновь по стечению обстоятельств оказалась брошенной. Сергей так и не сообразит, с чего нужно начинать эти страшные хлопоты. Все взяли на себя друзья и театр.

Дело об убийстве возбуждено не было, по поводу самоубийства следствие старалось избегать официальных комментариев, родные, театр, знакомые дружно заявили о том, что был просто несчастный случай, детали которого в разных интерпретациях не совпадали. Лишь агентство «МК-Новости» и «Коммерсантъ», сославшись на информацию правоохранительных органов, сообщили: покончила с собой известная актриса Елена Майорова. Я занималась в те годы журналистскими расследованиями, общалась с криминалистами, экспертами, следователями. Должна сказать, что у профессионалов двух мнений не было. Речь шла о продуманном, публичном самоуничтожении с особой жестокостью по отношению к себе. И по отношению к нему. У этого самосожжения — не женский почерк. Психологи считают, что хотя женщины чаще совершают попытки суицида, именно мужчины лишают себя возможности спастись. Перерезать вены и полезть в петлю, встать на подоконник высокого этажа и застрелиться — это мужской почерк. То, что совершила 23 августа 1997 года Елена Майорова, конечно, трудно, почти невозможно принять, как ее выбор. Яркая, заметная, нестандартная актриса, прекрасная женщина, любовь которой нужна была как минимум трем мужчинам, добрый, великодушный, порядочный человек. Почему она ступила в эту адскую боль, отдала огню все — чистое лицо, прекрасную кожу, красивое тело? А за пару минут до этого, как хорошая хозяйка, убрала все на кухне, помыла посуду, оставила на столе сумочку с паспортом. И вышла на площадку с коробком спичек, чтобы не вернуться никогда и никуда.

В августе 2002 года журналистка Надежда Репина опубликовала интервью с руководителем Центра острых отравлений членом-корреспондентом Академии медицинских наук профессором Лужниковым.

«— ...Кто был вашим пациентом?

— Елена Майорова лежала у нас несколько раз: таблетками травилась. Она сгорела. Это типичный суицид. Не знаю, за что она себя так наказала.

— Говорят, она керосин на себя пролила.

— Как пролила? Не пол же она мыла керосином. Нет, нет, это типичное самоубийство. Есть эстетика самоубийств: при любовных конфликтах травятся лекарствами — выпила таблетки, уснула навсегда и осталась такая же красивая...»

Стало быть, дело не только в любовных конфликтах, которые, разумеется, были. Елена Майорова — актриса, фанатично преданная творчеству, наделенная интуицией, искренностью, великим воображением. Истребляя свою красоту, она, возможно, именно к творчеству и обращалась с последним монологом: «Это все. Обратной дороги нет».

За прошедшие годы не умолкали разговоры в пользу бедных: ей нужно было больше отдыхать, не стоило так надирать душу каждой ролью, меньше пить, страдать, хорошо бы полечиться успокоительными лекарствами. Но она прожила свою жизнь и встретила свою смерть. Это вечный вопрос: слабый или сильный способен на самоубийство. Выпить слишком много таблеток, зная, что откачают, — это или слабость, или репетиция. Выйти на улицу обутленным факелом, устоять, сделать 150 шагов до Театра Моссовета... Господи, включите воображение. Сколько нервной энергии, уверенности и силы требует такой финал!

Вот цитаты из ее интервью 1997 года, которое при ее жизни не было опубликовано.

— Лена, вы как актриса счастливы?

— Я очень довольна. Я снималась два года в экранизации Лескова «На ножах». Это очень серьезная работа, настоящая. Правда, я играю там роль очень необычную для себя — роковой женщины, женщины зла.

— И вы взялись за нее?

— Взялась. Потому что я — камикадзе. Потому что моя профессия... как вам сказать... я должна зло воплотить, чтобы на моем, точнее, моей героини, примере люди это зло возненавидели. Иные актрисы говорят, что на их судьбу роль не действует. Может быть, они такие актрисы... не знаю. На меня все роли действуют. Все! Потому что моим же сердцем, моими же легкими, почками, печенью эта героиня будет жить и говорить. У артистов очень опасная профессия. И я просила благословения у батюшки в церкви. Он долго, долго думал. Потому что слишком много всего накопилось — мои грехи человеческие плюс еще эта роль. В общем, он благословил меня. Глафира же смирилась, поняла всю бездну, в которую она попала по своей гордыне, жажде денег. Она — убийца косвенный. Но я увлеклась, когда играла эту роль. Даже пришлось заглушать все это спиртным, понимаете? Потому что после Глафиры я не могла вернуться в себя. Это была какая-то мистика. Я стала злобная, властная, агрессивная. Мне тогда нужно было просто прийти в себя. Каким образом? Посредником было спиртное. Сейчас эта роль кончилась, и такой проблемы у меня нет.

— Елена, любовь, по-вашему, это что такое?

— Одухотворенность, осмысленность какая-то. Если любишь, ты миришься со всем, принимаешь человека. Помогаешь ему. Ведь мы же не умеем любить. Об этом наш фильм «Странное время». Мы все пытаемся любить, стремимся, мечтаем о любви. Но когда она приходит, мы все равно несчастны. Иногда я думаю, что умею любить. Иногда кажется — не умею. Да, конечно, привычка — муж, семья. Тут уж никуда не денешься. Муж — это понятие. Друг, любовник, отец и ребенок — все в одном лице.

— Но ведь это еще и половинка. Это, по сути, и вы сами. Или нет?

— Нет, конечно. Половинка — только потому, что спутник жизни. Мы делим с ним радости и горести этой жизни вместе. Но он, конечно, не моя половина. Он — совсем другой человек. Я знаю, что такое — резать по живому любовь. Было так: я влюблялась, а в меня — нет. В молодости так было... Это значит, что я не в того человека влюблялась.

— Как же не в того? Это же сердце, ему не прикажешь?

— Прикажешь! Я научилась приказывать сердцу. От этого я стала сильнее и мудрее».

Сергей Шерстюк после гибели Елены понял, что он всего лишь половинка. Что сердцу приказать невозможно. Что смерть — не конец, а начало другого, по-прежнему совместного существования. Только более глубокого, страшного, обнаженного. Как он ее любил! Так любят раз в тысячу лет. Его сестра Светлана рассказывала, что не ожидала от него такого чувства. В предыдущем опыте, — говорила она, — были совсем другие отношения. Он считал, что женщины должны носить его на руках. «А тут — все наоборот... Лена любила сначала театр, а потом Сергея». Знала ли Елена о глубине его

чувства? О том, что в такой степени, в какой живым женщинам мужчины не признаются. По крайней мере — регулярно, каждый день. Его дневники последних девяти месяцев жизни, обращенные к ней, — это литература неземного уровня, последнего вздоха и живой страсти без конца и края. Если пройти это море отчаяния, паники и боли, можно оказаться на берегу Любви. Можно понять, что это такое — любовь. Они жили как два очень близких человека, в чем-то очень похожих, в чем-то разных. У них были любимые занятия, общие привычки. Они оба были ранимыми, возбудимыми, гиперэмоциональными. Иногда оба, вместе или порознь, искали спасение в спиртном. Говорили друг другу не только то, что хотели друг от друга слышать. Мучились периодами непонимания, приступами ревности, страдали от обид, унижения, мнительности и комплексов. У них были ссоры и скандалы, несмотря на то, что ни один из них не нашел бы для себя более подходящей пары. Половинки. В ссорах они подбирали беспощадные слова, сознательно причиняли боль друг другу. Так бывает, когда люди уверены в том, что потом сумеют забрать эти слова обратно. Что ничто не способно навредить любви. Наверное, это своего рода безмятежность. Елена не могла не понимать, как много значит для мужа. Она в любом сценарии в первую очередь читала подтекст, в пьесах находила смысл между строк. В том, неопубликованном интервью она старается правильно выстроить систему отношений, легко произносит слова: «привычка», «он — совсем другой человек». Там есть еще такая фраза: «Вот я вижу: кто-то на меня смотрит. Мое дело — откликнуться или нет. Я не откликаюсь. Я говорю себе: «Лена! У тебя есть человек, которого ты должна любить, — муж! И ты люби его. А вот этого — не надо! Это не твое». И это правда».

Дело в том, что это уже было неправдой. Она вышла из образа Глафиры, но страшно увязла в другом. В образе из фильма «Странное время». Опытная женщина снимает на ночь мальчика в ресторане, он пытается ей заплатить, как прости-

тутке, а она влюбляется в него с исступлением и болью. Исступления и боли в сценарии нет, но так увидела свою роль Елена Майорова. Ничего особенного в этом фильме не произошло, кроме того, что все действующие лица, включая режиссера Наталью Пьянкову, посидели в голом виде на деревьях, изображая эдем. Там ничего и не могло произойти, поскольку сценарий вялый и вторичный, режиссура — просто никакая. Фильм вроде бы привлек к себе внимание на маленьких международных фестивалях, как говорит сейчас Пьянкова, но это объяснимо помимо качества и вклада в искусство. Во-первых, что-то похожее на эротику в кинематографе бывшего железного СССР. А во-вторых, Майорова! Или в обратном порядке. Никто бы не сыграл так эту роль. Она, видимо, чувствовала потребность в выражении любви, выбираясь из панциря своей Глафиры («На ножах»). Она согласилась играть обнаженной, что всегда было для нее проблемой. Он ничего, этот Олег Васильков, но героиня Майоровой увидела в его герое всю красоту и печаль своей уходящей молодости, испытала соблазн — остановить мгновение. И остановила. Фильм сняли, а они не расцепили объятий. Часто после съемок Елена ночевала у Олега в его подмосковном Голицыно. Мужу звонила и говорила, что останется ночевать у Пьянковой. Сама страдала, скорее всего, из-за вины и предательства так, что вместо любви напивалась, и Олег отмачивал ее в своей ванной. Пьянковой она говорила: «Бог не простит мне этого романа».

Шерстюк после ее звонка бежал к дневнику. Он тоже все понимал, но больше всего боялся услышать правду. А эту правду съемочная группа Пьянковой уже несла по Москве, и Сергей читал ее в глазах своих гостей.

«1997 год. 9 апреля.

Если постоянно из-за — нет, за любимого человека испытываешь страх, то интуиции больше никогда не будет. В страхе сгорит, и ветер страх раздует... Где же Лена? Поче-

му не дал ей вчера пейджер? Она не звонит. Господи, не изменяет ведь, а больно. Эта «N» (Наталья Пьянкова) со своим кино чумовым — чума. Я ведь почувствовал, что в это дерьмо Лене нельзя, но нет, говорю, давай... Лишь бы снималась, думал.

Разве я страдаю? Мне просто страшно. Я — не герой, стало быть, Дух Святой только искоса поглядывает. Что я пишу? Господь страдает за тебя больше, чем ты. Это очевидно. Что со мной? Я не хочу знать никакой новой правды, не хочу писать, я боюсь страха, я слабый, мне просто плохо, и мне нет покоя. Я верю в Господа нашего Иисуса Христа — и мне плохо? Ничего глупее не бывает. Или я не верю, во что я никогда не поверю. Да просто вере моей место, наверное, в пыли... Ленка не звонит не потому, что она от меня уходит или, скажем, я от нее, а потому что — страх. Милая, любимая, родная. Что толку сейчас тебя понимать? Ты придешь, я знаю. Тебе, я знаю, сейчас хуже, чем мне, даже если ты сейчас улыбаешься и принимаешь почести. Ты не звонишь из страха, а я тебе этого не обещал.

11 мая.

«...Я ждал Лену, ждал, чтобы заснуть, когда она приедет. Позвонила, что придет в полночь. Позвонила в полпервого, что поедет к «N», а ты спи, люблю тебя очень, у нас праздник — последний съемочный день. Я выпил валокордин, валерьянку, колдрекс, и — бац — пусто... даже спать не могу... От моей бессонницы один разор и войны».

30 мая Олег Васильков с букетом цветов и вездесущей Пьянковой явился к Лене домой — поздравить ее с днем рождения. Стало ясно, что муж Сергей прекрасно знает, что происходит. Он сказал Олегу: «Так я понял, вы у меня жену украли?» Началась дикая ссора. Шерстюк кричал Лене: «Ты, сявка сахалинская, что ты имеешь, кроме моего имени!» Она отве-

чала: «Да ты кто такой? Ты просто мой муж!» В конечном счете Сергей упал на диван и отвернулся: делайте, что хотите.

Вот такой разор. Были и войны. На канале ТНТ есть передача «Битва экстрасенсов». В одном из выпусков сражающихся ясновидящих привели в дом, где жила Елена Майорова. Им показали лестницу, дверь квартиры и спросили, чья фотография в запечатанном конверте и что произошло с этим человеком. Никто не приблизился к правде, кроме одной участницы. Она сказала, что здесь произошло несчастье с женщиной. С очень талантливой, сильной и яркой женщиной. Очень самолюбивой. Она не хотела жить. «Ее растоптали», — сказала ведунья, которой впоследствии фамилия Майорова ни о чем не сказала. Но она не могла покончить с собой банальным способом, скажем, повеситься. «Возможно, здесь произошло самосожжение». Незадолго до смерти у этой женщины была связь с молодым человеком. «Что-то фанатичное было в этих отношениях», — так выразилась колдунья. Когда создатели передачи излагали то, что произошло на самом деле, они дали интервью с одной соседкой. Та сказала, что незадолго до смерти Лену стали видеть с молодым человеком. Муж очень ревновал, однажды утром в булочной соседка увидела, что у Лены синяк под глазом. На выездной спектакль «Тойбеле и ее демон» она и вовсе приехала вся в синяках. Вяло сказала: «Я упала». Но было очень похоже на то, что упавшую, возможно, в нетрезвом состоянии Лену кто-то в неистовстве избивал ногами. Кто? В одной из книг написано: дай-то бог, чтобы не Сергей. Ну, как бог может дать нейтральную версию? Кто, кроме Шерстюка, в те дни был настолько уничтожен любовью, яростью и собственным бессилием, что мог забыть собственное имя, а не только правила обращения с женщиной. Нелзя, конечно, на жену поднимать ни руку, ни ногу. Но теперь уже совершенно ясно, что в паре Майорова — Шерстюк альтернативой любви была смерть. Думаю, вряд ли он был способен кротко взирать, как его богиня, чистая и правдивая, сама

себя не в состоянии вытащить из омута страсти, с какой Елена привязалась в свое странное, критическое время к первому, в общем, попавшемуся под руку пареньку. Пришел час хвататься за соломинку, чтобы удержаться на земле.

Жили и понимали друг друга два любящих, искренних человека. Всю жизнь всерьез говорили о том, что только смерть может их разлучить. Он хотел умереть на ее руках: «Ты Никиту не обидишь». Никита — это сын Шерстюка от первого брака, который жил с отцом и Леной. И вдруг жена по уши увязает в любовной связи. В худшем варианте. Ею явно манипулируют. За парочкой постоянно таскается вся съёмочная группа «Странного времени», все то ли пьяные, то ли под кайфом. Они создают фон, массовку, замкнутый круг. Она — актриса, случай, прямо скажем, не редкий, но Сергей знает, что она не такая, как все. Что ее отношение к театру и кино больше похоже на одержимость, чем на профессию. Что ее искренность и максимализм не допустят лжи. В истории с Васильковым он хотел только капельку лжи. Ему не нужна была эта правда в лоб. Даже в те месяцы он не сомневался в ее любви. Если бы она спрятала этот роман, как делают многие, он бы дождался конца, ее полного к нему возвращения. Но он знал также, что она не сумеет солгать. Сходил с ума, лез на стены, а она на «Кинотавре» без всякой такой необходимости жила в одном номере с Олегом, ходила, держа его за руку, смеялась, когда ловила любопытные взгляды. Она его, кстати, там раскодировала, своего совершенно подчиненного ей любовника. Уже было ясно, что фильм ничего не получит, зато ситуация вокруг него сложилась скандальная, под стать репутации режиссера. И, разумеется, Майорова, заявленная как номинантка на лучшую женскую роль, ничего не получила. Хотя она, конечно, заслуживала приза. Так играют очень немногие актеры мирового масштаба. Там, на «Кинотавре», внимательным людям было заметно, что Майорова подавлена, разочарована, оглушена неудачей. Когда Пьянкова уговорила ее

принять предложение, Елена что-то вычитала в сценарии, как всегда, между строк и бросилась в эту самодеятельность, как на взятие вершины шедевра. И она сделала эту роль. Известный критик Валентина Иванова писала в газете «Культура»: «Кино, так называемое тусовочное, ультрасовременное... сделало решительную ставку не на актеров, а на персонажей, которых изображают свои же друзья-приятели — зачастую кинематографисты. Когда-то Пьянкова шокировала приличное общество тем, что сняла, по сути, свою дружескую компанию в дебютной ленте «С Новым годом, Москва!». Собственного мужа, некую известную сценаристку, которая за весь фильм так и не накинула на себя хоть какую-либо одежду — она ходит без ничего, прикрывшись одеялом и повязкой на больном горле... И потому в новой картине «Странное время» мы увидели почти тех же персонажей, с прибавлением самой Пьянковой в одной из ролей. Но...

Но зато в одной из новелл нам внезапно предстала Актриса, и все хитро сплетенный карточный домик вдруг зримо начал шататься. Хотя Елена Майорова, казалось бы, делает все для того, чтобы быть «в стиле», в тусовочном стиле. Ведь сюжет последней новеллы можно изложить в двух словах: женщина... сидит в кафе и случайно сталкивается взглядом со странным парнем... Потом они вдвоем выходят, садятся в машину, едут к ней домой. Ложатся в постель. И здесь что-то происходит — не очень понятно что (у Пьянковой никогда ничего определенного не бывает), но по-видимому, парень вернулся с какой-то войны. Какая-то за ним трагедия. Но все это отыгрывает именно Елена Майорова... И сразу предыдущая круговерть с разными любовными и семейными парами никнет и тает».

Елена пришла на оглашение результатов фестиваля в шикарном платье, села с любовником во второй ряд и демонстративно щелкала семечки. Под этим платьем корчилась и пряталась, как маленький ребенок, ее столько раз оскорбленная

гордость. Рядом сидел возлюбленный, который в глаза заглядывал и в рот ей смотрел. А она, как семечки, считала свои грехи и ошибки и хотела забыть, но ни на минуту не забывала о Сереже. О том, что она надорвала ему душу. Ей было больно думать о маме. Ведь она всю жизнь старалась исполнять данную ей клятву: работать только с теми, кто хотел с ней только работать. Если бы она шла навстречу другим желаниям кинорежиссеров, то наверняка в каком-то рейтинге самых сексапильных актрис не оказалась бы на последнем месте. Режиссеры не слишком любят строптивых и гордых. Те, кто составляют рейтинги, — тоже. Но разве она не влюбилась в Олега? Конечно, да. Что ж такая тяжесть на душе, что ей хочется с ним пить, а не заниматься любовью? Он сияет, когда смотрит на нее. Но ей не легче. Вновь это нетерпение. Ей нужно что-то ему сказать, как Сереже, чтоб каждое ее слово значило для него все, что было, и все, что будет. Но это невозможно.

Море, любовь, внимание публики. А на всех снимках со съемочной группой «Странного времени» у Лены такое несчастливое лицо. Неуверенный взгляд, деланная улыбка. Как будто она уже что-то решила. До 23 августа оставалось 2 месяца.

Через десять лет после гибели Майоровой журналистка Надежда Репина взяла интервью у Натальи Пьянковой:

— Наташа, как все началось? Почему ты пригласила в свой фильм Майорову?

— Я не была с ней знакома, но любила эту актрису по экрану. Мне очень нравилось ее лицо, в основном глаза, разъятый, как на иконах, совершенно не сфокусированный, охватывающий, женский такой, вселенский взгляд. И мне важна была такая актриса для характеристики героини, которая показана в достаточно рискованной истории (как любят говорить ханжи и моралисты). Мне важно было ее иконописное лицо для того, чтобы говорить о тонких и острых вещах — такие, как любовь с первого взгляда.

— Почему она так долго звонила Олегу? (23 августа. — Н.Р.)

— Наверное, ждала помощи от него... Олег приехал из Уфы в Москву и только по телевизору узнал о ее гибели. Он мне позвонил... заикался. Я его не узнала, не сразу поняла, что это Васильков... Он винил себя, что не мог оказаться рядом в этот момент. Васильков долго метался в страшных муках. Она потом часто к нему являлась, как наяву. Он говорил: «Еду в машине, смотрю в зеркало и вижу на заднем сиденье Лену»... Его долго это терзало. Я думаю, что мучит до сих пор. У Олега все время крутилась мысль, что она не сама... не сама это сделала... У нее было много поклонников, среди которых могли быть маньяки. Через несколько месяцев после ее смерти Василькову пробили голову случайные люди во дворе его дома. У него осколок черепа застрял в мозгу. Была сложная операция, и первое, что он мне сказал, когда я приехала к нему в больницу: «Ты помнишь, какой сегодня день? Меня, наверное, Лена зовет. Сегодня ее день рождения». А в это время в другой больнице умирал Сережа.

— Олег потом выздоровел, женился?

— Да, через какое-то время. И у него родился ребенок.

Вскоре «Странное время» посмотрят все. Его смотрят до сих пор. Я читала недавно в Интернете отклики. О самом фильме — немного бесцветного словоговорения. О Майоровой — отдельно, пристрастно, восхищенно. «Она абсолютно шедевральная актриса, редкость, перл. Личность, совершенно потрясающий человек — Явление в жизни. Неспроста ее бог так скоро прибрал к себе — как всегда — лучших». «Майорова поразила. Я буквально влюбился в нее без памяти, она даже снилась мне, причем в этом сне все было так странно — словно она открывала дверь какому-то незнакомцу и знала, что погибнет, но это ее не остановило, потому что после гибели

ей предстояло еще ЧТО-ТО. В общем, я сошел с ума конкретно. Тогда же посмотрел «На ножах» по Лескову, где она Глафиру сыграла. С тех пор Майорова — одна из самых любимых актрис для меня, и это просто трагедия, что достойных ее уровня ролей в кино почти не было». Это действительно трагедия нашего кинематографа. Режиссер далеко не всегда может выбрать ту актрису, которая ему нужна. Кинорежиссер Юрий Кара говорит о давлении, которое он испытывал, снимая фильм «Мастер и Маргарита». «Например, я хотел снимать в заглавной роли Елену Майорову, но наверху думали иначе. — Вы что, недовольны Вертинской? — Доволен, она отличная актриса, но постепенно превратилась прямо в духе романа в ведьму. И играет сейчас только ведьм». Меня опечалило это интервью. Если бы Майорова сыграла Маргариту в кино, может, она прорвалась бы на свой уровень кинематериала. Может, она передумала бы сжигать себя, как неудавшуюся рукопись, как испорченную пленку...

Сергей Шерстюк, преуспевающий художник, картины которого широко раскупались на выставках в Чикаго и Нью-Йорке, философ, литератор, оказался на «каширке», где у него обнаружили рак, через четыре месяца после смерти жены. Лечащий врач сказал: «Будучи верующим, Сергей не мог пойти на самоубийство, но мысль о смерти настолько для него была желанной, настойчивой, что он загнал ее глубоко в подсознание, и она потом давала сигналы ослабевшему организму». Он писал в больнице: «Я знаю, чтобы окончательно выздороветь — мне надо забыть тебя, а я не могу и не хочу. Жди, я скоро приду к тебе». Нет сомнений в том, что он верил: она читает то, что он пишет. Если бы она его меньше любила, если бы не была ему таким родным человеком, он, возможно, тоже, как Васильков, выкарабкался бы из этого кошмара и продолжал бы жить. Он был страшно предан своему творчеству. И врачи давали ему реальный шанс. Но без ее любви он ни жить, ни дышать не мог.

ГЛАВА 3

Еще одному мужчине после гибели Елены Майоровой стало тяжелее дышать. Да и жить ему осталось недолго. Олег Ефремов. На сороковой день после гибели Елены Майоровой главному режиссеру МХАТа исполнилось семьдесят лет. Он праздновал свой юбилей в театре, много пил, как-то шутил, не смотрел на стены, где больше не было фотографий Елены. На гостей, произносивших заготовленные дифирамбы, он смотрел равнодушно и плохо. Но постоянная свита приближенных людей, видимо, как-то отвлекала его от тяжких мыслей, от страха и одиночества. У него больше не было друзей, огонь унес последнюю женщину, в которую он по-своему был влюблен. Возможно, он никогда еще не испытывал столь сильной, длительной, навязчивой и безрезультатной привязанности. Он заметил ее, когда Майорова еще училась в ГИТИСе на курсе Олега Табакова. Потом она работала в «Табакерке», пока ее не развалили власти, в театрах «Эрмитаж» и «Современник». Она не успела даже присмотреться к коллективу, как ее настойчиво стал переманивать Ефремов, делая предложения, от которых нельзя отказаться молодой актрисе, для которой выше МХАТа — только звезды. Он свои обещания выполнил. Дал ей практически все главные роли. А пьесу Зингера «Тойбеле и ее демон» взяли просто для Майоровой. В том, неопубликованном при жизни Лены интервью, которое она дала незадолго до смерти, она говорит, так, скороговоркой: «Когда Ефремов меня звал, я боялась, что он любовницей меня хочет сделать. Но этого не случилось!» Не случилось постоянной, практически публичной связи — режиссер и прима, — которая по законам театра длится столько, сколько хочет режиссер. Но и на-

счет платонической последней привязанности большого мастера, как нежно пишут некоторые, — это, конечно, крутая фантастика. Ефремов был рядом с Майоровой дольше, чем Сергей Шерстюк. Человек с его характером и опытом привычек не меняет. Эти сложные отношения развивались в театре, где актеры — самые внимательные зрители. Приставал он к ней со страшной силой, отбивалась она, как могла. Научилась пить и хулиганить. И что-то между ними, конечно, было, и это «что-то» определяло его поведение. Он то превозносил ее до небес, то оскорблял и унижал в присутствии труппы. Многие актрисы могли бы рассказать, как это бывало с Ефремовым, но некоторые унесут свои тайны в могилу, давно утешившись тем, что они получили то, что хотели: имя, звание. Интересно: записные биографы Ефремова мило шутят по поводу его слабостей. Ну, любил женщин. Многие составляют списки осчастливленных дам. Именно эти прикормленные Ефремовым биографы никогда в своих мемуарах не называют имя Елены Майоровой. Всем ясно: здесь все пошло не так, как обычно. Она принесла в театр больше, чем он рассчитывал. И не собиралась играть робкую ученицу. Да, ей иногда ставили произношение слов, но только она знала, как должен прозвучать ее хриловатый голос, как ей застонать, согнуться, как от адской боли, забиться в рыданиях. Она просто это знала всегда, с рождения. Она была естественным человеком. Она любила, когда он ее хвалил, разумную критику принимала не с ходу, а подумав, на хамство отвечала грубостью. И в театре хихикали, язвили о рабочей окраине и ПТУ. Кстати, когда Ефремов оскорблял, унижал и просто уничтожал актеров, никто не вспоминал, что этот человек в детской воровской банде стал практически профессиональным форточником. А насчет того, что Майорова не подсюсюкивала, как многие актрисы-героини, изображающие остатки дворянских гнезд, истребленных в 17-м, так ведь Сара Бернар или Софи Лорен, которые не учились в ПТУ, тоже играли не классовую принадлежность, а страсть женщи-

ны. Не сомневаюсь, что Ефремов был покорен и талантом, и независимостью Майоровой. Режиссер он хороший. Актрисы выбирал не случайных. То есть в смысле слабости все могло быть, но рядом с его именем ставят известные имена.

Первой женой Олега Ефремова стала актриса «Современника» Лилия Толмачева, трогательная, изысканная, нежная. Второй, уже гражданской женой была не актриса, а дочь Героя Советского Союза Ирина Мазурук. У них были тяжелейшие отношения, известно, что она резала себе вены. Следующей женой и матерью Михаила Ефремова стала холодноватая, чуть загадочная актриса Алла Покровская. Любовницей была курносая и смешливая Нина Дорошина. Говорят и пишут об отношениях с Ириной Мирошниченко, Татьяной Дорониной, Анастасией Вертинской. В последнем случае вроде бы актриса слишком всерьез приняла внимание режиссера, и он спасался бегством чуть ли не из-под венца.

Сложность положения Елены Майоровой в театре заключалась не просто в том, что главный режиссер выбрал ее на роль любимой актрисы, а она не могла и не хотела ответить на его чувство. Сложность в том, что она хотела, заставляла себя его уважать, считать умным наставником и благородным мужчиной. Она из тех, кто выстраивает строгие теории. А он не знал нравственных препятствий ни в отношениях с женщинами, ни в мужской дружбе, ни в интересах коллектива. Он видел цель и шел на нее, как танк. Ему удавалась власть, она его опьяняла, лишала критичности и порядочности.

Олег Даль, женившийся по любви на Нине Дорошиной, на собственной свадьбе обнаружил молодую жену на коленях Ефремова, который развлекался с ней, как с девицей по вызову. У Олега Даля было хрустальное сердце. Оно норовило разбиться.

Ефремов пригласил во МХАТ жену Евгения Евстигнеева, своего лучшего друга, — Лилию Журкину, хорошую актрису и очень красивую женщину. Сделал одолжение. Но он пальцем

не шевельнул, чтобы занять ее в репертуаре. Она была бы рада любому предложению, самой маленькой роли.

Во время раздела МХАТа Ефремов взял с собой Евстигнеева, а Журкина осталась под крылом Дорониной. Конечно, какое там крыло. Доронина вела свою игру, пользуясь актерами, как «пушечным мясом». Неужели она могла заинтересоваться Журкиной, пребывающей в депрессии, ужасе, временами в запое. Жена Евгения Евстигнеева покончила с собой в 49 лет. Все обвинили Евстигнеева, даже дочь. Друг самого Ефремова, неужели он не мог похлопотать? Но Евстигнеев ничего не мог. Он был потрясен, убит, инфаркты уже выстраивались в очередь. Через год после смерти жены он как-то не выдержал и пожаловался другу, Олегу Николаевичу, на то, что стал уставать. Ефремов резко ответил: «Если тебе тяжело, уходи на пенсию». И отправил его: такого верного друга, такого великого актера.

Незадолго до этой бойни, называемой разделом, во МХАТ пригласили гениального Олега Борисова. В его таланте было что-то гипнотическое, это был сверхдар. Я ходила на все спектакли с его участием, снимала о нем фильм, писала рецензии, интервью. И никак не могла понять одного: почему Ефремов со Смелянским посылают его, как курьера, по всяким чиновничьим кабинетам с какими-то бумагами, продвигающими раздел. Потом поняла: Борисову никто не мог отказать. Взглянув на его лицо, люди вставали. И все произошло. Но вдруг исчезли из репертуара лучшие спектакли, в которых был занят Борисов. Ему предложили побегать в трусах в «Перламутровой Зинаиде», он отказался, и его тоже отправили на пенсию! Ему было 60 лет. Позже он напишет в своей книге воспоминаний: «На Васильевской, в Доме кино, увидел Галю Волчек. Она улыбнулась как-то заговорщицки, почти сочувственно: «Предаст... Переступит... Помяни мое слово». Предал. Правда, не переступил, потому что я успел ноги унести». Что значит, успел. Он так страдал, в нем

не осталось веса. Гениально сыграл роль Павла I, несколько ролей в кино. Умер тяжело, мучительно, и кто знает, насколько был сокращен его срок.

Всеволод Шиловский рассказывает, что когда очередная актриса МХАТа пыталась покончить с собой, но ее откачали, к ней приехали от Ефремова и велели: «Скажи, что это все не от того, что происходит в театре».

Александр Калягин писал: «Ефремов ценил в людях не столько талант, сколько преданность общему делу. Во имя этого дела он мог быть отталкивающе жестоким, совершать роковые и несправедливые поступки, обижать и ранить самых близких и родных людей. Один вывод на пенсию Евгения Евстигнеева чего стоит!» Эти мысли вызывают лишь один вопрос: насколько же общим было то дело, ради которого можно переступить через каждого?

Вот такую руку и такое сердце предлагал Ефремов Елене Майоровой. Мне кажется, она действительно нравилась ему больше, чем кто-либо в жизни. Такая высокая, худая, с прямым синим взглядом, с лицом, созданным природой как раз для камеры и сцены. С помощью грима ее внешность можно было менять до бесконечности. Маша из «Трех сестер», Нина Заречная, Сара из «Иванова», Тойбеле, шалашовка...

Он столько лет пытался осуществить свою идею фикс и стать единственным обладателем этой женщины. Он ведь был удачлив во власти: почему же здесь такой облом? Да потому что она просто любила театр и кино, хотела, чтобы роли ей посылала судьба. У нее была своя идея фикс. С ней невозможно приспособливаться к чьим-то условиям. С ней вообще невозможно приспособливаться.

После смерти Лены мама Олега Василькова делала ремонт и поменяла ванну, в которой лежала Майорова. У сына случился нервный срыв. Он кричал: «Что ты наделала! Верни ту ванну, в которой Лена лежала». Муж Сергей все бродил по комнатам и искал ее вещи. Он хотел прикоснуться к чему-то

реальному, что хранит ее тепло, запах. Олег Ефремов поступал иначе. Это тоже, вероятно, было следствием потрясения, но другого. Уродливого, что ли. Он был с ней не таким, как со всеми. Жалко просил Шерстюка: «Отдай мне Ленку». И в этом было меньше шутки, чем считал Шерстюк. Она говорила: «Я люблю мужа», а он как будто не слышал. Он всерьез надеялся и ждал. Возможно, ему казалось, что ей так же, как ему, легко переступить через родного человека. Она ведь умела быть такой лихой, хмельной, своей в доску девчонкой. Он недооценивал происходившие в ней перемены. Как чуткая, восприимчивая, поначалу восторженная душа становилась мудрее и тяжелее от груза сыгранных трагедий. Как любое грубое слово, неловкий поступок, услышанная сплетня, дежурная рецензия могли оказаться вдруг последней каплей, заставляющей разрываться сердце, прерывать ритм дыхания. Кстати, у Лены были слабые легкие: она в детстве болела туберкулезом. Как считают некоторые врачи, эта болезнь очень обостряет природные чувствительность и ранимость. Ефремов в отношениях с Майоровой настолько не владел собой, что не думал о том, что может быть ей физически неприятен, даже без любовных в прямом смысле отношений. Такой груз, такая ежедневная пытка способна превратить жизнь женщины в ад. До ее гибели он относился к ней не так, как к другим, после — повел себя, как обычно. Отталкивающе. Запретил гроб с ее телом поставить на сцене, панихида проходила в фойе. Не явился ни на панихиду, ни на похороны. Велел снять со стены все ее фотографии. Пригласил на роль Тойбеле Оксану Мысину, которая потребовала, чтобы перед спектаклем всегда объявляли о том, что роль Тойбеле до нее играла трагически погибшая Елена Майорова. Объявили три раза. После чего Ефремов сказал: «Нечего тут устраивать колумбарий». Память о Лене Майоровой стремительно истребляли в театре, как запах пепла на сквозняке. Но все это было уже не во власти Ефремова. Гибель Майоровой потрясла общество, стала темой

публикаций, фильмов, исследований. Как это ни прискорбно, но это был товар, имеющий спрос. И Ефремов принимал участие в фильмах и передачах о ней (!). Он не захотел навсегда остаться в стороне. То есть его поведение стало совсем нелогичным. Быть может, с этой драмы он перестал, как прежде, держать удары судьбы. Он оказался в бесконечном одиночестве. Хроническая эмфизема легких резко прогрессировала. Ее все труднее было купировать. Он засыпал на пару часов и просыпался от того, что легкие переставали дышать. И он хватался за дыхательный аппарат, кислородные подушки и... «Библию». Олег Ефремов стал говорить о своих грехах. К нему приходили все те же приближенные люди, те же журналисты. Он храбрился из последних сил. Кучкиной сказал, что смерти не боится, что «смерть — это операция под наркозом». И только Людмиле Петрушевской сказал, что к нему приходят мертвые мхатовцы. Чаще других — Лена. Он боролся с недугами. Его лечили лучшие врачи. Когда вдруг стала сохнуть одна нога, он обратился к филиппинским хилерам, и те помогли. Он работал, ставил «Сирано де Бержерак». Но в свои последние годы жизни он был похож на призрак несчастья: так обезобразили его то ли болезнь, то ли горе, то ли нелегкая жизнь — борьба, в которой победы наверняка не стоили так дорого, как он платил. Он умер через два с половиной года после Майоровой.

Она перед спектаклем умело гримировалась, подводила глаза, красила губы, как Мэрилин Монро — помадой разных цветов, подчеркивала рот блеском. Она хотела, чтобы с любого места в зале зритель видел ее обольстительную женственность. Но вне сцены и съемочной площадки она почти не красилась. Была очень чистоплотной, любила красивые тряпки, но удобнее всего чувствовала себя в джинсах и рубашках Шерстюка. Прямые волосы стянуты резинкой, лицо бледное, как у всех актрис, губы чаще всего плотно сжаты. Надеть платок —

и чистая монахиня. Она не старалась для всех быть постоянно красивой, обращать на себя внимание, следить за осанкой. Могла ссутулиться, наморщить лоб, тащить тяжелые сумки, опустив голову.

В начале 90-х Валерий Фокин пригласил Майорову на роль Настасьи Филипповны в спектакле «Бесноватая» по «Идиоту» Достоевского. Репетируя, она иногда говорила: «Мне даже страшно. Я так на нее похожа». Но она не считала себя ни красавицей, ни роковой женщиной, ради которой мужчины готовы погибать. Как оказалось, она именно такой и была. То, что происходило с мужчинами, которые оказались с ней рядом по жизни, говорит о ней больше, чем все ее роли, чем рецензии, интервью. Эти мужчины видели ее ненакрашенной, грустной, веселой, категоричной, страдающей, попросту пьяной. И всегда такой, без которой жизнь не мила. «Шерстюк, почему ты не хочешь жить?» — спрашивали у Сергея друзья. «А мне без Майоровой неинтересно», — отвечал он.

Тайна роковой женщины, возможно, глубже и значительней, чем тайна актерского дарования. Роковая женщина может казаться простой и понятной, любить мужа, маму, папу, свекра и свекровь, обожать кошек. Но наступит час «Ч», и она, как бесноватая, начнет уничтожать себя, раздирать душу, истреблять собственный пленительный женский облик. И когда она исчезнет, совершенно разные мужчины не выйдут никогда за пределы очерченной ею беды. Они забудут, что на свете есть другие женщины. Что вообще еще есть свет.

ГЛАВА 4

В одной из публикаций о гибели Елены Майоровой есть такая мысль: «Не случись этого страшного самосожжения — вряд ли уж так бы все знали, что живет на свете актриса по фамилии Майорова. Ведь Россия богата талантами, и мы не привыкла ими дорожить». Это немножко деликатнее, чем радостные откровения Пьянковой: ее фильм открыл Лене свои возможности, и она пошла на такой яркий «моноспектакль». Но и это, конечно, можно расценить как цинизм. Майорова нашла свою славу, придумав столь чудовищный способ самоубийства! Нельзя отрицать очевидное — действительно о ней будут говорить и писать, пока существуют театр, кино, газеты и книги. Действительно, у нас не умеют ценить таланты, но страны, слишком богатой ими, не бывает в принципе. А если учесть количество талантливых жертв аномального уровня агрессии общества, то уцелевших до поры вообще можно по пальцам пересчитать. Майоровой почти не предлагали достойных ролей в кино, таких в которых актеров запоминают, даже если сыграть можно было лучше. У этого есть какая-то причина. Очень часто такой причиной бывает ревность главного режиссера театра, даже если он не влюблен. Многие знают, что за съемки в кино подчас приходится отвечать, как за измену родине. К тому же Олег Ефремов был человеком влиятельным и раскомплексованным. Он мог и не пустить, и позвонить кинорежиссеру, чтоб не звал, но это не так уже важно. Она снималась мало и в недостаточно значительных ролях, театр, как говорится, к делу не пришьешь, когда актера нет, но она была звездой. Ее запоминали после эпизода, маленькой роли. Я впервые ее увидела в фильме Вадима Абдрашитова

ва «Парад планет». В этом шедевре не было плохих актеров, но необычную девушку в сцене танцев в женском городке я заметила сразу. Я видела этот фильм до премьеры и никогда больше не пересматривала. Но лицо Майоровой вижу, как сейчас. Грустные глаза, в которых прячется тепло надежды на успех, на перемены, наклон головы к щеке партнера: хорошая, сложная девочка верит и не верит в то, что может быть счастье. В нескольких крупных планах — целая судьба, точнее, спектр ее вариантов. Не ошибиться в деталях, в паузе, в молчании может только большая актриса. Кстати, немало кинорежиссеров не приглашают в свой фильм слишком самодостаточных, ярких актеров, полагая, что они отвлекут внимание от режиссерских изысков. Только настоящий режиссер знает, что его боги — актеры. Они заставят сиять его имя. Впереди у Елены Майоровой были, наверное, характерные роли, которые и привели бы ее к той самой большой славе. Без самосожжения. Но их могло и не быть. Она имела право утратить веру в это. Плюс, как она сама выразилась, «мои грехи человеческие», эта ошибка со «Станным временем», страх остаться без МХАТа, замкнутый круг человеческих отношений без выхода, без возможности вернуться туда, где все было легко и понятно.

Вообще нельзя разглагольствовать о чьем-то самоубийстве с позиции: «Я не такая дура, чтобы такое натворить». Великий педагог Януш Корчак, который пошел со своими воспитанниками в газовую камеру фашистского концлагеря, признавал даже за детьми право на смерть, на принятие такого решения. Он требовал от общества уважения и такта к личности любого возраста, которая распоряжается собственной жизнью и смертью.

Да, Лена умирала не за зашторенными окнами, не запиралась в ванной. Она, рожденная актрисой, всегда чувствовала на себе глаз камеры, видела публику. Да, она горела на глазах у дюдей, чтобы что-то им сказать. То, что они не услышали до

этого дня. Можно, как Сергей Шерстюк, без конца возвращаться к тому, что вовремя не было услышано, но нельзя почитать мертвых, чувствуя себя профессионалом доживания до естественного конца. Вот что пишет журналистка «Известий» Е. Ямпольская в книге о Майоровой: «Актер, грубо говоря, не человек, он проводник, медиум. Антенна для улавливания позывных Вечности. Чем больше он опустошен и прозрачен, тем охотнее принимает в себя драматургический образ, чем реже подыскивает собственные слова, тем охотнее проговариваются через него силы земные и небесные. Лучшие актеры наполняются на сцене, а за ее пределами сдуваются, как проколотые шарики. Лучшие практически всегда не умны, потому что ум — помеха актеру, он начинает вытеснять его за пределы профессии, из области чистой эмоции в область преобладающего «радио», к смежникам. «Мудрость» великих лицедеев, если вникнуть, — это эхо, оставшееся после крика Вечности, которое еще долго и звонко отражается в закоулках пустой души. Кто вынашивает плод собственной личности, тому трудно забеременеть чужой. То есть — чем меньше в человеке человека, тем больше в нем актера». Чувствуете, какая мудрость подобралась к актерским душам, которые и не души вовсе, и к актерским телам, которые и не тела вовсе, поскольку не могут вынашивать плод собственной личности и потому могут забеременеть другой? Комментарии тут излишни. Скажу лишь, что глупый актер, как любой глупый человек, — он и по улицам, и по сцене ходит, как идиот, он и смотрит дырками вместо глаз. И когда он вынашивает плод собственной личности, лучше бы у него случился выкидыш.

Кино и театр — это чудо, большой актер — счастье для человечества, но, как правило, горек его путь, потому что трудно тащить и слишком много чужой любви, и еще больше зависти. В книге Ямпольской слова «симптомы» и «диагноз» употребляются чуть реже, чем в справочнике участкового врача. Вот домашнее видео. Лена весела, хлопотлива, как хо-

рошая хозяйка. Через какое-то время она уже немного бузит, еще через какое-то — грустно сидит на диване и жалуется на тоску. Симптом! Чего? Посадите сто человек перед домашней видеокамерой, дайте им какое-то количество водки и посмотрите, на кого они будут похожи. Если среди них окажется чукча по национальности, то бузить и грустить он будет не меньше полугода. У чукчей в крови генетически нет фермента, с помощью которого алкоголь покидал бы организм быстро. Это никакой не симптом — реакция человека на спиртное. У Майоровой не было запоев. После вечерней или ночной выпивки она являлась на репетицию или на съемочную площадку совершенно ясным человеком. У нее не было признаков алкогольной деградации: ее способность к самоанализу, память, эмоциональная глубина лишь оттачивались с возрастом. Высоцкий был откровенным алкоголиком и наркоманом, он, конечно, убивал себя, так невыносимо было постоянно испытывать боль и трепет слишком яркого ума, слишком богатой души. Но кто сказал, что гением быть легко, что это вообще выносимо? Наверняка ему советовали обычные люди пить на ночь ромашку, делать зарядку, прикладывать к чему-то горчичники. Но он не мог отвлечься от своей миссии — сказать и пропеть, сколько успеет. Он из-за этого спать не мог. Я знаю, как надрывал себе сердце мудрый Евгений Леонов. А ведь он только на технике мог бы всегда и везде оставаться лучшим. Как дрожал перед каждым спектаклем великий Олег Борисов, умница, способный принять в свою переполненную душу любое чужое страдание. И как пыталась бежать от своих несчастливых героинь Елена Майорова. А задолго до нее так же безуспешно пыталась стереть из памяти и души свои роли и свою несчастную любовь красавица и тоже школьная отличница Вивьен Ли. Разочаровавшись в жизни с ее страшным искусством для развлечения публики, она убила себя менее демонстративно, чем Лена Майорова. Она просто отказалась лечить свой туберкулез и позволила себе захлебнуться кро-

вью. А психиатры, об отсутствии которых рядом с Майоровой так горюет Ямпольская, в свое время здорово помогли Екатерине Савиновой. Так, что она положила на рельсы свою бесценную и никому не нужную голову перед летящим поездом. Богата ведь талантами Россия. И на каждый талант есть особый режиссер с особым предложением, чиновники, в чьей власти перекрыть дыхание. Критики, которые в любой беде обвинят именно талант.

Еще симптом, оказывается, легко просматривался в поведении Елены Майоровой. Она очень чисто убирала квартиру, мыла полы, раскладывала вещи по своим местам. Шерстюк, смеясь, называл ее Мойдодыровой. Значит, вытекает у Ямпольской, — не было порядка в ее душе. Не умела она его там навести. Вязала она в свободное время, любила с друзьями встретиться: стало быть, не было умных мыслей в пустой, как выше открытым текстом было сказано, голове.

Не берусь оценивать с клинической точки зрения способность видеть сдутые шарики вместо живых и талантливых артистов, представлять себе их пустые головы и души, в которых кричит только Вечность, и потребность вынашивать собственную личность. Это круто, это сюжет для голливудского ужастика, но лучше попить валерьянку.

Кино и театр — это специфическая сфера. Недоброжелательность, зависть, злоба и сплетни в ней доведены до крайности. Здесь не нужно, как в, мягко выражаясь, бизнесе нанимать киллеров для заказного убийства. Артиста убить легко. Лене ужасно завидовали. Многие очень любят вспоминать, как она приехала из Южно-Сахалинска в провинциальном наряде, белых гольфах, как говорила, как ходила, как проваливалась на экзаменах в театральных вузах. Но, главное, как приняла решение поступить в ПТУ, выполняла тяжелейшую физическую работу и стремилась к тому, чтобы быть там отличницей. Если бы она пошла в стриптиз — крутиться у шеста, — это, мне кажется, показалось бы ее будущим коллегам

менее странным поступком. А так — «рабочая окраина», «пэ-тэушница». Вообще-то очень немногие настоящие актеры России родились в центре Москвы. Потомки династии Романовых как-то вообще не попадали на подмостки. Там всегда была слишком высокая планка — крепостной актер Щепкин, прочие «сороки-воровки». Актеры бывали аристократами по духу, образованности, способности прославить страну. Аристократ Владимир Ивашов работал грузчиком после своих звездных работ в кино, чтобы прокормить семью. За нищим дворянином от искусства Георгием Вициным бродили все бродячие псы и летали голуби. Он кормил их на свою невидимую пенсию. Нежная и миловидная Изольда Извицкая, потрясшая публику на Каннском фестивале в фильме «Сорок первый», умерла в Москве от голода и холода в полном одиночестве. Ей тоже было 39. А как спрятала свое несчастье и смерть королева красоты Алла Ларионова, чью судьбу в искусстве просто рубили на дрова. Из-за красоты. Из-за таланта. Страшнее зависти и вожделения только большая зависть и самое низкое вожделение. Я вот о чем. Их все видят прекрасными, но мало кто замечает их трагедии. А они притягивают трагедии уже потому, что всегда на виду. И можно ли задним числом сказать, что нормальнее, если это слово употребимо. Покорно погибать или прорываться горящим факелом к чьим-то душам. Сколько лет мир решает проблему эвтаназии. Возможно ли разрешить добровольный уход от невыносимых физических страданий или нет. Вопрос уже был бы решен в пользу ухода, если бы не страх перед злоупотреблениями тех, кто скажет «да». Нравственные страдания оцениваются по самой высокой шкале боли. Именно физической болью Лена Майорова убивала терзания души.

Елену Майорову в ГИТИСе сразу оценил Олег Табаков. Можно сказать, она была на особом положении, так верил он в ее будущее. И она оправдывала эту веру изо всех сил. Была открытой, милой, доброжелательной. Готова была драить ак-

терское общежитие ночи напролет. Готова была всех любить. А вот с настоящей любовью возникла проблема: актер МХАТа был женат и не собирался оставлять жену. Она резко порвала эту связь. Осталась бы несчастливой в личной жизни, ее бы с удовольствием пожалели. Но в нее влюбился генеральский сын, элитный и востребованный художник. Более того, он на ней женился. Она переехала в четырехкомнатную квартиру на Тверской и все еще продолжала оставаться простой, искренней, доброжелательной. Как будто так и надо. Это уже простить было трудно. К тому же на нее запал Олег Ефремов. Не на предмет переспать раз-другой, он сделал ее ведущей актрисой, примой, ввел в худсовет. Она высказывала там свое мнение, взывала к справедливости и требовала, чтобы он к ней прислушивался! Для многих актрис и актеров это стало личной бедой. Если выразиться аккуратно, не все актеры МХАТа желали Лене профессиональных удач и успехов в личной жизни. И каждый ее визит в кабинет главного режиссера, время, которое они провели там наедине, ее поездки к нему в санаторий в Барвихе по его настойчивым просьбам — все это, конечно, фиксировалось. Вот только Шерстюк на эту информацию практически не реагировал. Он был потрясен их взаимной любовью, он еще был уверен, что она будет верна всегда. Но она реагировала. Больше не была такой открытой и простой. Она могла почувствовать себя больной из-за жестокого слова. Она познавала безграничность своей боли. Временами казалось, еще минута — и она умрет. Но минута проходила. Она возвращалась к себе.

Актриса Наталья Егорова была приглашена во МХАТ, но долго не получала никаких ролей. Она вспоминает, что один из актеров ее спросил: «Почему Ефремов так плохо к тебе относится? Ты ему не дала, что ли?» Она призналась: «Он не просил». Ей было одиноко в театре, коллеги казались замкнутыми, удрученными или надменными. «Долгое время, — говорит она, — для меня связующим звеном с театром была

Елена Майорова — ее бесконечно любили все: и великовозрастные, и совсем молодые. Я считаю, что именно она ввела меня в театр. Лена была успешной. Ее любил Ефремов, давал много играть...» Так выглядела ситуация для нового человека, еще ни во что не посвященного. Затем Егорова рассказывает, что они с Леной поехали на интервью к какому-то журналисту. Там была странная компания, они пили, танцевали. Лена все время танцевала с «невзрачным молодым человеком ниже ее ростом. Но она смотрела на него с обожанием. Через три месяца я встретила ее на кинофестивале с той же компании, в ней все были постоянно то ли пьяные, то ли под кайфом. Лена выглядела уставшей, потерянной, а через два месяца ее не стало». Похоже, она действительно от «успешности», полностью зависящей от желания одного человека, от всеобщей любви (попробовали бы все не любить демонстративно приму, которую обожал, как умел, Ефремов) надеялась прорваться к своей роли в кино. Она не на Василькова смотрела с обожанием, а на свою надежду. Последнюю. Когда фильм провалился, у нее появилось страшное чувство: жизнь, возможно, уже закончилась, не дав ей главного шанса, а она будет еще годами, десятилетиями играть одно и то же, стареть, смотреть, как погибает, рассыпается в пыль ее дарование, ждать смерти, которая в отличие от хороших ролей так или иначе придет непременно.

Председателем жюри на том «Кинотавре» был режиссер Владимир Хотиненко. Ее работа в его фильме «Макаров» — одна из лучших ролей Елены. Но, разумеется, только как заявка на настоящую, большую работу. Он не смог дать ей главный приз за лучшую женскую роль, потому что — хороший режиссер, потому что профессионал со вкусом и чутьем. Наверное, ему грустно было смотреть, как одна из лучших актрис рвет свои нервы, переступает через себя, чтобы оказаться бриллиантом в болотной тине. Через десять лет после ее гибели он даст интервью о ней РИА Новости.

«Ленина карьера трагически оборвалась на самом взлете, она катастрофически много не доиграла. Она могла сделать очень многое с ее необъятным диапазоном. Лене подвластно было все — от драмы до комедии. Я хорошо знал ее и до нашей совместной работы в фильме «Макаров». Мы дружили, мы радовались каждой встрече. Многие говорили, что она была сложным человеком. Я этого не почувствовал, но с другой стороны среди талантов не встречается простых людей. Я рад, что смог снять ее в своем фильме «Макаров». Обычно в таких случаях говорят, что работать с этой актрисой было огромным удовольствием. О Лене я бы сказал так, что работать с ней, снимать ее — это было счастье, музыкальное счастье на самом деле. И работу с ней я бы сравнил с игрой на скрипке, которая сама по себе звучит божественно. Лена могла играть во всех регистрах — от крика до шепота. Она удивительно чувствовала природу кино и не просто понимала свою героиню, ее понимание было за пределами роли. Лена Майорова была потрясающей актрисой особого, редкого таланта. Я всегда вспоминаю ее в этот день, царства ей небесного».

Мне так жаль, что этих слов не прочитал Сергей Шерстюк. Он так любил, когда ее ценили, хвалили, когда ею восхищались. Он считал ее гениальной.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

10 декабря 1997 года.

«От тех, кто тебя любил, мало кто остается. Александр Сергеевич Орлов на выставке мне сказал: «Боже, как мы осиротели!» (Орлов — режиссер фильма «На ножках» по Лескову. — *Н. Р.*) — И испугался того, что сказал. — «Нет, Сергей, я не то сказал, я ничего вразумительного сказать не могу»... Ты театральная актриса, мхатовская, а из всего театрального мира помнят и любят тебя Табаков, Фокин, ну еще Женя Миронов, ну еще кто-то, испуганный

и спрятавшийся... Во МХАТе, ты ведь сама знаешь, кому подножку ставят, — споткнувшемуся, потому и на сцене такое нечеловеческое, как будто только вчера Ницше прочитали... Какая-то душевная небрежность и именно по системе Станиславского. Вспоминаю кадры с самим Константином Сергеевичем, особенно, как он репетировал с какой-то актрисой (забыл, с какой (и учил вранью (38-й год) — и никакой трагедии: просто врун учит вранью бедную женщину».

10 декабря.

«Да, вспомнил, Орлов сказал, что ты сейчас с Лесковым».

3 января 1997 года.

«...Пришел Юрка Мочалов, мы пообедали, а чай пошли пить в нашу комнату. Я пощелкал дистанционным управлением, а по телику... ну это все, все эти персонажи. Я говорю: «Юрка, знаешь, я не могу сейчас смотреть на всех наших актрис, даже на тех, что раньше казались бы вроде бы ничего. Все вдруг стало видно, всю подноготную: и про три рубля, и про гнусь изнутри, а если не гнусь, то пустоту и дурной вкус, а что еще хуже, видно, как день ото дня бездарнеют». «Да, с женщинами — актрисами, — сказал Юрка, — у нас все хуже и хуже. Мужики еще есть, а женщин совсем нет. Эх, Ленка, как ты нас всех подвела! Такой, как ты, эх, — он вздохнул — нет». «Ленка была последняя актриса», — сказал я. Вот так мы поговорили».

Роковая женщина, роковая актриса. Что тут еще добавишь.

ГЛАВА 5

Из Америки привезли во МХАТ экземпляр пьесы Исаака Башевица Зингера «Тойбеле и ее демон». Режиссер Вячеслав Долгачев был потрясен. Прочитав текст вечером, он утром проснулся от слова «Тойбеле» и сразу подумал о Лене Майоровой. Во время читки пьесы в театре утирал слезы Иннокентий Смоктуновский. Ему потом предложат маленькую, трогательную роль ребе, и он согласится. Смоктуновский вскоре умер, и роль ребе стал репетировать Вячеслав Невинный. А тогда, после читки, актеры аплодировали автору, а к Долгачеву подошла Елена Майорова. «Я вижу, что вы нашли для меня роль», — сказала она. Она знала свои возможности. Я перелистываю эту пьесу, представляю себе в роли Тойбеле разных актрис, всех актрис, но ничего не получается. Да, после смерти Майоровой отличная актриса Оксана Мысина отлично сыграла эту роль. Но так прочувствовать невероятное положение женщины, которую полностью подчинил себе обычный мужчина с помощью простого обмана, элементарной выдумки, могла только Майорова. Богатое воображение не только освещало ее ум, рождало эмоциональные озарения, — каждый нерв ее тела подчинялся страсти, нарисованной на песке. Не было на свете более прекрасной пленницы, чем Тойбеле — Майорова. Жила себе красивая молодая еврейка, муж которой испарился в неизвестном направлении. Убивала время, как могла. А тем временем влюбленный в нее бедный учитель Алханон придумал, как ею овладеть. Он пришел ночью, лег в ее постель и сказал, что он — демон. Что он — искустель, перед которым никто и никогда не мог устоять. Она поверила со всей своей простотой и жадой чего-то подобного. Такая безумная вера, от которой

плоть зажглась адским огнем. Этот спектакль состоит из разговоров и постельных сцен. Лена в ночной рубашке тает в объятиях человека, который днем ей кажется попросту противным. Она на него ночью насмотреться не может. Она во власти фантазии: ее любит демон. Она готова к страшной расплате: «Душа моя будет гореть в вечном пламени». Там, собственно, больше ничего и не происходило. Только «демон» велел Тойбеле выйти замуж за учителя Алханона. И она послушается, и ляжет в постель с нелюбимым, и будет ей плохо, и душа начнет раздираться от тоски, и она научится думать, что ее обычный муж — это демон. Днем видела, что это не так, и жизнь казалась ей постылой. А потом этот обычный муж чуть усложнит условия игры, опять введет демона. И Тойбеле поймет, что адское пламя — не такая уж дорогая плата. Ибо «сильна, как смерть, любовь». Но нежная душа не выдержит греха. Она умрет и в спектакле, эта странная Тойбеле — Майорова. «Смерти нет, Тойбеле. Есть только вечная любовь». Почему никому не пришло в голову снять по этой пьесе фильм с Майоровой? Настоящий фильм, с умом, с тоскливой и страстной еврейской мелодией, с этой трагедией в финале. С крупными планами потрясающей актрисы славянской внешности, которая проживает свою короткую еврейскую жизнь так, как будто именно после смерти ее ждет главная встреча.

Когда она появится в гробу, заgrimированная и одетая для последнего прощания, у всех перехватит дыхание. Это не Тойбеле, это Лена Майорова готова к перелету на совсем другую сцену. Ее лицо, обгоревшее меньше, чем тело, закрыто полупрозрачной белой вуалью, на голове — черный платок. Камера фиксирует чьи-то дрожащие губы, сжатые в ужасе руки, отсутствие главного режиссера. Еще нет слез, слишком страшно, но любопытные взгляды, конечно, есть: это же театр. Потом начались скомканые, неровные речи. Олег Табаков винит себя за то, что не смог уберечь, защитить. «Боль, которая была внутри, вырвалась вот таким образом». Интересно, он дей-

ствительно в тот момент так думал: что мог уберечь, защитить? Знал, от чего? Как? Слово дали зрительнице, которая говорит: «Я совершенно уверена в том, что ее кто-то незаслуженно обидел. Товарищи актеры, будьте людьми!» Во время отпевания в храме у Никитских ворот снимали только вход. Туда выходил Шерстюк, стесняясь и пряча от камеры свое невероятное несчастье. Он пытается улыбаться и вряд ли чувствует, что его в это время обнимает Пьянкова. На Троекуровском кладбище — участок на двоих. Мама Лены поднимает вуаль с лица своей девочки. Запоминает, гладит лоб под черным платком. Сергей трогает ногу Лены под покрывалом. Он думал, эта женщина подарена ему судьбой навсегда. Собственно, так и получилось.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

8 марта.

До 8 июня 1985 года я считал себя неудачником... Первую любовь не сберег. Семью не сохранил. Детская Есама-ла оказалась нежизнеспособна. Гиперреализм иссяк, группа развалилась сама собой. Мне было тридцать три года и в кармане ни копейки. И самое главное: я понял, что писатель я никчемный. Во-первых, не владею словом, во-вторых, не в ладах с сюжетом — сегодня он есть, завтра он — каша. Писать было ни к чему. Друзья от меня потихоньку расходились. Я жил в мастерской один. Иногда заходил Чеховской. Было так одиноко, что мы бросили пить. Ходили обедать в «Метрополь», и официант Саша наливал нам в графины минеральную воду. Нам ничего не светило, кроме как свалить из страны. Думали: вот свалим и обездолим родину к чертовой матери. Мы всячески скрывали друг от друга, что мы неудачники, потому изображали последних стилинг. Чуча говорил: «Мы — шики». Шики — от слова шикарные... Через несколько дней, когда я врисовал

в «Аркадию» красный самолет красной акриловой краской, а потом стирал его с масляной поверхности ацетоном до головокружения и тошноты, я сказал себе: «Шерстюк, если ты не можешь нарисовать самолет в небе, иди подыши свежим воздухом». На Тверском бульваре я увидел МХАТ, вспомнил, что на улице Станиславского поселилась Валька Якунина, и решил: если увижу, что у нее горит свет, зайду пить чай. Свет горел, я постучал в дверь, она была не закрыта, вошел, сказал «здрасьте» и увидел Лену.

Я влюбился с первого взгляда. Лена влюбилась с первого взгляда. Она говорила, что не любит меня, но оставляла ночевать на полу. Она выгоняла меня, но я приходил опять и опять. Иногда, выгнав, бежала за мной по улице босая, а бывало, я уходил в мастерскую, пытался рисовать, но мыл чашечки, дожидаясь ее. Как-то она пришла через сутки, и мы плакали в коридоре. В августе она отправила меня в Крым, а сама уехала на Сахалин в долгий академический отпуск. Она гадала, увидимся мы или не увидимся, когда в первых числах октября распаковывала чемодан у себя в комнате, — дверь была приоткрыта, я постучал и вошел.

Меня любила красивая, очень-очень талантливая женщина. Я изображал перед ней плейбоя, золотую молодежь, хиппи и удачника, я таскал книги в букинистический, чтобы ввести ее в заблуждение, брал в долг у Чучи и кланчил у родителей. Я таки вводил ее в заблуждение — чуть-чуть. Это потом я ввел ее в большое роковое заблуждение. Меня любила красивая, веселая, очень-очень талантливая женщина, но и это чепуха — меня любила настоящая и такая чистая женщина, каких я более не встречал. Вот что я знал: такую, как она, нельзя даже предположить, ее не придумают даже сто лучших поэтов. Она была слишком хороша для этой жизни, но тогда это меня не пугало. Я думал, что Бог снизошел, пожалел меня за все неудачи и наградил за страдания. Всю свою предыдущую жизнь, которую я представ-

лял Леночке цепью сплошных нелепостей, сам я полагал ужасом и горем. Теперь я не чувствовал себя неудачником, а со временем привык к счастью. Я опять решил, что все самое лучшее — мне. Когда я сообразил, что она не просто очень-очень талантливая, а гениальная актриса, было поздно — я уже вовсю надеялся на нашу счастливую звезду. Если честно, я ставил нашу любовь выше ее и моей гениальности. «Гениальность, Леночка, это так просто, только не надо ждать аплодисментов, ты их любишь — получишь, но чуть-чуть. Я же требую за свою гениальность много — пусть жлобы оплатят краски и блины с икрой. А очень много аплодисментов и теплоходов с устрицами — наглым посредственностям. Громким и безликим тварям. За гениальность можно пулю склопотать». — «Ты что, трус?» — «Нет, я клоун». — «Ты ханжа и никакой не гений». Иногда мне нравилось, как она распекала меня за бездарность. Наверное, потому, что, удостоившись похвалы, я был счастлив, как ребенок. А детское счастье долгое-долгое».

Возраст его счастья — двенадцать с лишним лет. Действительно, детское счастье, упавшее в руки взрослого, разочарованного, уставшего от самого себя человека. Оно точно было. Почему же оно так рано закончилось? Почему закончилось столь ужасно? Сергей ищет ответ в этой загадочной области ее большого таланта. Он произносит слово «гениальность», и над этим стоит задуматься, потому что ему многое известно об искусстве и жизни. В размышлениях, приведенных выше, он не идет по ступеням своей вины, как обычно. Это всего лишь догадка. Он вел себя со своим счастьем слишком безмятежно. Все распределил, как ребенок в песочнице: им на двоих — вечная любовь, ей за гениальность — чуть-чуть аплодисментов, ему — немного денег на краски и блины с икрой. Но никто не знает, как высоко уносит актрису ветерок, поднятый

занавесом. Как больно ей падать с этой высоты. Она была более прямолинейна, чем он. Она хотела очень много аплодисментов, море аплодисментов, тех, которые он щедро уступал «наглым посредственностям». Или то самое «чуть», о котором он говорил, но при выносе гроба из театра. Под белой вуалью, в черном платке.

В ее жизни были три года настоящего мирового признания. Питер Штайн пригласил Елену Майорову на роль богини Афины в спектакле «Орестея». Они ездили со спектаклем по разным странам, и Лена, наконец, читала в газетах настоящие восторженные рецензии. До этого только Шерстюк, стесняясь, с несерьезной улыбкой мог пробормотать, что она настоящая богиня. Сейчас это увидели все. В этом спектакле много блестящих исполнителей. Но рецензенты выделяли необычную, яркую, голливудскую красоту именно Майоровой.

Многие были против утверждения Елены на роль Глафиры в фильме «На ножках». Якобы она недостаточна красива. Но режиссер Александр Орлов вызвал ее на пробы, и на просмотре все ахнули: так неожиданно, почти страшно красива она была. Ее любила камера, ее обожала сцена. Какой прекрасной и страстной была ее Сара в «Иванове». Амлуа героини-красавицы не закрепилось за ней, потому что она могла больше, чем просто красивая актриса. Она могла быть некрасивой, карикатурной, как в «Мелком бесе». Страшной. Смешной. Не очень молодой. Она не из тех, кто требует от режиссера вырезать кадры, на которых слишком видны морщины. И все-таки очень жаль, что она практически не играла красивых женщин в кино. Возможно, это нелепое предположение, но, может, она относилась бы к себе не так беспощадно, если бы чаще видела себя красавицей на экране? Как Афина. А если бы она сыграла хоть двух счастливых женщин? Не сыграла бы. Красота, талант, ум, темперамент не входят в формулу счастья. Счастье вообще не является предметом рассматривания искусства. Искусство существует, чтобы будить от

тупой спячки человеческие души. Оно заставляет обывателя лить слезы, страдать, бояться чужой крови и смерти. Кого-то из актеров научили выполнять свою миссию на одной технике — без внутренней страсти, сострадания и отчаяния? Значит, им повезло больше, чем Елене Майоровой. По сути, она не играла, она проживала горькие, драматические судьбы. А насчет техники, одного профессионализма — это вообще блеф. Включите телевизор, посмотрите очередной фильм, сделанный по рецепту пирога «Гость на порог», и вы поймете, сколько мусора можно смонтировать на час экранного времени. У Майоровой во время спектакля или съемок кровь закипала, нервы были натянуты до того, что рвались после, ее несчастные героини тянули на дно, как утопающие. Самое ужасное заключается в том, что актерским профессионализмом является именно это. Просто в Голливуде, к примеру, когда актер доводит себя до изнеможения, проваливается в депрессию, теряет силы настолько, что не может вернуться в свою жизнь, армия профессиональных спасателей начинает его вытаскивать. Вновь превращать в национального идола. Лена, как и другие наши актеры, существовала в другой ситуации. Когда у нее от неизбытности сыгранного горя умирало сердце, кто-то мог сбежать за водкой. В лучшем случае ее, сбитую усталостью, бессилием, подводившим все чаще здоровьем, которое всегда было слабым, выбитую из действительности дозой спиртного, просто привозили домой и сваливали на руки Шерстюку. Он укрывал ее одеялом и шел писать дневник о необыкновенной женщине, которую любит.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

20 февраля.

«Ты идешь мне навстречу и улыбаешься. Ты очень точно ступаешь, но совсем легко, руки твои заняты сумками. Когда ты идешь впереди, я смотрю на твои плечи, шею, на

твои ягодички, локти — не важно на что, — и всякий раз — в сотый, тысячный — думаю: ничего не видел красивей. Бог с ним, кому-то, может быть, что-то другое красивей, а вот мне недостаточно самого этого слова. «Красивей», думаю я, ерунда, есть же еще какое-то слово, от которого сжимается сердце, «родней», но с этим так тяжело идти за тобой, нужно еще какое-то слово, метафора, какое-то ощущение, чтобы идти просто смотреть. И вдруг — не часто — спина твоя опускается, голова склоняется к земле, ты смотришь под ноги, и шаги твои замедляются — самое красивое тело на земле сникло... Ох, как мне жаль тебя, Леночка, как жаль себя! Мы ничего-ничего не должны были знать о смерти».

Как жаль ее, как жаль его в ту минуту, когда он в последний раз на земле трогает под покрывалом на кладбище ее ноги. Он ведь хотел одного: идти за ней след в след. Кто знал, что таким крутым окажется этот маршрут. Что таким коварным способом настигнет их обоих эта проклятая слава. Она не к ней шла горящим факелом. Она, нравственно чистая, страстная и гордая, так уходила из мира, не согретого счастьем.

ГЛАВА 6

— Лена, вы счастливы?

— Нет, конечно. Я не могу сказать, что я счастлива. Счастье... Что это? На определенном этапе, когда чего-то достигаешь, можешь ненадолго почувствовать себя счастливой. А потом другая полоса наступает. Это многим со стороны кажется счастьем, что я работаю в театре, снимаюсь в кино. А все сложнее.

(Из интервью с Еленой Майоровой, 1993 г.)

Елена Владимировна Майорова, заслуженная артистка РСФСР, лауреат приза за лучшую женскую роль в фильме «Скорый поезд» на кинофестивале «Созвездие-89», родилась 30 мая 1958 года в Южно-Сахалинске. Мама, Лидия Васильевна, всю жизнь работала на мясокомбинате, папа, Владимир Афанасьевич, на автобазе. Но в свободное время отец Елены Майоровой пел в Сахалинском народном хоре и был очень артистичным человеком. Вероятно, именно его пример положил начало детской мечте. Близкие вспоминают, как маленькая Лена прыгала на кровати и звонко кричала: «Я буду артисткой!» Позже у мечты появятся детали: Лена хотела сниматься в кино, играть в театре и жить недалеко от Кремля. Это все получилось. Не так быстро и просто, но чисто, честно, на одной справедливости, таланте и редкой трудоспособности. Звонков по ее поводу точно никто не издавал. Вскоре после смерти Елены Майоровой в одну из редакций пришло письмо от пенсионерки из Мариуполя Людмилы Дмитриевны Пашковой. Когда-то, в начале 70-х, она преподавала в школе, где

училась Елена Майорова. «Дело в том, что я учила Лену, преподавала литературу в 8—9 классах. И помню ее тоненькой, еще невысокой девочкой-подростком из простой рабочей семьи, жившей на окраине Южно-Сахалинска... Лена оказалась у меня единственной, чьи сочинения, доклады, детские стихи я берегу с 1974 года. Потом, когда уехала с Сахалина, наблюдала со стороны, как входила во взрослую жизнь моя отличница. Это письмо для меня, как внутренняя потребность, плач души по человеку, которого знала 25 лет...» Корреспонденты встретились с ней, и она действительно показала старые школьные тетрадки и листочки с детскими стихами необычной девочки. Такой, чьи детские работы учительница будет четверть века хранить, перевозить с собой из одного города в другой. Людмила Дмитриевна попросила передать эти тетради мужу актрисы, художнику Сергею Шерстюку. Когда Сергей прочитал интервью с учительницей, он сказал, что очень многое слышал от Лены. Эти тетрадки в клеточку связали общими воспоминаниями учительницу, знавшую Елену Майорову трогательной угловатой девочкой, и художника, любившего прекрасную, очень ранимую женщину.

4-я средняя школа Южно-Сахалинска, где училась Лена, слыла неблагополучной. Стояла на окраине, учились там дети из бедных и неблагополучных семей, многие состояли на учете в детской комнате милиции. Людмила Дмитриевна вспоминает, с каким ужасом она шла в класс Лены. «Я готова была в библиотеку устроиться или уборщицей — лишь бы не к ним... Все «элитные» ученики шли в 5-ю школу. Там порядок был. А мы всю окраину собирали, и Украинский поселок — улицу Украинскую, где Лена жила». Но учителей не хватало — и Людмила Дмитриевна преподавала литературу во всех трех параллельных девятых классах. Классным руководителем девятого «В», где училась Лена, была Вера Андреевна Елистратова, великолепный педагог, учитель немецкого. Умела ладить со всеми учениками, могла отругать и приласкать. Только

с Леной все было просто — она была круглой отличницей. «В класс войдешь — никто не готов, а у нее всегда рука поднята. Но не могу же я только ее спрашивать!»

Сергей Шерстюк: «Она меня историями детства доводила почти до шокового состояния, потому что в каждой был ее детский потаенный мир — и с болезнями, и с конфетками. Страшноватые истории — детские впечатления. Она же болела туберкулезом и много времени по диспансерам провела... А в школе училась отлично еще и потому, чтобы родители не отдавали ее в санаторий. Она не могла даже понять, почему ее туда отдают. И старалась очень сильно учиться. У Леночки, я знаю точно, это ее слова, уже в классе 8—9-м было стремление: «В Москву, в Москву, в Москву». И непременно во МХАТ, причем».

Людмила Дмитриевна: «Психология особая на Сахалине. Все приезжали заработать и уехать, а оставались на 20 лет. Так и жили — «временно», квартирантами. Вам бы показать эти поселки рабочие, сельскую местность, вы бы удивились. Дорога пересекает поселок, стены домов забрызганы грязью из-под колес машин, их не красят, не огораживают, в огородах главное — посадить картошку. Вот такой был поселок, где Лена жила».

Сергей Шерстюк: «Она мне рассказывала, как в бараках жили, как печку топили. Или как дверью убило кошку. Они с мороза открывали дверь ногой, чтобы быстро проскочить в дом. И кошка попала в дверь, и ее ударило насмерть. Однажды папа повез ее в Сибирь к своим родителям-староверам. Она утром проснулась и сквозь обледелое окошко увидела купола церкви с крестами. А Сахалин — место специфическое, она кресты до этого видела только мельком, на могилах. И решила, что папа отвез ее на могилу, а утречком и уехал. На Сахалине снег выпадает пухом, как у нас в лучшие рождественские дни. И однажды мама пошла в магазин, в Лена вскоре пошла за ней след в след, и вдруг почувствовала,

что она идет по воздуху. Это случилось дважды. И вот это хождение по маминым следам ею воспринималась, как очень кодовая история. Как отождествление со страхом и обожествлением матери».

Людмила Дмитриевна: «Одноклассники относились к Лене с уважением. Она была, как звездочка. А подружки? Я ее смеющейся, виснувшей на плечах у подруг никогда не видела».

Сергей Шерстюк: «У Ленки не было характера. Все заблуждались на этот счет и приходили к Ленке жаловаться, чуть что — к ней. Сидели за полночь, я уже засыпал, не мог выслушивать их мучительные истории... А Ленка — могла. Не потому, что характер сильный. У нее не было характера, у нее была душа открытая. Я не очень быстро это сообразил».

Людмила Дмитриевна: «Классная руководительница мне рассказывала: «Ленка приезжала, такая дылда! Ее и не узнать». И еще сказала, что у Лены сын, годика четыре. А потом говорили, что у Лены детей не было и нет. Что она чувствовала себя одинокой».

Сергей Шерстюк: «Дело в том, что как ни старались, как ни выкладывались родители, положили все, чтобы вылечить Леночку от туберкулеза, но она перенесла страшную операцию, она лишилась, чего говорить, всего того, что давало возможность рожать, и пила очень долго гормональные таблетки... Вот откуда идет ее мироощущение. При этом она совершенно чистая и наивная. Сахалинцы все очень наивные люди».

Из письма учительницы: «Лены не стало, а я так и не успела сказать ей слова благодарности за то, что она была моей ученицей. Опоздала!»

Сергей Шерстюк: «Она очень любила сидеть на подоконнике, слушать музыку и смотреть, как строится отель напротив нашего окна на улице Горького... Так вот, в субботу она умерла, а накануне, в пятницу, упала с этого подоконника. Падая, зацепилась за стол и опрокинула его. Там были кока-кола,

сахарница с сахаром — она разбилась, кока-кола с сахаром — это что-то страшное. Я говорю: «Ты посмотри, в чем лежишь!» Никакой реакции. И только через 5—6 секунд: «Ой, я вся мокрая. Сереж, унеси меня, раздень»... Мы познакомились 8 июня 1985 года. И восьмое число отмечали не каждый год — каждый месяц. И если я был за границей, звонили каждый день. Я воспринимал все наши расставания очень мучительно. Иногда я наблюдал ее со стороны — она была абсолютно ни на кого не похожа! Ни в движении, ни в повороте головы, ни в резком бросании руки. Все 12 лет и 75 дней, что мы с ней прожили, вообще ни на что не похожи...

На сорок дней после смерти Лены собрался полон дом людей, а мы сидим рядом с Сережей Газаровым (муж актрисы Ирины Метлицкой, умершей в том же году от лейкемии). Я тогда разговаривал без умолку, а он сидит, молчит. И подходит кто-то — не помню уже кто — и говорит: «Сережи, можно посидеть между вами и загадать желание?»

(Записала Анна Калинина-Артемьева)

Почти прикол. Интересно, кто тот игрун (или игрунья), пришедший на сороковины Елены Майоровой загадать желание. Наверняка оно сбылось. У людей с такими нервами это или пареная репа, или вилла на Лазурном берегу. Не сложнее.

Южно-Сахалинск не забыл свою, вероятно, самую яркую звезду. О ней пишут местные газеты, ей посвящают выставки и даже мечтают о музее. В местном архиве был создан маленький домашний музей. Заведующая архивным отделением Ольга Маслова через семь лет после смерти Елены Майоровой собрала старые, семейные, черно-белые снимки... Предоставленные мамой поздравительные открытки, письма, вырезки из газет. «Я хотела, чтобы на встречу с Леной люди пришли по белому снегу. Она очень любила сахалинскую зиму», — сказала Ольга Маслова.

В драмкружок Дома пионеров Лена пришла в пятом классе. Преподавательница попросила что-нибудь прочесть и воскликнула: «Да ты талант!» Потом добавила: «Сделаю тебя старостой кружка». В седьмом классе Лена поступила в театральную студию «Современник». Играла Пеппи Длинныйчулок, Римку в «Весенних перевертышах» Тендрякова. В восьмом классе мама подарила ей туристическую путевку в Москву и Ленинград. Когда она уезжала из Москвы, по радио в поезде передавали вальс Хачатуряна из «Маскарада». «Вся в слезах, я дала себе клятву вернуться сюда, чтобы стать актрисой».

Поступать в театральный Елена Майорова приехала сразу после десятилетки с мамой. Поступала во все театральные вузы подряд и всюду «слетала» после первого тура. «Но уехать из Москвы... Для меня это казалось невозможным». Ей не было семнадцати лет, она не могла устроиться на работу. В полном отчаянии позвонила в бюро по трудоустройству и услышала бодрый голос: «СПТУ № 67 ждет вас». Она приехала в это учебное заведение «Знаете, чем придется заниматься?» — спросил директор. «Мне абсолютно все равно», — ответила она угрюмо. И стала учиться на изолировщицу. Три дня — теория, три — практика. Вот как говорит уже известная актриса Елена Майорова: «Это был хороший опыт, который пригодился в дальнейшем, когда я стала актрисой. Мы, девчонки, выполняли тяжелейшую физическую работу: обматывали трубы стекловатой, затем — металлической сеткой, а сверху бетоном. По этим трубам потом шел газ, поступала вода в новые дома. Работали с восьми утра, на морозе, в траншеях, в робах, «намордниках» (респираторах). В Лианозове, Бирюлеве, Лосинке выросли дома, в которых мои трубы служат кому-то и поныне... Жили в общежитии на полном гособеспечении, да еще была стипендия — 20 рублей в месяц! Окончила я ПТУ с красным дипломом, получила специальность изолировщицы 3-го разряда».

Летом Лена опять поступала во все театральные вузы. В Школе-студии МХАТ член экзаменационной комиссии обо-

рвал ее на первой фразе: «Спасибо. Следующий!». «Я чуть не умерла от горя». Последним был ГИТИС, где курс набирал Олег Табаков. Он увидел в ней настоящую актрису сразу. Но из объятий ПТУ оказалось не так просто вырваться. Она должна была три года отработать по полученной специальности, чтобы оправдать затраты государства. Табаков хлопотал, и для Майоровой сделали исключение. Предложили выплатить штраф — 112 рублей, нереальные для нее деньги. Ей эту сумму одолжил Олег Табаков.

После института у Табакова возникли проблемы со своим театром. Елена Майорова работала бесплатно в театре «Эрмитаж», прописки ей не давали, жила в общежитии. И тут случилось то, что она считает большим везением, но это уже была закономерность. Ее пригласили в «Современник». Она получила роль Наташи в «Трех сестрах», в «НЛО» играла одну роль в очередь с Мариной Нееловой, которую боготворила. В это время на Малой сцене МХАТа вышел спектакль «Вагончик», в котором Майорова играла одну из главных ролей — подсудимую Цыпкину. «После премьеры Олег Николаевич Ефремов неожиданно предложил мне перейти в Художественный театр. Я отказалась, потому что была уверена, что «Современник» — моя судьба. Но Олег Николаевич проявил настойчивость. Посыпались предложения: Констанция, жена Моцарта в спектакле «Амадей», который ставил Марк Розовский, Корделия в «Короле Лире» у Анатолия Васильева (из-за смерти Андрея Алексеевича Попова, репетировавшего Лира, спектакль не состоялся)... Я долго сомневалась, мучилась и все-таки сделала выбор. Сейчас абсолютно не жалею, что оказалась во МХАТе. Я нашла то, что искала».

Это из интервью 1990 года, опубликованного в «Советском экране». Елена Майорова уже семь лет во МХАТе и работать там ей осталось ровно столько же. До конца. Она, с детства мечтавшая именно о МХАТе, так подбирает слова. «Современник» — моя судьба». «Не жалею, что оказалась во МХАТе. Я нашла то, что искала». Есть разница, не правда ли? Это резкая, однозначная

фраза: я нашла то, что искала. Как страшно смотрелась бы эта фраза над ее прелестным черно-белым портретом в фойе МХАТа, у гроба. «Я НАШЛА ТО, ЧТО ИСКАЛА».

Через год она даст газете «Культура» более откровенное, во многом драматичное интервью. Такие вещи говорят не для пиара. Все вроде о работе, но настолько лично, что создается совершенно четкое впечатление. Это не актриса общается с корреспондентом. Это постоянно думающий, очень страдающий человек пользуется случаем, что его слушает другой, практически незнакомый человек. Как случайный попутчик в купе. И журналист С. Толкачев почему-то начинает свои вопросы с самого неожиданного:

«— Что вас мучает, Елена?

— Знаете, иногда пропадает ощущение реальности сделанного. Это как на съемочной площадке. Думаешь, что тебя снимают крупно, стараешься. Каждая клеточка твоего лица болит, страдает. А потом смотришь материал: батюшки, все ушло в песок. На пленке не твои мысли и чувства, а намерения других людей, режиссера, оператора. Мои роли в кино? Я их любила, почти все. Но они — призраки, бесплотные одеяния, прошли, и нет их.

— Но разве театр не утешение? Ведь у вас там много удач.

— Я боюсь смотреть в зал. Боюсь заметить в глазах зрителей равнодушие или насмешку... Почти каждый день репетиции, спектакли, а так хочется послушать классическую музыку, сходить в бассейн.

— А по магазинам ходите сами?

— Слава богу, помогают родители мужа. И я им благодарна. Но от домашних дел никуда не уйдешь. Вчера устроила большую стирку, написала письмо, отправила посылку родителям на Сахалин. А магазины... Мне страшно стоять в очередях. Именно страшно. У меня есть подруга, верующая, она по-

другому смотрит на все это. Скажем-то вышшим нечеловеческим смирением, с надеждой. Ездит в больницы, помогает несчастным. Так вот, она и людей, стоящих в очередях, жалеет...

Сейчас я репетирую Достоевского у Фокина в Театральном центре имени Ермоловой. Настасья Филипповна. Хочется верить, что это и есть «мой» материал, то, к чему я стремилась. Спектакль будет называться «Бесноватая». В прошлом году я сначала отказалась от этой роли и радовалась, что меня минует чаша сия. Горькая. Не играть — жить этим нужно. Каждый спектакль, каждый вечер. Лишать себя покоя. Душевного равновесия, обрекать на страсти, страдания. Это же Достоевский! Настасья Филипповна кается. Мучается. На самом деле она не совершает ничего постыдного, ужасного. Она только сама себя ранит и все время спрашивает: зачем мы? К чему мы? Если есть Бог, почему я так живу? Почему же ты, Бог, уготовил мне такую судьбу? Она несчастна...

...Когда я вижу нищего в переходе, я поражаюсь. Как вот он так способен сесть на пол и сказать: ребята, без вас я умру, помогите! Я привыкла быть одна. Во всем полагаться только на себя. Я бы так не сделала. Но он лучше меня, потому что не гордый. Он смирился, он целиком зависит теперь только от того, какие люди пройдут мимо него — добрые или злые...»

Это всего лишь интервью Лены Майоровой. Но такой текст мог бы написать своей героине Федор Достоевский. И он сам, и его герои жили между нравственными муками и огнем. Я понимаю, почему учительница литературы четверть века возила за собой по разным городам пожелтевшие школьные тетрадки одной отличницы.

ГЛАВА 7

Она могла бы, как некоторые голливудские актрисы, писать книги. Например, книги о животных, которых не просто любила. У нее был культ животных, прекрасных, чистых и беззащитных существ. Они доставили ей много радости и немало страданий. Она была из тех, кто сравнивает людей и животных, отдавая восхищение и сострадание более слабым. Сережа Шерстюк полностью разделял страсть своей жены. Их жизнь была полна событиями, связанными с кошками, которых Лена всегда называла человеческими именами.

В девять месяцев жизни без Лены Сергей в своем душераздирающем дневнике — послании на тот свет — систематизирует свои потери. Отдельно остановится на каждой из них.

«Теперь мне предстоит жизнь, существующая только в моем воображении. Я хочу читать книжки, написанные тобой. Из всего, что ты сделала, мне ничего не надо, кроме твоих книжек. Ну хотя бы одну книжку... Читать, отрываясь, смотреть в окно, пить чай, читать. Листать за нашим столом, выбирать страницу наугад, читать главу, смотреть в окно, есть гранат. Конечно, я хочу пойти на твою премьеру, я хочу всего, что было, хочу невозможного, но более всего хочу читать твою книгу. Я знаю, что найду ее.

— Ты врожденная писательница, — однажды сказал я, — пиши книги.

— О чем?

— Обо всем, что ты мне рассказываешь. Никто лучше тебя не рассказывает о счастье и боли.

— Но разве это интересно? Даже тебе это иногда неинтересно.

— Леночка, мне часто не по себе, это правда, мне так больно и страшно за тебя, что я пытаюсь не слушать, и, несмотря на то, что твой мир трудно вынести, я знаю, что ты рассказываешь о счастье. Если ты все это напишешь, я буду читать, не отрываясь.

— А кроме тебя, кто еще?

— Ну кто-нибудь, какая разница, но главное — я. Разве мало?

— Мало.

— В конце концов, мы издадим, и это будут бестселлеры. Я знаю, тебе нужен полон зрителей зал, но, уверяю тебя, читателей будет не меньше.

Ты улыбнулась.

— Если я когда-нибудь не смогу играть... заболелю или меня вдруг парализует, я, может быть, и начну писать. Ты ведь знаешь, как долго я собираюсь написать письмо, собираюсь неделями, а потом пишу с утра до вечера и, пока не напишу, ничем не могу заниматься. А так — когда мне писать? Между репетициями? В понедельник?»

Но она жила, не созерцала, не описывала свои наблюдения, ей было действительно не до того. Даже не из-за отсутствия времени. Ей нужно было все пережить, все отстрадать. А это — самая тяжелая работа.

Лена была на Сахалине, а семья и любимый кот Толя — на даче. Он часто пропадал — ходил, что называется, «по бабам». Но однажды Сергею стало так страшно, так тоскливо из-за того, что Лены нет, и Толя все не возвращается. Сергей поехал кататься на велосипеде и вдруг остановился в поле и зарыдал. Ему показалось, что Толя умер. «Наш умный, благородный Толя умер». Утром кота нашли мертвым в колодце.

19 марта.

«Помнишь, как я сообщил тебе, что Толя умер? Ты не успела еще распаковать чемодан, мы еще толком не прижались друг к другу, и я вдруг понял, что еще час, и я сойду с ума, я выпалил: «Толик умер». «Что?» — закричала ты и упала на пол. Бедная Леночка, я не сказал тебе, что он утонул в колодце. «Он умер от старости», — твердил я. Ну вот сейчас я набрался смелости и сказал правду. Нашли мы его 6 августа 1996 года. Было ему чуть более десяти лет, и все он прожил с нами. С того дня, как мама заглянула в колодец и закричала: «Сережа, Толя утонул!» — тревога не покидала меня. Не покидает и сейчас, хотя, казалось бы, с чего?»

После этого горя Лены и Сережи она часто будет рассказывать о коте Толе, который умер от старости. Она всегда будет это подчеркивать — умер от старости. Как же Сергей знал ее. Знал, что мысль о неестественной, мучительной смерти любимого существа будет для нее невыносимой.

«...В Москве, когда я жила в общежитии театрального училища на Трифоновской, у меня появился первый личный котенок. Я тогда училась на 5-м курсе. В комнате у нас было пять человек, и я принесла с улицы кошечку — всю какую-то несчастную, облезлую, с перебитым хвостиком, нарушенным вестибулярным аппаратом. Мне стало жалко ее, а она безоговорочно приняла меня как хозяйку, так как я все время ласкала ее и гладила. Я спросила девочек, не возражают ли они против того, что у нас появится новый жилец. Сначала они согласились с условием, что если она будет гадить, они выбросят ее в форточку. Мы поставили котенку коробочку с песком, но она почему-то делала так: сначала копалась в песочке, потом делала свои дела кому-то на подушку, потом снова копалась в песке. Мне на подушку она не делала никогда. В общем, меня заставили ее отдать. К счастью, ее взяли

девочки из соседней комнаты, и там с нею все было хорошо, а потом ее забрала к себе домой одна москвичка.

А Витю, следующего моего кота, я взяла у своих знакомых, когда у меня уже была в общежитии отдельная комната. Он любил меня до безумия. Я его выбрала потому, что у него на лобике выделялась буква «М», а я же Майорова. Он был серенький, полосатенький, роскошный. Стоило мне куда-то отлучиться, он начинал плакать и кричать. Потом я вышла замуж за своего первого мужа и переехала к нему. Но Витя не принял родителей мужа, хотя они к нему и неплохо относились. Свекровь, бывало, зовет, зовет его, а он не откликается. К тому же муж ревновал меня к Вите: я приходила домой и начинала ласкать кота, а муж обижался, считая, что ему достается не вся моя нежность. В конце концов он устроил Вите сцену ревности, и кот выбросился из окна. Мы жили на 7-м этаже, и он частенько сиживал на форточке, глядя на птичек. Может быть, он бросился за птичкой, но я считаю, что он не захотел мешать моей семейной жизни. Может, я сумасшедшая, но я считаю, что это так. Они ведь все чувствуют... Я очень переживала, рыдала, и мои родные тоже расстраивались, видя мои страдания. Я собрала его волосики с дивана, завернула в бумажку и написала «Витя». Так они и лежат до сих пор. Мне была необходима замена, и я завела Юру — не помню уже, откуда взяла.

— Почему вы называете их человеческими именами?

— Потому что они для меня не животные, а люди, дети. Юрочка был очень красив — пушистый, полусибирский, полуперсидский, серый с белым. Я, в общем-то, настоящих персов не очень люблю: они какие-то неподвижные, слезы текут из глаз. Но с Юрочкой тоже случилась беда. Мы жили в полуподвале общежития МХАТа, он сам бегал по двору, провожал меня в магазин и встречал... Как-то кот залез на высокое дерево и не смог слезть оттуда, как я его ни при-

манивала. Мне нужно было бежать на репетицию, и я кричала ему: «Белочка моя, Юрочка, зайчик мой!» Соседки хохотали, а он боялся и не слезал. Как нарочно, на этот сук села ворона и давай его клевать. Он, бедный, шипит, рычит, а она знай клюет его и не боится. Через полтора часа прихожу домой и вижу: лежит мой кот на лавке около дерева. Он все-таки упал, а может, и ворона его скинула, а соседи подобрали и положили на лавочку. Увидел меня, приподнялся и с виноватым видом смотрит: «Уж извини, видишь, как получилось, такой уж я у тебя урод — не сумел слезть». Пытался приподняться и снова ложился. А я даже на руки боюсь взять его, до того он скис, было страшно даже дышать на него. Но все же взяла на руки, отнесла в дом. Весь вечер и всю ночь дышала на него, медитировала, отдавая свою энергию, и к утру он встал, пошел есть, и все стало отлично.

Но случилось вот что. Мне надо было уезжать на Сахалин на гастроли, и я попросила соседей, у которых тоже были кошки, кормить Юрочку. А гулять он ходил через форточку. Они обещали и действительно кормили. Но он решил, что это предательство с моей стороны, что я его бросила, и ушел. Приезжаю, спрашиваю: «Где Юра?» Мне говорят: «Нет его». Его не было год. Вдруг в один весенний день приходит, красивый, откормленный, пушистый и царапается в окно. Я закричала: «Юра, Юра!» Он несколько дней прожил у меня, а потом все же ушел к своим новым хозяевам, а меня, видно, решил просто навестить. Это же фантастика! Какие же они все-таки личности!

Последний кот у меня был Толя. Жил 10 лет и умер в прошлом году от старости. С ним у нас тоже сложились очень близкие отношения. Его я взяла у одной актрисы. Он тоже был настоящий красавец, огромный, на длинных ногах, пушистый, полусибирский.

— А как появилась Дуся?

— Толя тогда жил на даче, а я еще была в Москве, репетировала. Настроение у меня было какое-то грустное, нервное — в общем, тяжело было на душе. И пошла я в церковь, пожаловалась батюшке, сказала: «Мне нужна какая-то надежда». Он сказал: «Пойдем!» — и привел меня в комнату, де было много котят. «Вот тебе надежда!» Я говорю: «У меня уже есть котик». Он отвечает: «Ну и что, у людей бывает и по двое котов». Иду я выбирать котенка, а Дуся как чувствовала: «Меня, меня возьми!» — и бежит ко мне первая. Масть — такая же, как у Толи.

— Как встретил ее Толя?

— Он тогда был на даче и привык, что к нам приезжают гости даже с собаками. Он от них обычно прячется, а они его гоняют, как зайчика, а Дусю гонял уже он. Когда я вышла замуж за Сережу, Толю, конечно, взяла с собой, а тут у нас 6-й этаж, и он уже не мог гулять, как он делал там, через форточку. Причем он имел обыкновение приводить к нам на откорм и свою жену, и своих детей, очень похожих на него, но почему-то рыжего окраса. Он был такой матерый котище со шрамами от драк, иногда с порванными ушами, весь такой «крутой», хамоватый. Приходил ко мне и требовал: «Давай есть!» Относился пренебрежительно. Показывал своему семейству и меня, и свой дом. Очень боевой характер имел. К тому же независимый: его не схватишь в руки, сразу поцарапает, всю округу держал в страхе. А тут, на 6-м этаже, стал выть и в знак протеста гадить на ковер. Смотрит эдак жалостливо в лицо и говорит: «Ну, выпускайте же меня!»... Решили кастрировать его, ведь он успел достаточно нагуляться. Оперировать ходил мой муж. Я приехала с гастролей, и поскольку я в доме отсутствовала и эту гадость с ним сделала не я, он не обиделся и не держал зла на меня. Лежал только, и было ему тяжело. Я уж испугалась, но как только прилегла после са-

молета отдохнуть, вдруг чувствую, как что-то плюхается на меня. Это он вылез из корзины, дополз до меня и успокоился. Все же хозяйка — та, что принесла. Когда приезжаю, он выскочит, встретит, а потом вспомнит, что уехала, оставила его, и убегает. Тогда я подхожу к нему и говорю: «Ну, прости, Толечка, я должна была уехать, у меня такая работа». Как скажешь «прости», он меняет гнев на милость и прощает меня.

— Как принял Дусю? Они понюхали друг друга, и Толя отошел. Иногда она пыталась есть из его тарелки, и если он это замечал, то больше к этой тарелке не подходил, пока я ее не помою, не положу еду заново и не позову: «Толечка, ну иди сюда, покушай! Дуся, отойди!» Тогда медленно подходит. Дуся появилась, когда ему уже было лет десять. И умер он, как солдат, на грядке.

— Почему на грядке?

— Ушел на чужой участок, чтобы не видели его смерть. Мы его похоронили. Сначала я думала, что он умер из-за наличия Дуси. Я очень переживала его смерть, и мне трудно было смириться с этим, ведь он прожил у нас 10 лет и стал настоящим членом семьи. С тех пор я всю любовь отдала Дусе».

(Журнал «Друг», 1996 г.)

Какие милые, трогательные истории. Какая прелестная рассказчица — добрая, нежная, чуткая, великодушная, наблюдательная. Какое умение выстроить сюжет, в котором есть и чувство, и юмор, и драма, и эта невероятная вина перед теми, кого приручила. Она уйдет, а Дуська заполнит дом погибающего от горя Шерстюка своими котятками. Лена говорила, что ей нужно родить «для здоровья». И он будет звонить, пристраивать, ловить эти маленькие теплые комочки, чтоб отдать в добрые руки. Одного пожалеет отдавать. Потому что

прячется под диван и коричневый. И, конечно, даст полный отчет Лене, то есть подробно все опишет в дневнике.

Она могла бы стать писательницей, биологом, психологом, фотохудожником. Выставка ее фоторабот была открыта в Театре-студии Табакова поздней осенью, через несколько месяцев после ее смерти. И обычные зрители «Табакерки», и профессиональные художники, фотографы, операторы были удивлены. Это были особые работы. Эмоциональные и точные, как все, что она делала. Автор этих снимков делится любовью к жизни, к миру, к его чудесам. Самым большим чудом для нее, похоже, стала постановка «Орестей» Питером Штайном, где она играла Афины, — ночью, в полнолуние, на сцене древнего театра в Греции. Как в театре и кино, в фотографии она умела передать то, что невозможно выразить словами. Настроение, воздух, вдох, загадочную улыбку, застывшую слезу. Сергей Шерстюк рассказывал, что иногда они с Леной снимали одно и то же. Но именно у нее получалось то невыразимое, что отличает высокое искусство от профессионализма. В журнале «Огонек» был материал об этой выставке. Автор Игорь Шевелев пишет: «После трагической гибели Лены в августе 1997 года на нее саму словно была наведена резкость и фокус сути, а искусство обрело завершенность судьбы, ту целостность, что принадлежит уже не нам, преходящим».

Она так умела ловить и останавливать мгновение, чувствовала жанр и стиль, что, возможно, могла бы стать и хорошим режиссером. Но она выбрала путь актрисы. Самый верный и, как оказалось, самый гибельный для себя путь. Эта целостность ее натуры, которая теперь принадлежит уже не жизни, которая поднялась над искусством, — она никогда не позволила бы ей свернуть, отдохнуть, приспособиться, выбрать более щадящий и комфортный режим существования. Остановиться, сделать шаг вправо или влево, отступить — для Елены Майоровой это равносильно предательству дела, посланного свыше. А от предательства, как она считала, даже кошки выбрасываются из окна.

ГЛАВА 8

До сих пор многие, как скороговорку, произносят откатанные фразы о тайне гибели Елены Майоровой. Посылы, к сожалению, обывательские в самом примитивном понимании этого слова. Она же была примой МХАТа, ее любил Ефремов, она так удачно вышла замуж после своего Южно-Сахалинска и ПТУ с его трубами. У них с Сергеем временами появлялись деньги, и они легко путешествовали по миру. Наконец, муж ее очень любил. «Тайну» эту отгадывают, как правило, через несколько фраз. Что-то с психикой, сломалась, про «сдутые шарики» и пустоту в душе и голове я уже упоминала. Все это — смесь самонадеянности и зависти, в которой очень многие люди не признаются даже себе. Страшно подумать, что было бы, если бы Елену потащили колоть и пичкать лекарствами. Чтоб не нервничала: ведь у нее же все замечательно. Невероятно себе представить, что такой сложный человек, как Лена Майорова, вдруг проснулась бы утром свеженькой, как огурчик, и поняла, что те человеческие страдания, к которым она чувствовала себя постоянно причастной, ей «по барабану». Чтоб она стала откладывать на «черный день» свои гонорары и деньги мужа за картины. Чтоб забыла о родственниках на Сахалине, живущих тяжелой, скудной жизнью. Чтобы смерть кота ничего не изменила в ее мироощущении. Раньше говорили, что все не особенно образованные люди считают себя врожденными педагогами. Чего проще: бери указку и учи. Не кирпичи таскать. Сейчас все — доморощенные психиатры. Эталон — собственная персона. Есть квартира, дача, хороший муж, работа — значит, все о'кей. А тут так повезло: есть имя, первый театр, лучшие роли, известный муж влюблен до полу-

смерти, да еще главный режиссер проходу не дает. Несчастлива — значит, ненормальна. В каком-то смысле это верно. Выдающийся человек — это не норма. Большинству нужно просто пить кефир на ночь от запора, а избранным суждено до обморока жалеть Настасью Филипповну, Машу, Сару, Тойбеле. Отдавать им свое тело, обнаженные нервы, тоску и боль, без которых нет таланта. Если бы количественное соотношение было иным, обычному человеку с обычными потребностями, наверно, было бы очень тяжело существовать среди тех, кого Бог поцеловал при рождении, благословляя на трудную судьбу. А как им, необычным, существовать среди слишком обычных? С теми, которые желание загадывают между убитыми горем вдовцами? Лена страшно хлопнула дверью, и все заметили ее уход. И остались вопросы, на которые мы просто не способны ответить. Что такое «успешность», является ли счастьем «любовь» и что это за слово такое — «везение»?

Я бы ответила так: успешность — это удовлетворение достигнутым, и многие известные и талантливые люди на публике просто удачно имитируют успешность. Поскольку развитый интеллект, чуткая душа — мешают испытывать удовлетворение, и достигнутого всегда недостаточно. Получается, что успешность — это фантом. Любовь — это, конечно, не есть счастье. Ибо тяжела она, «как смерть». И с ней тяжело, и без нее невозможно. А везение? Понятия не имею. Может, это несколько раз подряд выиграть в казино? Может, найти миллион, чтобы этого никто не заметил? Выплатить кредит, найти хорошую сауну, попасть в телешоу... Какая глупость ни придет на ум, все это мимо личности масштаба Елены Майоровой. У нее не было даже такого простого и очевидного везения, как у Ирины Метлицкой: пришел режиссер в школу, увидел девочку-красавицу, и началась жизнь настоящей, взрослой актрисы. Лена шла босыми ногами по острым камням. Но пришла она точно туда, куда хотела. Из дальней стороны, из далеко не золотого детства, из тяжелой болезни... Но ничего

похожего на везение не было — ни в том, что профессия подчинилась ей, как укрощенный зверь, ни в тягостной привязанности Ефремова, ни в смертельной любви Шерстюка. И то, и другое, и третье требовало особых сил, чтобы не снесло ветром страстей и мук. Если талант послан неслучайным людям, то и преодоления их не случайны. Из Лены Майоровой судьба, как жестокий и гениальный скульптор, лепила личность трагическую. Притягательную, неотразимую в отблеске этого трагизма и обреченную не найти выхода к маленьким радостям обычных людей. Она бывала веселой, радостной, искренней и доверчивой, как ребенок, но это был просто редкий золотой дождь, которым иногда омывало ее хмурое небо.

Спекталь «Тойбеле и ее демон», где Лена сыграла свою лучшую роль, притягивал к себе мрачные события с самого начала. Едва в театре начались репетиции, как появились анонимные письма о том, что это произведение опасно для жизни. Были пугающие звонки. Не выдержал этого психологического напряжения и вышел из спектакля Борис Щербаков. Вячеслав Невинный провалился в люк, переломал себе ребра и в тяжелом состоянии был доставлен в институт Склифасовского. Актеры говорят, что произошло это несчастье необъяснимым образом. Старый актер отыграл свою сцену, его встретили, как обычно, вывели из темноты кулис с фонариком, осторожно, чтоб он не упал. И вдруг на подороги, без объяснений, Невинный разворачивается и направляется к сцене. Шаг в сторону — и он летит в сценический люк. Никто, в том числе он сам, не мог объяснить, зачем ему понадобилось возвращаться.

Через два сезона после премьеры сгорела Елена Майорова.

Спекталь пытаются сохранить. Но через полтора года после смерти Майоровой неожиданно умер ее партнер — Сергей Шкаликов, 35 лет от роду. Его нашли мертвым в собственной квартире. «Тойбеле и ее демона» сняли с репертуара.

Что-то страшное происходило во время работы над сериалом «На ножах» по Лескову. Для фильма изготовили пять крестов. Какое-то время они хранились в подвале загородного дома режиссера Александра Орлова. Один из рабочих, делавших эти кресты, умер во время съемок. Скончался оператор. Вскоре умер второй оператор. Затем художник картины и художник-гример. Погибла в огне Елена Майорова.

Журналистка Ирина Горохова взяла интервью у Александра Орлова:

«— Как чувствовали себя лично вы, Александр Сергеевич, на съемочной площадке?

— Очень плохо. Постоянно болело сердце. Сам я в то время потерял тещу... Фильм надо было снять очень быстро. Но процесс постоянно приостанавливался — мы чувствовали незримое присутствие автора романа «На ножах». Он окружал нас такими загадками, на которые мы не могли дать ответа. Другими словами, Лесков навязывал нам свои правила игры. Некоторые актеры откровенно боялись играть. Например, Елену Майорову пугала роль Глафиры. Я посоветовал ей сходить в церковь — покаяться, попросить прощения. И поставить свечку. Все равно работа такая — никуда не деться. Может быть, не послушала?

— И все-таки, Александр Сергеевич, если вернуться к крестам. Есть ли роковая связь между ними и трагедиями, сопровождавшими съемки сериала «На ножах»?

— Если вы помните, помимо крестов в картине фигурирует гроб. Актер Горбачев спокойно лег в него и довольно долго в нем лежал. Слава богу, обошлось без последствий. Моя супруга — актриса Алла Будницкая играла Екатерину Астафьевну. Вроде пронесло... А вот замечательный актер Алексей Иванович Миронов, сыгравший

Сила, недавно ушел от нас. Как сказал один из персонажей фильма, могилы все ширятся».

«Комсомолка» опубликовала интервью заместителя гендиректора Первого канала Олега Вольнова. Он говорит о документальном кино. И в частности — о работе над одним фильмом. «Была такая актриса — Елена Майорова, которая покончила с собой страшным образом — сгорела заживо. Ее муж после ее смерти ровно за девять месяцев тоже сгорел от рака. Но все эти девять месяцев он писал дневники, обращенные к ней. Потрясающая, пронзительная история. Мы взялись ее сделать, и делаем уже два года — доделать не можем. Первый режиссер, который начал делать фильм, ушел в запой, не просто на три дня, а на несколько месяцев выпал из жизни. Второй режиссер заболел. Третий, только получив пленки, попал в страшную автоаварию и с переломами угодил в больницу. И уже, когда фильм был практически готов, мы попросили доснять реконструкцию последнего акта драмы жизни Елены Майоровой. Женщина-каскадер попала в больницу с ожогами. Я не верю в мистику, но когда начинаешь перечислять все эти вещи, чувствуется какая-то странность».

Если речь идет о фильме «Последняя весна», то в целом оценить работу как удачную, конечно, невозможно. Беспорядочно слепленные отрывки разных интервью, нет ни общей мысли, ни настроения, на котором должен держаться такой фильм, нет логичной нити размышлений, которая могла бы привести хоть к какому-то разумному выводу. Но, главное, это невероятные для документалистики «ляпы». Например, идет текст о первом муже Майоровой, называют его фамилию, а в кадре — крупно снимок актера Игоря Нефедова, покончившего жизнь самоубийством за три года до Лены. Действительно, складывается впечатление, что все это делалось разными людьми, под влиянием прискорбных обстоя-

тельств, возможно, страхов и, похоже, по какому-то заказу в смысле вывода о том, что все было прекрасно, кроме нечаянной смерти. Этот вывод просто наклеен на фильм, как ярлык. Но есть в неудачном фильме потрясающий эффект, который, конечно, невозможно объяснить. Живые, в том числе известные и очень умные люди говорят яркие, запоминающиеся вещи, а кадры с Леной Майоровой — из фильмов, видео — не уходят на второй, спокойный план, как это бывает в картинах об умерших актерах, а доминируют. Светятся. Она ни кого не похожа. То очень красивая, то развеселая и лихая, то бледная, усталая, подавленная, почти болезненно худая, со страдальческими глазами... Она есть в большей степени, чем живые. То ли это одно из чудес кинематографа, то ли это роковое поле Елены Майоровой. Владимир Хотиненко сказал о ней: «За последние 25 лет у нас не было актрисы с таким ярким стихийным дарованием»; Кама Гинкас: «Странное сияние, незащитный детский эротизм делали ее красавицей»; Александр Митта: «Ее работа — это было чистое горение».

Пламя завораживает взгляд. Лена Майорова всегда и для всех будет пламенем.

Совпадения бывают трагическими, они бывают слишком похожи на череду неслучайных событий. То есть рок. Просто по эту сторону горизонта такие загадки не разгадываются. Семь крестов заказали для фильма «На ножах» — семь жизней оборвались во время и после съемок.

В 39 лет погибли Елена Майорова, Изольда Извицкая, Евгений Дворжецкий, умер Олег Даль. Сергею Бодрову-младшему, погибшему столь страшной смертью, было всего 31, Евгению Урбанскому — 33. Владимиру Высоцкому было 42, Андрею Миронову — 46, Василию Шукшину — 45.

Недавно ученые опубликовали результаты новых исследований. Пика жизнеспособности люди достигают именно к 39 годам. Этому способствует уровень миелина в головном

мозгу. Больно даже думать о смерти на пике жизнеспособности. А как ей было умирать в огне? Когда этот самый миелин приказывает: живи! А мозг твердит: «Ты артистка». — «Я артистка», — ответила она.

Можно говорить о мистической природе театра и кино, о мистическом воздействии драматургии, об авторах, пером которых подчас водит судьба, но вряд ли это приведет к четкому результату. Совершенно ясно одно: опасная профессия, опасный возраст, опасные времена, опасная страна. Не для всех, конечно, а для тех, у кого красивая, тонкая кожа.

Татьяна Догилева вспоминает пример невероятного чутья Елены. Что-то типа прозрений ясновидящей. «Помню, мы возвращались из Греции — играли «Орестею» в древнем амфитеатре, были эмоционально оглушены и абсолютно счастливы, потому что хорошо сыграли. Сидели в автобусе, болтали, хохотали, и вдруг она отворачивается к окну и молчит. Мрачнеет, на все вопросы не отвечает. Я ее торможу: «Лен, что с тобой?» А она мне: «Что-то случилось дома». Я говорю: «Да перестань, так часто бывает, это нервы». — «Нет, не ерунда». Из гостиницы звонит домой — точно, у Шерстюка отбирают мастерскую... Он впал тогда в полнейшее отчаяние, в какую-то детскую беспомощность, и из этой беспомощности его выводила Лена, она стала бороться, подключила все свои связи и заодно кричала на него, чтобы привести в чувство: «Ничего, даже если отнимут, не помрешь, у нас большая комната, будешь работать здесь». Но мастерскую удалось отстоять».

Одна знакомая Майоровой рассказала о том, что они мимолетно встретились с Леной недели за две до 23 августа. Поболтали. Расставаясь, знакомая спросила: когда увидимся? Лена серьезно ответила: «На моих похоронах». Знакомой это показалось мрачной шуткой.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

30 сентября.

«Любимая, слушаю ноктюрны Шопена и смотрю на фотографию: ты держишь в правой руке два белых гриба, на пальцах обручальное колечко, в левой — подосиновик. За твоей спиной наша летняя кухня, нежная и зеленая тень, солнце на диком винограде, грибах, плечах и волосах, ты без всякой косметики, такая простая и необыкновенно любишь жизнь, которой тебе осталось немногим более месяца. Не знаю, сколько точно, но на этой же пленке день рождения Светы, а было оно 25 июля, какая же ты была красивая в стальном костюме! Кстати, часто на последних фотографиях ты сбоку или едва в кадре и так печально и таинственно заглядываешь в мои глаза. Что же ты такое знала, если так любила жизнь?

Прости меня, я никого не видел чувственной и духовнее тебя. И красивей. Представляешь, что я написал? А хочешь совсем омерзительное? Таковое даже я, наверное, не говорил тебе. За пятьсот лет у художника не было такой жены...

Как спокойно играют Шопена, лампа твоя-наша — стучит и мигает. Скоро, надеюсь, я умру. Или нет — ты подождешь еще чуть-чуть? Жди меня».

В пятницу, накануне той страшной субботы, она лежала на полу, укрытая пледом, и смотрела на его, как он считал «никчемную», картину с двумя выеденными яйцами на блюде.

— Ты мне все сказал.

— Что? — спросил я.

— Смерть.

— Да какая там может быть смерть в этом неудачном подмалевке?

Ты промолчала. Я гладил твое лицо, ты взяла мою руку и поднесла к губам. Целуя мою руку, прошептала:

— Я очень тебя люблю.

Господи, как же я мог уехать!»

Что она видела, заглядывая в его глаза таинственно и печально? Как между ними втиснулась смерть? Как удалось ему, ждущему и разгадывающему знаки Оттуда, пробиться сквозь надземные туманы и услышать ее голос?

У них не было везения. У них были выстрадавшие удачи с привкусом крови. У них было такое крошечное счастье, которое осознают только в великом горе.

ГЛАВА 9

Девять месяцев Сергей Шерстюк казнил себя за то, что оставил в тот день Лену одну. «Родная, как же я виноват перед тобой! Что же я сделал: как можно было такую больную девочку оставить одну дома? Оставил, чтоб ты выпалась, выздоровела, наплевала на свою мнительность. Ты ведь справилась, когда получила подлую телеграмму, что папа совершенно парализован? Ты ведь справилась, ну рассталась с очередным тупым педагогом (Господи, кто же делает для людей театр!) — все ж было прекрасно, когда я примчался с дачи. Как ты радовалась — вот приехал муж, и все встало на свои места. Как же ты надеялась на меня — и вот я оставил тебя одну. О, думал я, у нас такая жизнь, мы же постоянно расстаемся, чтобы встретиться. Вот и получил.

Теперь я знаю, почему ты забывалась, падала, все роняла, почему ты впадала отчаяние от пустяка. Прочитав интервью с собой, увидев ошибку или рекламный трюк, ты могла впасть в депрессию, да нет, стресс, да нет, такое отчаяние, будто провалилась земля».

Почему падала, роняла, впадала в отчаяние, будто провалилась земля? Скорее всего, потому, что земля под ней действительно провалилась. Слишком много отчаяния, чтобы не прогнуться под тяжестью, совсем нет пустяков — немного на свете людей, которые так серьезно, со страстью и надрывом воспринимают происходящее, как Лена Майорова, и это ее постоянное чувство одиночества. Ведь она не просто не была одинока. Она была любима, практически обожествляема мужем. Но совершенно ясно: в августе 97-го она не надеялась на его помощь. Ей, видимо, казалась слишком беспросветной ситуация.

Если бы она видела в том августе хоть лучик солнца, она бы, как привыкла, стала бы бороться с трудностями сама. Дело еще и

в этом: привыкла справляться одна. А тут — никак!

Она не поехала отдыхать в августе на дачу, хотя была утомленной до изнеможения, потому что Леонид Трушкин пригласил ее на главную роль в антрепризу «Поза эмигранта». Роль хорошая, для нее. Молодая репатриантка спасается от уготовленных родиной проблем в Израиле: она работает там уборщицей. В Москве она была сотрудником института ядерной физики. Этот спектакль с Майоровой не появился, впоследствии главную роль будут играть Симонова и Глаголева, но не нужно быть ясновидящей для того, чтобы увидеть настоящую драму, неизбывную трагедию по-майоровски. Опять вернусь к богатству России талантами. У каждого своя ниша. Никого нельзя заменить. Так обстоят дела на самом деле в искусстве, что бы по этому поводу ни говорили режиссеры. Начались репетиции, все сразу пошло, Лена играла, как всегда, в полную силу. И вдруг из МХАТа раздается звонок о том, что пришла телеграмма на имя Майоровой, в которой сказано, что ее отца разбил паралич и вообще надежды нет. Она не может никому дозвониться на Сахалине: у ее родственником проблема и с телефоном, и вообще со связью с Москвой. Лена падает на пол, кричит, рыдает, подруги ничем не могут помочь — разве что побежать по ее просьбе в магазин за спиртным. Она не ходит на репетиции, не спит, не ест. Потом собирается из последних сил, приходит. Трушкин читает ей мораль, воспитывает. И со своей стороны отстраняет от репетиций. Мудрое решение. Как у Макаренко. Ты не ходила, а теперь я тебя не пущу. Сергей звонит с дачи, Лена ровным голосом говорит, что все в порядке. Наконец он приехал. Лена встретила его спокойно, в доме чистота, но муж видит, что она даже не подавлена. Раздавлена. Расспрашивает. Узнает, что телеграмму прислали не родственники Лены, а какая-то шустрая соседка.

«Я говорю: звони соседке, ты звонишь, она что-то ужасное рассказывает, я: пусть маму позовет, она зовет мать, которая говорит, что отца через два дня выписывают. Все. Ты улыбаешься, говоришь: вот приехал муж, и все встало на свои места. И рассказываешь, что с тобой творилось, но все-все позади. Эта ваша соседка, говорю я, «Санты-Барбары» насмотрелась и, зная, что ты нервная, представила: вот отправлю телеграмму, Майорова-актриса сюда приедет и устроит «Санту-Барбару» в натуре. Ты смеешься, я смеюсь... В августе тебе не надо было быть в Москве. На даче ты была спокойна и часто-часто счастлива...» Но у нее было невероятно обостренное чувство долга и вины. Если репетиции, значит, репетиции, даже если земля уходит из-под ног. Трушкин после трагедии с Леной Майоровой продолжал стоять на своем, хотя воспитывать уже было некого. «Даже если бы я знал, к какому финалу все идет, я поступил бы так же. Мне очень жаль Лену, но сказать, что я раскаиваюсь, было бы нечестно. Иначе надо перестать заниматься своей профессией и сутки напролет понимать, сочувствовать, вникать в чьи-то обстоятельства». Его обращение с актерами — вообще старые, часто отвратительные байки, но сказать такое — это за гранью. «Даже если бы я знал, к какому финалу все идет»! Трудно представить себе, после каких проблем, образа жизни или питания так начинают работать мозги. О какой профессии идет речь? Не о той, где есть имена Феллини, Бергмана, Григория Чухрая, Сергея Бондарчука. Они именно сутками понимали, сочувствовали, вникали. Потому что режиссер без актера — люстра без лампочек, машина без колес. Не думаю, что Трушкин был главной причиной того, что наши театр и кино, в которых талантливых актеров на самом деле можно пересчитать по пальцам, как везде, лишился Елены Майоровой. Но он, несомненно, был тоже причиной. Не способен честно ответить перед своей совестью, все равно ответит перед Богом.

Только Сергей Шерстюк понял, как страшно Лене не хватало понимания и любви:

«Мы с тобой ссорились, я тебя обижал, не понимая, что этого нельзя делать вовсе. Нельзя. Заслуженно, не заслуженно. Ты была живая рана, девочка без кожи, чище тебя я не знаю. Ты была взрывная, вспыльчивая, я такой же. Как мы были похожи, но как же мне следовало тебя заласкавать! Ты любила мои ласки, я любил тебя ласкать, но надо было заласкавать до заласканности ребенка, пропавшего и вдруг найденного».

Только он понял, но слишком поздно.

Лену очень любили родители, учителя, муж, Ефремов. Но она столько любви и страсти отдавала — невозможно в этом контексте употребить слово «работа», — своим героиням, рожденными просто фантазией драматурга, что обделяла себя действительно до состояния полного сиротства. У каждого человека — своя норма любви. Кто-то — и таких очень много — способен сам себя залюбить до полного блаженства. Лена Майорова была другой. К себе — скорее сурова, чем не то, чтобы добра, а хотя бы снисходительна. Очень редко жаловалась на свои проблемы, о настоящих трудностях просто не говорила ни с кем. Зато выслушивала всех плакальщиц в жилетку стойко, до упора, несмотря на собственную усталость и озабоченность всем на свете. Сергей считал, что это свойство большой души и отсутствия характера: послала бы их к черту с их драмами. Но это был именно характер. Цельный характер человека, который в самую трудную минуту говорит себе: ничего, я, как всегда, упрусь, и вынесу еще и это. Переболею еще одной бедой. Но железной она, мягко говоря, не была. Все ранимые и великодушные люди сделаны из другого материала. И ей для жизни нужна была компенсация истраченной любви. Конкретное выражение ласки. Постоянно, как бальзам для

ран души. Есть такой термин «синдром депривации», его применяют по отношению к брошенным детям, постоянно испытывающим дефицит любви. Умная, за любое дело берущаяся, внешне сильная, в жестоком мире, где актеров пытаются использовать исключительно как марионеток, Елена Майорова все больше чувствовала себя именно брошенным ребенком. В ней до конца было очень много доверчивости и детской наивности. Оказалось блефом чудо под названием «Странное время», а чудо по фамилии Васильков — всего лишь обычный, заурядный человек, которого распирало от гордости, что в него влюбилась сама Майорова. Он демонстрировал съёмочной группе Пьянковой, что имеет власть над звездой. Если она срывала съёмку, оставлял на проходной МХАТа записку: «Если ты не придешь сегодня, я умру». Как она могла после этого не прийти? Она тут же проигрывала в воображении самые страшные последствия и мчалась. Чтоб никто не умер. Он стрелял у кого-то дорогие сигареты «Кэмел», брал у мужа Пьянковой белый «выходной» плащ и шел на премьеру во МХАТ. Майорова звонила ему в тот день, 23 августа, оставляла призывы о помощи. Но она и к соседям заходила, она за пару дней до гибели позвонившему с предложением полузнакомому режиссеру прошептала: «Помогите, я погибаю». Не Трушкину же ей звонить. Почему не вернула с дачи мужа? Во-первых, ее подавленное состояние, несомненно, было вызвано больше всего тем, что она его предала. Во-вторых, она не без основания считала его тоже очень ранимым, неустойчивым в жизни и по возможности старалась щадить. Но затормозить над пропастью она не могла и ради него.

Слово «ласка» Елена Майорова употребляет даже тогда, когда говорит о режиссерах. Она имеет в виду моральную поддержку, душевный контакт. «Режиссер должен меня любить, ласкать, тогда я оживаю, как ребенок. Это естественно. Мы артисты. Ласкать, любить, тогда мы расцветаем и отдадим все сторицей». Но любой наш актер скажет, насколько это не-

сбыточные мечты. Есть исключения. С одним из них Лене повезло встретиться. Это Олег Табаков. Но рядом с ним никто не встанет в ее судьбе. Вот поэтому она, будучи такой успешной во МХАТе, так часто плакала, встречаясь с Табаковым. Но МХАТ оставить, конечно, было для нее невозможно. Ведь она нашла то, что искала. Но в тот последний август, возможно, стала сомневаться в том, что МХАТ не стал ее очередной ошибкой, иллюзией.

В интервью «Советскому экрану» 1990 года она говорит:

«В редкие периоды душевного равновесия у меня нет сомнения в правильности моего выбора. У меня много работы — значит, я кому-то нужна. Тогда я чувствую себя счастливой. Тогда я согласна гореть, сгорать, не замечая трудностей. Кстати, «Елена» в переводе с греческого означает «факел». Я бы хотела быть достойной своего имени. А счастье? Что ж, как советует Карнеги, на него надо только решиться...»

Она только изменила условие. Решилась сгореть, почувствовав себя никому не нужной в той степени, которая была ей необходима. В конце концов, счастье — это всего лишь слово, за которым может оказаться край земли. Главное — решиться. И Сергей Шерстюк, преданный муж, который всю совместную жизнь считал ее самой прекрасной женщиной, но комплименты прятал за иронией, шуткой, в проклятую субботу не был ей нужен. И Васильков не был нужен, и соседи, и Догилева. Она просто, как вечная отличница, знала: перед роковым шагом, после которого нет возврата, надо бы побороться за жизнь. Но в ее строгой теории получился такой результат: жизнь того не стоит. Тот, кто не стоял на том краю, пусть помолчит.

ГЛАВА 10

За такую любовь, которую с первой минуты первой встречи положил к ногам Лены Майоровой Сергей Шерстюк, многие женщины благодарили бы судьбу без перерыва на обед, разбивая от усердия лоб. Некоторые согласились бы и на меньшее. Когда Сергей умирал в раковом корпусе и плакал над дневником, который писал для Лены, — даже тогда он все еще представлял интерес для женщин. Его хотели осчастливить, вылечить, вытащить. Но он уже сделал свой выбор. У него не могло быть вариантов. Он тоже был цельной натурой. Двенадцать с лишним лет, которые они прожили вместе, он считал великим счастьем, хотя происходило с ними, как со всеми, всякое. Интересно: Высоцкий тоже прожил двенадцать счастливых и мучительных лет, на протяжении которых, как он был уверен, его хранила лишь любовь Марины Влади. Поэтому он знал, чем оправдаться перед Всевышним. Любила ли Елена Майорова Сергея так, как он ее? Очень любила, но совсем по-другому. Его чувство было настолько неизменным, что он думал, так будет всегда, мог сидеть полночи в мастерской, пока она ждала его в комнате, писать свои картины, записывать свои философские наблюдения, брякнуть во время ссоры что-то не то. Они оба были на это мастера. Он мог даже поднять руку на нее, не помня себя. Это не мешало ему утром любоваться ею спящей, сходить с ума от страсти, когда она сидела у зеркала, собираясь в театр, а он видел голую ногу, руку на коленке, ясное лицо, губы. Она относилась к любви, как ко всему, — по максимуму. Если любоваться ею, то не отвлекаться на треп с друзьями, не выпивать в компаниях, теряя мужскую цель и мужскую силу.

Он должен любить работу, но не больше, чем ее. Он может рассердиться, но не настолько, чтобы сказать или прокричать ей что-то обидное. На обиду она реагировала мгновенно, кричала в ответ, ругалась, отталкивала. Она считала, что любовь и страсть возможно удержать на одном, самом высоком уровне. Как в начале их жизни. Он уходил, она бежала за ним босиком или приходила ночью в мастерскую, где он только и делал, что ждал ее. Они бросались друг к другу, как будто вырвались из плена, плакали. Самое печальное в этой истории любви — это то, что он именно так и любил, как она хотела. Просто в обыденной жизни это бывает трудно выразить, а его воспитывали в семье военного без сантиментов, был он человеком думающим и критичным. Такие и порывы страсти умеют скрыть, и слова любви прячут для особого случая. Надо же какая с ним случилась беда: особым случаем оказался ее страшный уход. Но он стойко, до последнего вздоха говорил ей, то есть писал, невысказанные при жизни слова любви. Он оказался столь деликатным и столь благородным, что ни словом не коснулся ее нелепой измены. Он знал: эти дневники прочитают многие. Сергей не бросил ни малейшей тени на имя Лены Майоровой.

Она во всех интервью говорила о любви к мужу, но с годами в этих словах появилось что-то заученное и что-то, очень похожее на обиду по интонации. Вот она говорит по телевидению:

«В любви я ценю, чтобы любили меня. Я откликающийся человек — могу ответить на самоотверженное чувство. Конечно, не всякий, кто любит меня, может рассчитывать на взаимность, но мой муж должен любить меня больше, чем я его...»

Эти «ценю», «должен», «рассчитывать» — лексика, вовсе не характерная для демократичной, умеющей понимать и прощать, сверхэмоциональной женщины Елены Майоровой. Мы читаем в воспоминаниях Сергея, как она могла встать перед ним на колени, поцеловать руку, сделать такие признания в

любви, какие слышали немногие мужчины на земле. Но сама ни обыденности, ни отклонения от курса на пик страсти, наверное, не могла принять. Держала обиду. Особенно, когда все так сходилась: и с работой не так, и сплетни достали, и он говорит что-то, как плохой учитель. Она взрывалась, мне кажется, потому, что в плохие минуты начинала видеть себя со стороны чужими, недобрыми глазами. Таких глаз было на самом деле полно. Но она видела их иногда на лице самого близкого человека и взрывалась. Я плохая? Да пошли вы все... А потом опять вина и раскаяние. И опять получается, что плохая.

Сергей Шерстюк. 27 марта 1995 года.

«Сейчас запишу то, что лучше бы не записывать.

Сегодня день театра. В 21.59 Лена уехала со Штайном, т. е. «Орестеей», в Петербург. Была странно почему-то возбуждена. И уже на перроне, по ее очередному настоянию не нести, а катить ее чемодан, это и произошло. Ручка, за которую надо катить, отлетела. Началось. Тут же повстречался Женя Миронов, сообщивший, что только что получил премию Станиславского в 1000 долларов. Мы подошли к вагону № 8, и я спросил Лену, есть ли у нее билет. «Есть!» — закричала она. Но место проставлено не было. Я вошел в тамбур. Лена что-то выясняла с проводницей и ступила за мной с зажженной сигаретой. «Выбрось», — сказал я. — «Нет», — сказала она. — «Выбрось», — повторил я. Она бросила под вагон и сказала: «Проводница мне разрешила». — «Мало ли что», — сказал я. Далее — Штайн, Костолевский, — но помню я только те замечательные слова, которые называются матерными: я узнал, кто я такой. В купе я услышал, что как можно быстрее я должен идти. «Лена, все же пост», — сказал я. Я сказал: «С Богом», услышал: «С Богом, пошел...» — и ушел.

И вот почему не надо было этого записывать: я обиделся. Я едва помню, как я доехал домой... Я много лет не оби-

жался... Забыл, что это такое. Хочется залезть в шкаф и спрятаться за пальто... Я знаю, что я ханжа и демагог. Я знаю, что не стоит на мелочах сосредоточиваться, и хотя Бог в подробностях, ни на чем, помимо того, что я люблю свою жену, не сосредоточиваюсь. При этом я считаю, что в вагон нельзя входить с зажженной сигаретой. А кто бегал по вагонам голышом, едва укрывшись простыней, и стучал во все купе с криком: «Почему стоим?», когда поезд жарил на все сто? Я ханжа, потому что подчиняюсь только ритуалу. Курить в вагоне — хамство, а безобразничать — ритуал...»

Ну, ссора. Как водится, из-за полной ерунды. Ручка отлетела, он считает, что нельзя входить в вагон с зажженной сигаретой, она считает, что ее нельзя воспитывать, как курсанта военного училища, перед уважаемым режиссером, известными коллегами. Честно говоря, я бы тоже разозлилась, а мой муж тоже обиделся бы. Но обычные люди пытаются такие вещи проехать. Эти двое мгновенно шли на принцип. Потом ужасно страдали. Если бы он ей при жизни дал прочитать эту запись, если бы сказал, как написал: да, такой я ханжа и демагог, не могу отступить даже ради мира между нами. Но думаю я только об одном, что люблю свою жену. Если бы он дал прочитать или так сказал, она бы растаяла мгновенно. Сама бы отреклась от зажженных сигарет и беготни в простыне по вагону. Какая жена не считает своего мужа чуть-чуть занудой или очень занудой. Но мудрой считает себя та женщина, которая это никогда не покажет. На самом деле в этом нет никакой мудрости, обычная женская хитрость. То, чего в Лене Майоровой, просто не было. Ее мудрые прозрения касались более глобальных проблем. С Шерстюком — то же самое. Он философ, местами — мудрец. А на такой ерунде прокалывался, как мальчишка.

«Сегодня хотел утопиться в Патриарших прудах. Сидел на скамейке, смотрел на воду и хотел... Что я говорил Лене: «Со мной ты будешь счастлива». И вот сейчас я думаю: а почему ж таки не утопился? Может, потому не утопился, что они сами не хотят быть счастливы?..»

Они — это, конечно, любимые женщины как категория. У него такая была одна, незаменимая. Они складывали свои чувства, но одна на двоих картина любви получалась такой, как будто ее писали разные люди разным стилем. Детали не совпадали, острые углы не сглаживались. Сыгранные ею героини были, как правило, несчастливы в любви, но их беды вписывались в логику драматурга. Боже мой, Лена Майорова, похоже, не знала, что ни одна из ее героинь не была так любима мужчиной, как она собственным мужем.

29 ноября 1997 года, 3.05 ночи.

«Леночка, я так ничего и не понял, что произошло с моей жизнью. Про твою я понял: со мной она закончилась. Со мной, который на этой земле...»

Как это страшно: сидеть в полной пустоте и понимать, что с тобой закончилась жизнь любимой женщины. Единственной женщины. Что она нашла способ сделать разлуку бесконечной. Но он не так прост. Он и здесь пойдет на принцип. Разлука не будет долгой.

«Представляешь, Леночка, у меня есть такой шанс: не помереть, улучшить здоровье, купить домину или что-то другое и жить до ста лет. Но если представить, что я и половину из них не прожил, то подкрадывается к сердцу почему-то склизкая лапа и начинает, как клизму, сдавливать. Страшно. Именно прожить страшно».

Друг Шерстюка, киевлянин Макс Добровольский, написал ему после похорон Лены:

«Когда по пути в Москву меня отпаивали стюардессы (по-настоящему под конец помог лишь стакан красного сухого, и я с высохшими глазами и без всяких мыслей просто пялился в иллюминатор на озаренные вечерним солнцем облака — горы, острова и замки, как будто ведь ничего не случилось, и что бы ни случилось, — здесь вот так всегда), то я прикидывал следующее. Какова же теперь будет жизнь у Шерстюка — если даже в моей жизни не было события страшнее? Наименее вероятно (вероятности примерно пять процентов) — он сделает что-то в таком же роде. Двадцать процентов вероятности — поедет психика, поедет крыша. Наиболее же вероятное (остальные 75 %) — отправится в Штаты и там, может быть, потихоньку, лет этак через пять придет в себя».

У него получился четвертый вариант, не предусмотренный другом, но очень похожий на первый — 5 процентов. Не сама смерть, а жизнь между ее и собственной смертью — это и есть «что-то в таком же роде». Они доказали смертью свое редкое родство душ и тел. Вот такое было у них везение в любви.

ГЛАВА 11

Они жили честно, порядочно и прямо смотрели друг другу в глаза. Как равные в таланте, уме, страсти. Они жили около года в его квартире, не расписываясь. Им было уютно и весело вдвоем. Он часто вспоминал, как сделал ей предложение. Это было на кухне. Она строгала капусту, он смотрел на нее и вдруг, неожиданно для самого себя, сказал:

— Выходи за меня замуж.

— Что? — переспросила она, но он понял, что она расслышала: ее глаза засияли.

— Выходи за меня замуж.

Она опустила глаза и очень тихо ответила:

— Хорошо.

31 января 1987 года они поженились. В такси, которое везло их в ЗАГС, звучала песня «Две звезды» в исполнении Пугачевой и Кузьмина.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

31 января 1997 года.

«Леночка, сегодня одиннадцать лет, как мы поженились. Я поздравляю тебя. Вот дурачье: расписались, но не обвенчались. Собирались, да все откладывали по разным поводам.

Ох, уж эти яды (химиотерапия. — Н. Р.) То ли глюки, то ли бред. Город то скроется в пурге, то неожиданно засветится огнями. Так метет или у меня время слипается? Я знаю, что любовь ломает и очень сильных людей, не в

пример мне, сводит с ума, загоняет в гроб. Как же вынести потерю любимой? На окнах узоры, которые ты так любила рассматривать».

Сергей Шерстюк был необычным человеком. Штучным творением природы. Трудно перечислить его интеллектуальные погружения в разные области знаний, веры, эмоциональных глубин. Да, он считал, что с помощью интеллекта можно укрощать эмоции, навязывать их себе, переступать через них, испытывая пренебрежение и удовлетворение. Вот что он пишет в «Джазовых импровизациях на тему смерти» 24 февраля 1973 года.

«Не бойся врагов, они — для успокоения совести. Если любить ближнего — зло, следует ли из этого, что ненависть к нему — истинное чувство? — Нет. Ненависть тоже рождает привязанность. Не подпускай к себе никого, будь сторонним наблюдателем — и тогда ты осуществишь то, что желаешь осуществить, иначе растратишь силы и чувства на пустое. Работай, а из всего, что вокруг — только черпай, никого не учи, чтобы не быть похожим на пророка или Учителя. Не создавай никакой школы, знай, что любая идея пагубна, особенно та, что похожа на необходимую, — она породит новую идею и свою смерть».

7 марта 1973 года.

«Сильные люди изживают слабости, первой же слабостью считают любовь. Но изжив ее — теряют в большинстве случаев свою силу. Только любовь следует вместе со временем... Любовь ничтожна, зная, что самое сильное в тебе — ничтожество — и не ужасаться — признак величия. Ибо зная, что это ничтожно — значит действовать, творить, ведь нельзя умереть с ничтожным...»

Он думал, что рожден созерцателем и теоретиком. Что все разложит по фразам, увидит очевидный результат и приобретет жизненный и творческий опыт. Он утверждал, что драка на ул. Горького волнует его больше, чем схватка на ринге. И храбро, т. е. отстраненно, демонстрируя безмятежность и праздное любопытство, описывает, как какой-то старик избивал тростью прохожих, а потом появились какие-то типы, которые восстановили справедливость, избив всех без исключения, в том числе — старика, и сломав его трость.

28 марта 1973 года.

«...я смеюсь над собой и над людьми, а это смешно и не более».

26 апреля 1973 года.

«Мои боги — Акутагава, Достоевский, Вейнингер, Гофман, Гоголь, — как вы находите своего ученика? Мы все твои ученики, единый бог, а я — ученик всех твоих учеников. Я вижу их, когда хочу, а ты видишь всех нас, хочешь ты того или нет. Чего я хочу? Я мастер, но где моя мастерская, бумага, холсты? Моя мастерская — мой разум. Я каюсь сейчас, мои боги. Я хотел отдать свой талант, волю и страсть женщине, забыв о вас. Я каюсь, мои боги, никакая женщина, никто из живых не может принять всего этого, никто, кроме вас».

Он пишет о женщинах, о проблемах с их абортами, чувствуя себя зрителем в цирке, зоопарке, театре — в лучшем случае. Он практически отвергает любовь.

2 июня 1973 года.

«Сейчас около девяти утра. В соседней комнате спит Жрицетка, и мне стыдно, что ночью к ней приходил».

12 июня 1973 года.

«Я создан только для того, чтобы спать с Жрицеткой, я не хочу ничего больше, я не видел ее уже двадцать дней».

3 сентября 1973 года.

«Первое — я порвал с Жрицеткой: кто дал мне силы? Меня хватило на несколько дней, в этом я уверен, в том, что было потом, заслуга другой женщины. Ее заслуга в том, что когда кончились мои силы, я любил уже эту другую женщину. Кстати, они похожи. Это второе».

Сергей Шерстюк играет в слова про любовь. Он еще думает, что женщины похожи. Он еще думает, что одинок и несчастлив. А счастье уже в пути. Оно придет с Еленой Майоровой, оно измучает его, лишит веселого цинизма и отстраненности зрителя. Он разучится спать, когда ее нет дома, он будет ловить каждый ее жест, запоминать каждый вздох. И огромного количества слов, которыми он привык спасаться от всего на свете, развлекать себя и других, — ему не хватит, чтобы она окончательно поверила в безграничность его любви, чтобы она сумела находить в ней приют от всех напастей.

А до того, как он ее узнал, он писал в своих книгах отдельно о людях и отдельно — о женщинах. Чистая дискриминация, если называть вещи своими именами. К которой — в книгах — он, собственно, и стремился, поскольку был экзотичен и хотел шокировать окружающих.

8 октября 1975 года.

«Нужно поскорее написать об О., пока не изгладилось из памяти самое главное, что есть в женщине, — а это то, что она незнакома. Я буду писать в прошедшем времени.

Тогда все мои женщины не могли прочесть время по стрелкам, были лишены мочки уха, были темны и смуглы,

имели нос с горбинкой, никто из них никогда не имел таких губ, как Жрицетка, зато все они были не менее худы, эгоистичны и сварливы. Правда, О. прикрывала сварливость очень чистой одеждой и практичностью, но, зная, как она сонлива, я сразу отгадал, в чем тут дело. Вообще я постоянно был не в своей тарелке, ибо на меня очень быстро взвалили вину за ту болезнь, которой нет названия, и за последующую депрессию, причем взвалили очень грубо — по-женски, сделав всего лишь один ход. Ход такой: «Мама считает, что я заболела из-за тебя». Далее мне делали постоянные замечания в таком роде: «Вот ты такой во всем»... Сегодня О. сказала сама, что лежала без движения 20 дней — из-за меня. Когда я спросил, почему, — не ответила, только сказала упрямо: «Ты будешь смеяться».

Смешным и насмешливым был парнем этот Шерстюк, пока считал себя несчастным. Он так ловил детали — трагические, забавные. Он думал о них. Он о них писал. Вот история не о женщине. О людях. Ничего особенного, но каков сюжет и какие характеры.

25 апреля 1973 года.

«В «Академкниге» возле памятника Долгорукому лежит на прилавке Спенсер. Разглядывающей его женщине какой-то мужчина сказал:

— Спенсера я бы купил, будь у меня уверенность, что я его прочту.

— Кто пишет, не читает, — сказала продавщица.

— Это, кажется, Ренье сказал: я не читатель, я писатель, — сказала женщина.

Тогда старик, разглядывавший монографию Пизанелло, сказал:

— Потому он никудышный писатель.

— На чей вкус, — сказала женщина.

— Часто вкус и эстетическая оценка не совпадают.

— У кого?

— Даже у тех, кто может гордиться вкусом. Даже у гениев. Гений может быть кем угодно, но кто угодно гением — вряд ли.

— А вы кто?

— Я читатель, — сказал старик.

Тогда я громко рассмеялся. Старик улыбнулся, глядя на меня. Ему понравился Пизанелло. Это был Солженицын».

Лена Майорова не просто так то отталкивала его, то догоняла босиком. Ей было понятно — легко не будет. Захочется поплакать на его плече, а он занят таким делом, к которому другой в жизни не догадался бы подступиться: отделяет Бога от религии. Скажешь просто «да» или просто «нет», а он на основании этого уйдет в такое развитие мысли, что забудет о тебе. Но она полюбила, с такой сложной, заоблачной влюбленностью, как у него, еще не встречалась. И решилась. И с каждым днем он менялся от сознания своего богатства — быть с ней. Но они, конечно, были разными: отличница по жизни и вольнодумец всему наперекор. Лена постоянно думала и говорила о своих героинях, как о других, реально существующих и страшно важных для себя людях. Она всегда забывала добавить: Настасья Филипповна, Маша, Сара, Тойбеле — это я, я, я. О чем бы ни размышлял Сергей, он говорил о себе. Небо над головой, земля под ногами постоянно плавилась от его попыток разобраться в самом себе. То ли он гений, то ли ничтожество, то ли труслив и жалок, то ли бесстрашен. Он обладал способностью непрерывно мыслить, понимал, что не похож на большинство людей. И мир постоянно примерял на себя, как новые джинсы. То здорово, то — никуда не годится. И в каждом историческом событии, в каждой загадке природы, в простой семейной ситуации он с детства привык разглядывать со стороны себя. Когда появилась Лена,

он не требовал от нее банальных безумств любви. Он был счастлив, если она тоже видела его на полотне жизни. Выше я уже приводила его записи о том, что он любил, когда она ругала его за бездарность. Значит, думала о нем.

Он привел ее в свой любимый дом: там все было хорошо, все доброжелательны, интеллигентны, порядочны. Но Сергей и в собственном доме привык с детства существовать сам по себе. Более того, он был способен отстраниться от самого себя, перейдя в другую возрастную категорию:

«...В детстве я был эгоистичным, подозрительным, любимое мое занятие было воображать, что родители мои умерли и что я их жалею. Еще я воображал, что остался совершенно один (все это где-то в четырехлетнем возрасте)... Я всегда был несчастен. Это я помню очень отчетливо. Не говоря о том, что меня постоянно мучил страх и что я до определенного возраста не скрывал его от людей. Я скажу одно: где-то лет в десять я неожиданно избавился от страха, — не помню, какие обстоятельства этому способствовали. Исчез страх, а вместе с ним, разумеется, стыд, и я, что называется, покатился по ступеням вниз, прямо к людям...

Оказывается, даже презрение к тебе родителей может дать уверенность в своих силах. Бедные родители!.. Я достиг последней точки отчуждения с родителями...»

Родители, я уверена в этом, совершенно не догадывались об этом раздоре в душе любимого, талантливого сына. И о том, что они вроде бы не очень его устраивают. Как все люди на земле.

Вот попытка системы.

«ПОДВИГИ

Поджег дом, потом сарай. Приехали — ни в чем не признался. Никогда не обходил дворника, хотя в лицо не смотрел.

ЛЮДИ

Непонятные и неприятные. Очень злые всегда. Что-то их мучает. Когда говорю с ними, запинаюсь, путаюсь, всегда потом краснею. Одна девушка, когда я проходил мимо, сказала подружке: симпатичный мальчик. Потом боялся познакомиться ей на глаза. Считал себя уродом. Сейчас не считаю. Я выше многих людей, мой рост: один метр восемьдесят сантиметров. Год назад меня называли дылды, но я завел гантели, штангу, резинки — скоро буду пропорционален.

ДОМ

У нас очень красиво. Полбеседки увито диким виноградом. Есть четыре яблони, пять вишен, две груши, навалом тополей... У меня есть громадный дог Варвар в черных яблоках — он спит на ободранной тахте между двумя окнами, где висят его медали... Мама очень красивая, не толстая, как у всех. У нее очень темные глаза и очень большие, ей не приходится их красить. Но иногда она это делает и становится чуть-чуть чужой, и я удивляюсь, что она меня любит. Мама — мой единственный собеседник. Папа — нет, он всему учит, а о некоторых вещах не говорит. Например, не рассказывает о нашей семье. Один раз сказал, что прадед был просто черт...

ЛЮБОВЬ

Люблю дом и все, что в нем есть, кроме пола в гостиной. Маму я люблю очень, папу — меньше. Папину сестру, свою тетку, я обожаю. Мне всегда весело с ней говорить.

Варвар — мой кумир. Он никогда не ошибается и всегда достигает цели. Ну, может, и ошибается, но только для разнообразия...»

В этом красивом и правильном доме, где вовремя вскапывали грядки и поливали цветы, любили животных, как родственников, в большой генеральской квартире с вечными гостя-

ми и разговорами — «к нам все так и прутся» — было очень много одного человека, его мыслей, его страданий, его рукописей и картин. Он меньше всего был похож на ту самую легендарную каменную стену, за которой хочется укрыться от жизненных трудностей любой женщине, даже той, которая в миллионы раз менее ранима, чем Лена Майорова. Но когда он именно Лене сказал: «Выходи за меня замуж», она улыбнулась и тихо ответила: «Хорошо».

Я путаюсь в ворохе написанных им книг, обилии слов, предположений, догадок, вывернутых наизнанку догм, в спорах ума и сердца, в нелепостях, ограненных, как мудрость, и в настоящих открытиях между делом, между двумя анекдотами, между страшными снами и воспоминаниями о похожих и ненужных женщинах. Это невероятно: наиболее чистая, логичная, точная проза Шерстюка — это его некролог, посвященный ей и самому себе. Последний дневник — это литература, над страницами которой прослезился бы Шекспир. Он писал это после похорон Лены, после собственной операции, наутро после сеанса химиотерапии. Какой ясный, непобедимый разум. Но эти страшные размышления о своей вине в ситуации, когда уже нет необходимости сказать что-то просто так. Когда в собственную могилу заглядываешь, как в ее. Он ведь тоже ошибался только для разнообразия, как дог Варвар. Так страшна его судьба, что трудно выразить эту мысль. Но, скорее всего, эта вина была. Лена любила его, вела хозяйство, заботилась о нем, как о муже и ребенке, но в своих несчастьях она была одинока. Самый близкий человек все-таки сидел в партере и восхищался. Или обижался. Или сознательно прятался от решения проблем. Он нашел женщину, не похожую ни на кого! Его глаза художника видели в ней совершенство, которому трагизм личности, обстоятельств придавал ту самую неотразимость, без которой он не захочет жить. Но просто вникнуть в ее проблемы? Просто помочь? Это мог бы, наверное, другой человек, которого Лена не встретила.

ГЛАВА 12

Через два месяца после смерти жены Сергей Шерстюк скажет кому-то из журналистов, и это опубликуют десятки газет: «Да, она не ходила на репетиции и находилась в жутком состоянии. Я почувствовал, что происходит что-то ненормальное, но слишком поздно сообразил, что это чума». И уехал на дачу. Естественно, она не пыталась и не хотела его задержать. Не из-за гордости. Для нее это уже просто не имело смысла. Это не она подошла к пропасти, это пропасть приблизилась к ней. Если она не ходила на репетиции, значит, не могла дышать. «От страха жить и от предчувствия кончины». А рядом все время находился самый близкий человек. Он пил с ней чай, спал на одной кровати, она слышала его дыхание. Он все заметил, она знала, что он всегда все замечает. Просто он решил, что все обойдется без его вмешательства. Какое чудовищное недоразумение. Она не знала, что он вскоре смертью докажет свою преданность ей, он поздно сообразил, что это «чума».

Что бы Елена ни делала, как бы не выглядела, для Сергея она всегда была лучшей из женщин, любимой женой, желанной любовницей, музой и моделью художника. Она любила его любовь, ценила ум и талант, некоторые из его картин нравились ей гораздо больше, чем ему. Когда он продал одну из них, она страшно расстроилась. Два таких независимых человека были очень зависимы друг от друга. Он ввел ее в богемный мир Москвы, познакомил с интересными людьми, он, конечно, причастен к тому, что она как личность становилась все изысканнее и сложнее. Я просматривала «Светскую хронику» 90-х. Там встречаются такие фразы: «На выставке (пре-

зентации и т.п.) присутствовал известный художник Сергей Шерстюк со своей обворожительной женой Еленой Майоровой — примой МХАТа». Его картины быстрее и дороже продавались на Западе, чем у нас. Ему и работалось лучше в других странах и жилось бы проще. Например, в Америке. Но он знал, что это исключено по одной причине: Лена должна играть и сниматься в России. Где и как ей начинать все с нуля?

Она не только позировала ему. Она помогала ему найти мысль, войти в образ для очередной работы. В его «Книге картин» есть такое воспоминание. Они были в Америке, он просто боролся со своим полотном, что-то главное распадалось, ускользало. И тогда она ему сказала: «Мы сейчас одни. Не только в этой квартире. Мы во всем доме одни. Можешь пройти по всем балконам, забраться на крышу...» Она, как хороший режиссер, вела его к нужному настроению. Весь мир — твой. Картина получилась.

Но иногда она искала в нем «положительные качества», как пионерка-отличница, и впадала в отчаяние, если чего-то не обнаруживала. Он с горечью вспоминал смешной, в общем-то, случай. Они были на Сахалине, гуляли по парку, наткнулись на грибы. Катались на всех аттракционах. Наконец, дошли до качелей в виде лодок, которые надо раскачивать и затем крутить «солнце». «Так вот, раскачивая качели, мы восторженно кричали: «Давай! Ну давай!» Вот мы уже взлетели выше переладины, за которую крепилась наша лодка, вот еще поднажать чуть-чуть — и мы замрем над землей вверх ногами, чтобы, завалившись вниз и поднажав еще чуть-чуть, закрутить наконец-то «солнце». И вдруг ноги у меня подкашиваются, я сползаю к сиденьям и кричу: «Не-е-ет!» — «Почему?» — «Не-е-ет!» — кричу Лене и вижу, что ничего не вижу: ее изумления, сменяющегося отчаянием, потом отвращением, — и понимаю, что ничего не понимаю: своего страха — за нас ведь! — сменяющегося пустотой и желанием спать. Мы спускаемся на землю, бредем по аллее, я хочу спать и слышу:

«Ты трус, Шерстюк, какой же ты трус, а ведь осталось чуть-чуть, эх...» Я бормочу: «Я с любого камня в море прыгаю, я на турнике солнце кручу...» — «Помолчи».

Ты никогда не могла мне этого простить, чаще смеялась, но иногда обхватывала лицо руками и говорила: «Я никогда тебе этого не прощу, ну как же ты мог так струсить? Ты трус, Шерстюк».

Конечно, если подумать, то эта история — тоже о том, как они любили друг друга. Он так страдал из-за того, что не оправдал ее надежд на этих качелях. Она по-настоящему переживала из-за того, что он не самый храбрый на свете. Ей хотелось, чтобы он во всем был лучше всех.

Сергей не зря так болезненно воспринял тот случай. Пройдет немало лет, и не только он — мы все содрогнемся от страха и боли. Такой бесстрашной окажется Лена Майорова.

Маша из «Трех сестер» — самый сложный, противоречивый персонаж в пьесе. Интеллигентная и прекрасная, как все лучшие чеховские женщины, она не слишком терпеливая, совсем не кроткая, она ропщет из-за того, что судьба выдает ей крохи счастья, как нищенке на паперти. Ефремов правильно выбрал актрису на эту роль — Майорову. Именно она могла сыграть совершенно другую Машу, какой еще не видела сцена МХАТа. Но работа превратилась в пытку. Ефремов со своей отвергнутой рукой и таким же сердцем орал на Лену, грозился снять с роли. Она чувствовала себя загнанной. «И уже в себя не верила», — это ее слова. Сексопатолог может подтвердить: если отвергнутый мужчина постоянно находится рядом с объектом своих желаний, он стремится к возбужденным, нервным отношениям. Это его компенсация, иногда почти полноценная. Тем более в контакте режиссер — актриса, в котором вся власть у одного. У Елены Майоровой было свое прочтение образа, Ефремов требовал другого: «К себе, к себе и познавай характер. Она резкая, грубая, она и врезать может». Лена кричала, что это хамство. Он в ответ: «Это вы

хамы, вы!» В результате выиграл театр. Маша — Майорова, уставшая от несправедливости и унижений, не прятала ни свою запретную страсть к женатому человеку, ни свою трагедию, раздавившую обычную женскую жизнь. Она стонала, как от ран, расставаясь с Вершининым. Она говорила низким, хриловатым голосом, в котором, конечно, не было ни резкости, ни грубости. Она была предельно откровенной. Не в роли. Не в позе. Это кровоточило отчаяние гордой женщины. Женщины, которая не видела ни света, ни выхода. Людмила Петрушевская написала, что Маша — лучшая роль Майоровой. А эта писательница знает, что это такое — прожить чужую трагедию, как свою. Это был успех, но такая честная и страстная актриса, как Елена Майорова, пришла бы к нему и нормальным путем. Для того чтобы хорошая актриса сыграла трагическую роль, ее в принципе не нужно сознательно доводить до отчаяния на каждой репетиции. Говорили, что Лену Майорову пугала необходимость в следующем сезоне вернуться к роли Маши. То есть были вещи, которых и она боялась. Причем, как оказалось, больше смерти.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

27 января 1997 года.

«...Тихонечко листал на больничной койке газету, нытаюсь...

МХАТ им. Чехова... 24 — «Тойбеле и ее демон» И. Зингера. Вместо Елены Майоровой, трагически ушедшей из жизни, эту ее звездную роль превосходно играет Оксана Мысина.

Театр им. МОССОВЕТА... 25 — «Милый друг»...

Я понимаю, что хочу или другое читать: «Идите на звезду Елену Майорову», или ничего не читать, ну чтоб газеты

об этих двух театрах вообще никогда не упоминали. Я когда по двору своему иду, так вроде и не знаю, что вот он, Театр им. Моссовета. Театры — убийцы? Не-е-ет. Это уж я скорее. А могу ведь и так: я. А театры — скорее врачи: могут залечить, зарезать, но и вылечить, надежду дать; я не знаю, кому так было больно в театре, но кто еще так по-детски любил театр, как Леночка?»

Если пойти по пути размышлений Сергея Шерстюка, можно, наверное, так подытожить. Она любила театр, что причиняло ей сильную боль. Было немало людей, которые доводили эту ее боль до крайности. Кто скажет, выживает ли в таком случае любовь? Вот она и выбрала боль без любви. «Я — артистка». Вряд ли она представляла себе, что любимый и любящий человек легко назовет себя убийцей.

Кошмар, конечно. За два месяца до смерти Лена Майорова даст последнее интервью в гостиную Ксении Лариной из «Эхо Москвы»:

«— Кто помогает тебе жить этой жизнью?

— Да. У меня муж есть, очень хороший. Сереженька Шерстюк. Он, наверное, сейчас слушает меня. Он художник. Не был бы он художником...

— Два сумасшедших...

— Ну, конечно. Мы оба... я тоже художник в большом смысле слова, так что мы оба сумасшедшенькие, конечно. Иногда кто-то трезвее, кто-то опьяняется больше. Но в принципе как-то взаимозаменяемы, помогаем друг другу, стараемся, что ж делать».

Знала ли она в тот момент на самом деле, что делать? Повторюсь: криминалисты и психологи считают, что такой вариант ухода мог быть только спланированным заранее.

ГЛАВА 13

У них не могло быть детей. Многие вспоминают сейчас, что Елену совсем не волновала эта проблема. На самом деле она ощущала свою бездетность как ущербность. Иногда даже говорила, что чувствует себя «неженщиной». Известно, по крайней мере, два случая, когда она рассказывала, что у нее есть сын. Значит, страдала. Значит, не складывалась у нее теория полноценной жизни. Она рассказывала о том, чего нет, в какие-то лихие минуты, потому что устала постоянно говорить правду самой себе. И слышать от самой себя: «Садись. Два».

Татьяна Васильева вспоминает, что однажды в аэропорту Лена говорила о том, что страдает из-за своей бездетности. Муж, конечно, в этом смысле очень деликатен, а свекровь, бывало, попрекала ее отсутствием детей. Когда она увидела сына Сергея Никиту, в ней появилась надежда на то, что он станет и ее сыном. Но он держал между ними дистанцию. Наверное, сначала ревновал отца. В детях тоже живут и недоброжелательность, и зависть, и дефицит сочувствия к другому человеку, который просто на открытой ладони протягивает тебе любовь, которую ты вовсе не заслужил.

В фильме «Последняя весна» держат в кадре листочек бумаги, исписанный красивым женским почерком. Это «Материнская молитва», которую нашли в бумагах Елены Майоровой после ее смерти. Там написано: «Помоги моему дитю — безгрешной душе, безответной душе — ангелу Никите». Объект этих душераздирающих слов принимал участие в фильме. Взрослый человек, явно не унаследовавший ни обаяния, ни ума отца и, похоже, по-прежнему считающий,

что отец чего-то его лишил, полюбив Лену. Такую ревность можно понять в ребенке. Сергей так откровенно любил Лену больше всех — больше родителей, сына, самого себя. Но взрослый человек, после такой трагедии... Никита Шерстюк произнес какой-то серый, суконный текст, что-то типа: а почему я должен был считать родным человеком постороннюю женщину? Как будто от него что-то требовалось. Или тоже мучает зародыш вины, страх? Он видел Елену последним до трагедии. Сидит перед камерой и рассуждает абсолютно безразлично: «У меня в то утро было состояние хуже, чем у нее». Чем утетишь такого человека? Зато потом тебе было лучше.

Кошки с человеческими именами, которых Елена Майорова считала своими детьми, никакая не замена. Они были бы в любом случае. Ей хотелось любить и спасать всех слабых, нежных, беззащитных. Как и Сергею.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

1 декабря 1997 года.

«О, счастье: грибы и велосипед, ужин за твоим красным столом, наши потрепанные старые карты для непременного «козла» (с кем я еще буду играть в «козла» так?) А как нас в грозу чуть не убила молния, с каким визгом мы мчались на велосипедах в непроглядной воде, переодевались, сушились, валялись на нашей кровати, читали, обнимались, выползали в мокрый сад, уходили в резиновых сапогах в лес — грибы, грибы. Я могу вспомнить и дурное: как Дуся поймала птичку и садистски мучила, пока ты не вырвала ее, еще живую, и мы не знали, что с ней делать, как лечить, и я, взяв ее в ладошку (а вот не помню породу, щегол, что ли?), а потом искал домик-пень, нашел, завалил вход листвой и пошел домой. Дома ты сказала: «Ты знаешь, она все равно умрет. В ранке заведутся черви, я еще в детстве видела, как они заводятся в ранках у птиц,

потом они умирают». «Ну, а вдруг выживет?» — сказал я. «Нет, Сережа, не обманывай себя. Лучше бы ее Дуська сожрала».

Не знаю, что случилось с птичкой, но Лена умерла. Очень вскоре. Надо бы поточнее вспомнить, спросить, что ли, у мамы. Через несколько дней или недель? Дождя не было, когда Лена приехала на дачу 16 августа, и не было позже, стало быть, птичка была раньше, за несколько недель. О, Господи, подумал бы я своей головой. У Жолобова перед смертью мамы тоже на дачу залетела какая-то птица. А тут Дуся принесла».

Лена не дождалась своего кинорежиссера с настоящей ролью, который использовал бы все ее возможности не просто полноценной, но редкой женщины. Открытой для любви, страстной, порывистой, глубоко страдающей, предельно откровенной и стеснительной. Все это стало предметом манипуляций плохого экспериментатора — Пьянковой — и привело к трагическим последствиям. Но она снималась и у хороших, очень хороших режиссеров, в хороших картинах. Просто перестала верить в то, что займет свое место в кино. Стала небезосновательно сомневаться в будущем нашего кино. Вот выдержка из интервью 1993 года:

«— Лена, давайте немного о кино поговорим.

— А, в кино ерунда все. Я уже два года не снимаюсь, все казалось, надо подождать какой-то серьезной роли. Мой последний фильм — «Затерянный в Сибири» Александра Митты — практически никто не видел. Да и вообще, фильмы не выходят, а ты столько сил, энергии тратишь, отрываешь время от театра. А в результате это никому не нужно».

Серьезный фильм Александра Митты «Затерянный в Сибири», где у Елены Майоровой отличная роль, вышел

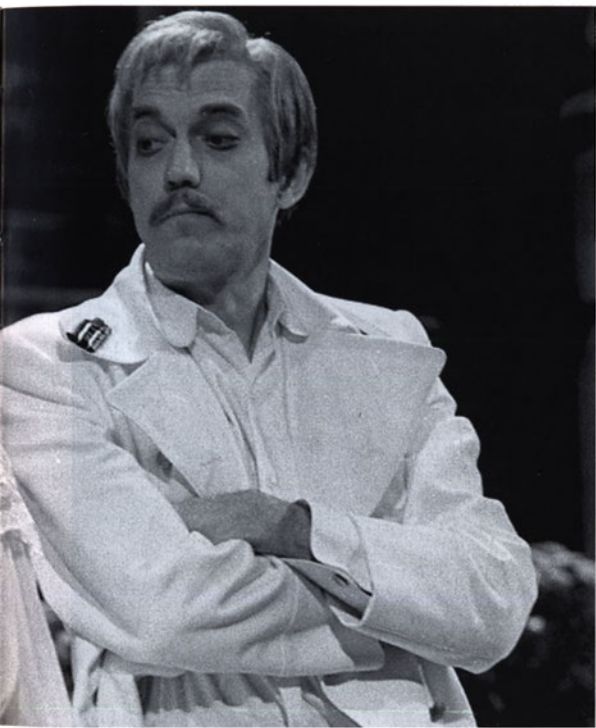
в 1991 году. О нем — обязательно скажу чуть позже. В это трудно поверить, но своего часа, обильного спроса и предложения он дождался только сейчас. Интернет забит сайтами, предлагающими скачать фильм, посмотреть фрагменты, снимки этой картины. Все, кому не лень, торгуют DVD «Затерянного в Сибири». Цены растут. А в качестве главного «крючка» для покупателей — кадры с обнаженной Еленой Майоровой. Реклама выглядит так: «Эротическое видео с Еленой Майоровой», «Эротические снимки Елены Майоровой», «Голая Елена Майорова».

Эти кадры и снимки можно спокойно показывать детям. Сергей Шерстюк, разумеется, был прав: чище и духовнее женщины, чем Елена Майорова, не придумаешь. Она очень нежная и красивая. Девичья грудь, руки, целомудренно прижатые к телу, как крылья пойманной птички, стройные ноги. И лицо! Такое правильное, светлое и печальное лицо богини. Но посмотреть эти кадры непросто. Надо иметь терпение и побороть лезущую на эти сайты рекламу другого плана. Уродливые порнографические ролики с именами и телефонами сутенеров и проституток, фотографии голых и полуголых ныне здравствующих актрис (извините за выражение), певиц, телеведущих — во всем безобразии их похабных поз, с этими жуткими силиконами и бессмысленными масками над ними. По сравнению с такими лицами рожицы матрешек с Арбата — почти лики святых. Есть даже «Хреновый сайт» (он так называется, думаю, авторы в полном восторге от своей фантазии), который привлекает пользователей снимками Елены Майоровой из «Затерянного в Сибири». А эти снимки должны висеть на какой-то хорошей выставке, ими должны любоваться нормальные люди. Я пробежалась по этому базару одного товара со всякой пакостью в нагрузку и вышла, как из нечистого подвала. Мне показалось, что ее по-прежнему терзают, не оставляют в покое. Ну, почему Лене Майоровой не везет даже после смерти?

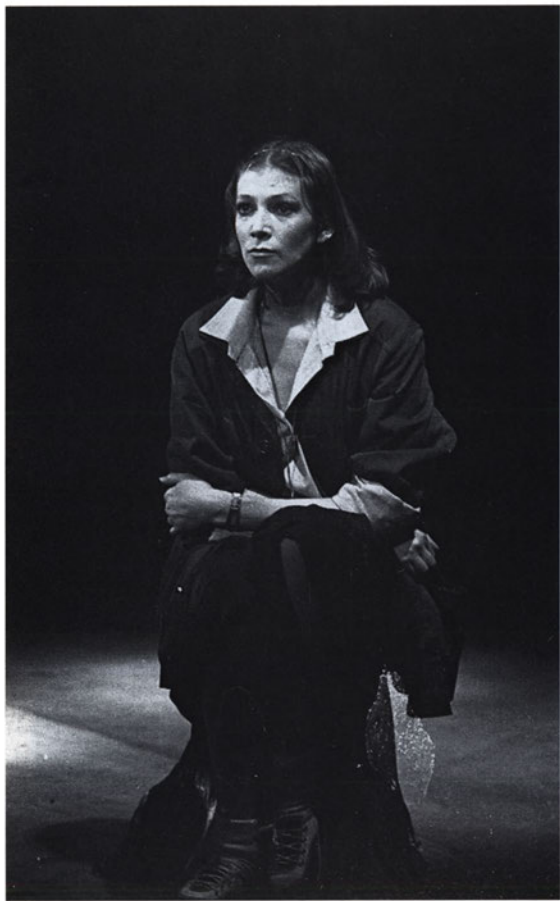

Елена Майорова. 1980-е гг.

*«Варвары». Анна Федоровна — Елена Майорова,
Монахов — Евгений Киндинов. 1989 г.*

«Чокнутая Зинуля». Зина – Елена Майорова. 1986 г.

«Дядя Ваня». Елена Андреевна — Елена Майорова. 1990 г.

*«Амадей». Сальери — Олег Табаков,
Констанция — Елена Майорова. 1983 г.*

«Варвары». Анна — Елена Майрова. 1989 г.

«Тамара». Нина — Елена Майорова. 1986 г.

Елена Майорова и Татьяна Догилева. Париж. 1994 г.

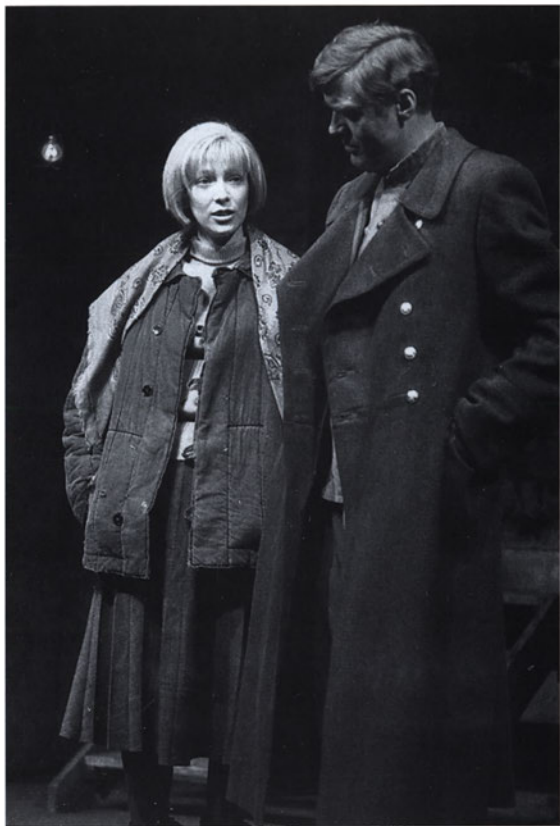
«Трагики и комедианты». Элеонора — Елена Майорова. 1991 г.

С коллегами на Елисейских полях. 1994 г.

Путешествие по Европе. 1994 г.

*«Олень и шалашовка». Люба Негневицкая — Елена Майорова,
Родион Немов — Борис Щербаков. 1993 г.*

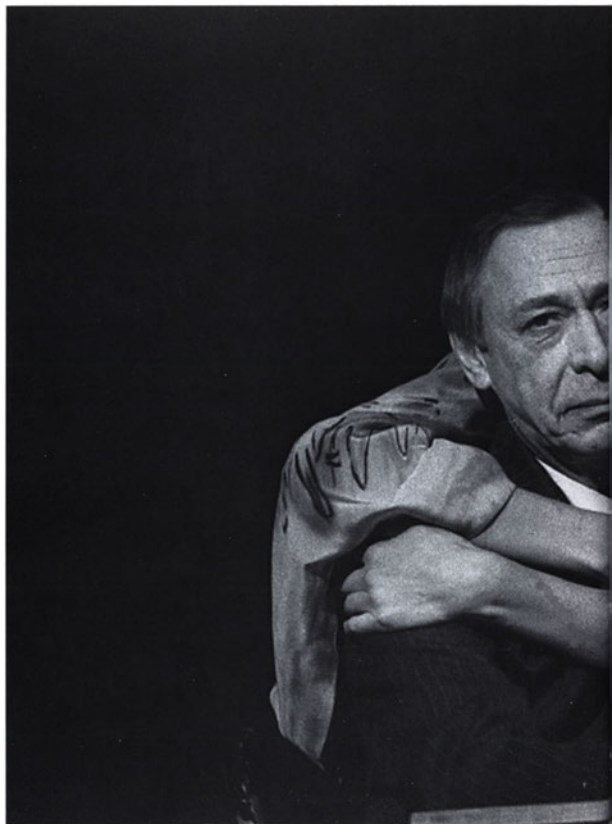
Путешествие по Европе. 1994 г.

Париж. 1994 г.

*«Трагики и комедианты». Элеонора — Елена Майорова,
Мокин — Вячеслав Невинный. 1991 г.*

*«Перламутровая Зинаида». Аладьин — Олег Ефремов,
Сюзанна — Елена Майорова. 1987 г.*

*«Тойбеле и ее демон». Алхонон — С. В. Шкаликов,
Тойбеле — Елена Майорова. 1995 г.*

Впрочем, есть люди, которые смотрят именно фильм, оставляют хорошие отзывы, оценивают работу режиссера, оператора, актеров, в частности — Елены Майоровой. Высоко оценивают. Например: «Посмотрите этот фильм. Это до сих пор скрываемый шедевр. Он заслуживает «Оскара». «Майорова — женщина ох...ной красоты» (ну пусть такое выражение высшего восторга). Кстати, кадры с обнаженной Майоровой так здорово смотрятся сейчас, в море обнаженной натуры, потому что в них есть что-то, исчезнувшее, как Атлантида. Вкус режиссера и оператора, ум и чувство актрисы, а главное, возможно, ее женская стеснительность, о которой говорят многие, в том числе она сама.

А, собственно, почему я подумала о том, что ей до сих пор не везет? Она ведь их победила, этих, из всех сил раздевающих, теряющих от спешки силиконы, не способных в простоте слова сказать перед камерой. И как легко она это сделала. Как настоящая женщина, как редкая актриса.

Шерстюк писал ее в своих картинах и потом записывал свои мысли и чувства в «Книге картин»:

«Олимпия», холст, акрил, 1990 год.

«Олимпия — это моя жена. Я писал картину и хотел ее. Она находилась в другом полушарии и была победительницей над земной страстью — она была нереальна, поскольку находилась в картине и обретала плоть в моем воображении...»

«Спящая Флора П», холст, акрил, 1991 г.

«Лежит голая женщина на ковре, а где лежит ковер — неизвестно. А кто эта женщина? Это Лена, моя жена, на корейском ковре в г. Нью-Йорк».

«Русское танго», холст, акрил, 1990 г.

«Базиль в форме генерала, зеленой, как игорный стол. Лена в красном, почти пурпурном».

Посмотрите эти картины, и вы поймете, почему именно художник полюбил роковую женщину — Елену Майорову. Серия «Маски» — самый изысканный, психологически сложный проект художника. Причем эти сложность, глубина, напряженность и драматизм связаны с тем, что Шерстюк не просто передает фотографическое сходство с натурщицей. Он схватил ее взгляд, настроение, мысль. Кажется, если смотреть долго и пытливо, она что-то скажет, даст знак. Это удивительные работы. Некоторых они шокировали. Дело в том, что на лице Лены — лепестки роз («Маска купавы»), нарциссы («Нарцисс»). Кто-то из гостей дома сказал: «Какой ужас. Кажется, что у нее кожа сползает». Не знаю, как это могло показаться при жизни Елены — красивая женщина, цветы на ее лице. Но после такой гибели картины стали производить действительно тяжелое впечатление. Как будто и Сергея этот вечный провокатор — талант — заставлял заглядывать туда, куда он по своей воле ни за что бы не заглянул. «Мы с тобой ничего не должны были знать о смерти».

ГЛАВА 14

Но им дано было знать слишком многое. И о смерти тоже. Когда он остался один и все время вглядывался в нее, как будто она сидела напротив, — он дождался. Она с ним заговорила.

19 февраля, первый час ночи.

«Все дальше наша жизнь от нас. Любимая Леночка, сядь напротив меня, ясноглазая, и спроси: «Сережа, что с тобой?» Спроси: «Почему тебе все хуже и хуже, почему день ото дня ты все слабее и слабее, почему тебя не радует снег за окном, дом напротив? Я знаю, что ты присядешь где-нибудь на лавочке — на Патриарших прудах, в центральном парке, на Страстном, на диванчике в мастерской — и разговариваешь со мной. Я завидую этой твоей привычке говорить со мной, едва расставшись; тебе удастся, потому что ты художник; я же актриса, вынужденная говорить со всем театром. Я актриса, ты художник. Все удивлялись, почему ты так мало меня рисуешь, не только актеры, но и твои друзья-художники. Помнишь, что сказал Леша Сундуков, впервые меня увидев?

«Сережа, ты должен рисовать ее каждый день, причем в полный рост. Да-да, тебе больше ничего не надо. Все художники мучаются, что рисовать, а у тебя уже все есть — такое бывает раз в тысячу лет». Ну, что, приятно было выслушивать комплименты от друзей-художников? А ведь это были не одни комплименты, а пожелания. Ты слушался? Ты никого не слушал. Теперь жалеешь, я знаю. Ты поправляйся, а о том не жалея — я всегда с тобой, еще нари-

суешь. Я ведь тебе была дана как данность, я ведь тебе говорила: я тебе дана, и другой тебе не надо, но я не твоя, я тебе дана навсегда, но на время. Ты не понимал, что я говорила. Я не твоя, — говорила я, — я твоя жена, я тебе верна, я тебя люблю, иногда очень-очень, иногда забываю, иногда не люблю, когда ты превращаешься в генеральского сына, еще хуже — в «сапога» и ханжу, но всегда — всегда я очень люблю твою душу. А ты о моей так часто забываешь — не возражай, я знаю, — часто и надолго.

Ты всегда думал, что я навсегда — вот здесь, где мы живем и хлопаем дверьми, ты и не выросл потому, что я — навсегда, ты одного боялся — умереть раньше меня. Потому чуть что — укутывался одеялами, хныкал, требовал, чтобы я непременно закопала тебя в землю, поставила деревянный крест, а картины долго не продавала. И половину всего — Никите. И пусть Макс издаст твои дневники — для того и пишу, говорил, чтоб подскочили цены. Ты говорил: тогда я всех обеспечу.

Бедный Сережка, что было в твоей голове? Когда ты так боялся смерти, ты совсем забывал обо мне, но требовал: сядь рядом, дай руку, не уходи, положи руку на сердце. Ты любил смотреть мне в глаза, но именно тогда, когда это было необходимо, как жизнь, ты смотрел в потолок, в пол, морщился, а у меня сердце разрывалось, и я думала, что всем обуза, нелюдь, попала к вам, людям, случайно. Когда я говорила «вы», — ты морщился (это тот, кто меня любит!) и мечтал об одном: скрыться, убежать, забиться в угол, пока не пройдет. А ведь я ждала, чтобы ты только погладил меня, не обнял, нет, а только погладил волосы.

Я не оказалась «железной леди», какую ты меня хотел сделать для людей, — ты учил меня быть ею, но не скрывал, как тебе эти леди противны. Ты учил меня — такую беспомощную — социальной паранойе. Ты ничего не понимал: ты гордился тем, что я никогда не вру, но учил

врать. «Этим посторонним людям — ни слова правды, — учил ты, — хватит с них «Золушки с Сахалина». Посмотри на себя, всех действующих принцесс и королей можно отправить в ПТУ, я сделаю из тебя сразу трех идолов: сексуального, духовного и душевного».

Благо ты все вскоре забывал. Утром мы улыбались и смотрели друг другу в глаза. «В конце концов, — это говорила я, — мы просто любим друг друга». В пятницу я сказала тебе: «Мы творим ужасные вещи, но мы ведь люди хорошие и любим друг друга». Эх, зачем ты уехал в пятницу по своим делам?

Я взгрустнула сейчас, Сереженька, как земная, прости меня, все было, как было».

Да, родная моя, все случилось не так — да ведь и не дано знать! Ты не похоронила меня, крест деревянный не поставила. Я слабею — натурально — без всяких «ой-ой-ой».

Он так ее знал, он так страдал в ее отсутствие, места себе не находил. Он так чувствовал, когда она не в театре, не на съемке, что кажется: после смерти она не могла исчезнуть совсем. Она стала им. И именно так она бы сказала, пожалела его Оттуда.

Вообще-то их брак не был бездетным. У него была дочь — Лена, у нее сын — Сереженька. Удивительно даже не то, что они умерли практически вместе. Удивительно, что они нашли друг друга. Другой вопрос, что спасательным кругом, службами «01», «03», «911» они друг для друга не стали.

Все эти розовые слюни о «Золушке с Сахалина», покоровшей МХАТ, генеральского сына, который по счастливому стечению обстоятельств оказался еще и известным художником, о райской жизни в большой квартире на Тверской, — это всего лишь однодневные радости журналистов, чья участь — погоня за складными деталями чужих судеб. Но они не имели ничего общего с жизнью Майоровой и Шерстюка, с жизнью недодав-

ленной интеллигенции 90-х. Они, состоявшиеся мастера, пробирались сквозь эти родные препятствия для слишком умных, сквозь тяжелый быт, периоды полного безденежья, сквозь проблемы со здоровьем. Это ведь очевидное и невероятное: Россия то впадает в рабство, то освобождается, то она в блокаде, то в богатстве, но медицины для людей здесь никогда не было и, похоже, не будет. Недавно кардиохирург Лео Бокерия сказал, что таких физически запущенных людей, как у нас, можно встретить только в Африке. Это совпало с заявлением американской разведки о том, что в России — самые больные люди. У нас всегда были великие врачи и великие медицинские открытия, но это не имело отношения к системе заботы о людях, как в цивилизованных странах. Известная актриса, известный художник — семья известного генерала ПВО — жили и работали на износ. Она, простуженная, со своими слабыми легкими и последствиями туберкулеза в любом состоянии выходила на сцену, на съемочную площадку, как воин, защищающий родину. Только без надежды на передышку после победы. Лена настраивала свои нервы на страдания многих, но дать им команду «отбой» со временем было просто невозможно. «Вот кончилась репетиция — и все, я теперь — Лена Майорова. Нет. Я, как сумасшедшая, я иду, и повторяю, и играю, и хочу понять, и даже произвожу впечатление какой-то идиотки. Когда я иду домой 15 минут по Тверской и бормочу что-то себе под нос. А с другой стороны, это мой способ жизни. И я даже не мыслю, как иначе». И он не мыслил, как иначе: как спать по ночам, как не думать обо всем на свете, как не терзаться постоянно по собственному поводу, из-за Лены, из-за искусства. «Эх, Канары! Родина, дай поспать! Тебя не выбирают, какая есть, такую люблю. Чтобы поспать, надо уезжать за пределы? От бодрствования ведь проку никакого — ни мне, ни родине. Когда не спишь, стало быть, о чем-то думаешь, а когда думаешь, обязательно ухудитесь что-то и в так плохом».

Они дали занятие астрологам: те заполняют страницы Интернета, чтобы получилось, будто такая парная смерть Майоровой — Шерстюка была написана у них на роду. В эти заморочки, конечно, просто так не въедешь, да, собственно, и не нужно. Это самодостаточные занятия, не требующие ни аудитории, ни, как мне кажется, повода. Но есть и другие, более яркие теории. Скажем, теория того, что Майорова — Шерстюк стали жертвами дистанционного психофизического воздействия. То есть я так поняла: существуют конкретные злодеи, обладающие техникой подобного воздействия, и они ею пользуются по своему усмотрению. Честно скажу: до конца я не дочитала, возможно, там речь идет о каком-то глобальном плане уничтожения ярких личностей. Читается это все, как сценарий ужасика, выглядит, как бред, скорее всего, именно им и является. И все же это нельзя отвергнуть совсем. Актеры несомненно подвергаются психофизическому воздействию публики, прессы, этой больной массы фанатов. Многие способны закрыться от эмоций, бьющих струей из зрительного зала, некоторые просто не настолько открываются, чтобы это почувствовать. Для Елены Майоровой было проблемой сняться в обнаженном виде, но выйти на публику с абсолютно незащищенной душой, обнаженными нервами, рвать свое сердце перед незнакомыми, перед всякими людьми — для нее было «способом жизни».

Не таким уж бредовым было предположение Олега Василькова о том, что Лену убил какой-то маньяк. Конкретного маньяка, конечно, не было, но маниакальных эмоций, действующих на нее, было достаточно.

Недавно произошла трагедия, которая похожа на очередное чудовищное совпадение. Актрису телесериала Александра Митты «Лебединый рай» Ольгу Бритову заживо сжег в костре бывший возлюбленный.

Открыт и слишком близко расположен по отношению к театрам был дом Шерстюков. Когда знакомым хотелось зре-

лиц, они шли туда косяком. Лена и Сергей ничего не скрывали: ни любви, ни скандалов. Кто-то из гостей снимал на видео их домашние вечеринки, а теперь это видео продается по Интернету. То, что чужие эмоции, зависть, любопытство и все такое, что может у кого-то дойти до извращения и страсти, — влияют на объект, подтвердит любой психотерапевт. То есть они были настолько творческими людьми, что мучились бы поиском выражений даже в полностью замкнутом пространстве. Просто в таком пространстве они могли бы и очиститься. Но Лена была актриса — она работала для публики. Сергей был художник и муж актрисы. Его интересовали не только критики и приобретатели картин, но и публика Лены. Перед публикой они были беззащитны.

Это почти невероятно, но до сих пор публика открывает для себя актрису Елену Майорову и оценивает то, что произошло с ней. Новые люди смотрят, подчас случайно, фильмы с ее участием, узнают о ее судьбе и, надо сказать, реагируют так же потрясенно, как двенадцать лет назад.

«Красиво ушла, черт побери!» — написал один участник форума.

ГЛАВА 15

Елена Майорова родилась 30 мая 1958 года.

В этот день православная церковь почитает преподобную Евфросинью, в миру Евдокию, великую княгиню Московскую... Родившимся в этот день дана способность заговаривать дождь. Им следует носить нефрит и бирюзу.

30 мая католическая церковь сожгла чешского религиозного реформатора Иеронима Пражского. В Руане сожгли на костре Жанну д'Арк. В этот день родились Вольтер и Фаберже.

В 1958 году родились Сергей Маковецкий, Александр Невзоров, Мадонна, Майкл Джексон, Александр Малинин, Ирина Отиева, другие известные, талантливые, в принципе молодые еще люди.

Моя подруга как-то сказала: «Очень многие люди пережили более тяжелые времена, чем Майорова, они тоже страдали, но они же не уходили так страшно, как она, они не поступали так жестоко по отношению к близким». Конечно, это вопрос: может ли человек, столь беспощадно решивший свою участь, пожалеть близких? Еще более сложный вопрос: если смерть хватает человека за горло, подсовывает ему спички и керосин, оставляет ли она ему выбор? И вообще: как можно измерить количество сложностей человеческих судеб? Точно не с помощью весов и не путем подсчета бед по пальцам. Кого-то сложности лишь закаляют, кто-то способен тянуть лямку по инерции, а Майорова... «Ты была живая рана, девочка без кожи...».

Один из друзей сказал о Майоровой и Шерстюке так: «Люди чести во времена бесчестия». Кама Гинкас сказал о Лене: «Ее оголтелая честность».

Олег Головин написал жесткий некролог на смерть актрисы: «Страшная смерть. Нелепая смерть. Неожиданная смерть... Но почему она так легко вписывается в целую кавалькаду смертей?.. Я не собираюсь утверждать, что прекрасная актриса МХАТа Елена Владимировна Майорова устроила самосожжение в знак протеста против режима... Но то, что ей обрыдло жить и работать в такой криминально-уголовной, бездуховной, продажной обстановке, она утверждала в последнем интервью, в разговорах с Олегом Ефремовым и в письмах к больному отцу на Сахалин. Если все — на продажу, то вот и получайте от меня! И жирная огненная точка... Глупо спрашивать: зачем актрисы сжигают себя? Когда актрису отлучают от высокого искусства и бросают в грязный мир нынешней России, они тоже делают свой героический выбор.

Земля тебе пухом, Елена Владимировна Майорова. Ты отомстила этому грязному, продажному миру за всех своих героинь. Это твой личный подарок к столетию МХАТа, и с ним придется считаться твоему художественному руководителю Олегу Ефремову!».

Андрей Жуков после смерти Шерстюка назвал генеральскую квартиру — «Голгофа на Тверской». Смысл его статьи в том, что лучшие люди принимают на себя боль многих и за всех пытаются очиститься. «Путь каждого христианина к обретению Рая обязательно лежит через Голгофу».

Да, они были верующими по сути. Не из тех, кто лоб расшибает, чтоб замолить настоящие и будущие грехи. У них была прозрачная совесть и очень личное чувство ответственности за все, что происходит вокруг. Сергей считал себя повинным в бандитском убийстве царской семьи. Лене было противно сниматься только за деньги. Иногда снималась в не нужном никому фильме, а копеечный гонорар пускала на

пропой съемочной группы. Конечно, в ее уходе не было политического мотива, который потом найдут многие. Просто она испытывала страшный дискомфорт в душной и бездушной темноте 90-х. Оттуда, как опарыши, выползут будущие олигархи, а сколько красивых, чистых, талантливых людей сознательно не захотят встретиться с грядущим веком, рожки которого были видны еще в том болоте. Именно тогда акушеры иногда слышали первые вопли не детей, а будущих «менеджеров» и «бизнесменов». Тех, которые впоследствии отравят родную маму или бабушку, чтобы продать квартиру, пустят по всемирной сети видео из спальни родителей на продажу, снимут на камеру изнасилование младшей сестры. Потеряв Елену Майорову, Сергея Шерстюка, мы не просто обеднели талантами. Стало меньше порядочных людей. А такая потеря — катастрофа для общества, теряющего интерес ко всему, кроме курса валют.

На курсе Олега Табакова со студентами работал профессиональный психолог. Доминирующими позициями в тестах Елены Майоровой были радикализм и чувство вины. Точно такой же результат был у Игоря Нефедова, он был на два года моложе. Его судьба казалась гораздо более благополучной. Сын хорошего актера, друга Олега Табакова, он был награжден природой потрясающей внешностью, к сцене и камере привык с детства, был удивительно естественным и обаятельным. Тот, кто хотя бы раз видел его в кино, наверняка запомнил. А снимался он с 18 лет у лучших режиссеров страны, в их лучших фильмах. «Наследница по прямой» Сергея Соловьева, «Охота на лис» Вадима Абдрашитова, «Пять вечеров» Никиты Михалкова. Когда ему исполнилось 25 лет, его имя внесли в «Советскую энциклопедию кино».

А потом... Наступило время, когда нужно было приспособиться, зарабатывать не искусством, а умением ловить «бабло» со столов новых хозяев России. Конечно, он играл. В «Табакерке». Первая жена бросила его, чтобы выйти замуж

за иностранца, от второй ушел он, оставив ей, ее бой-френду и ребенку квартиру. Начались срывы, конфликты с Олегом Табаковым. Он стал говорить о самоубийстве. Окружающие злословили, что он «интересничает», «играет». Какое самоубийство: такой красавец, шапка кудрей... Он пришел как-то поздно вечером в гости к своей жене и ребенку, посидел за столом с новым мужем жены. Вышел на рассвете и намертво вбил крюк между вторым и третьим этажами. Соорудил из шарфа петлю так, чтобы точно не развязалась, и повесился. Тяжелый, высокий парень продумал все. Наверняка задолго. Наверняка проверял все на прочность. Любой криминалист скажет, что это очень тяжело: убить себя. Технически тяжело. Игорю было 33 года. Возраст Христа. Он умер 2 декабря 1993-го, за три года до Елены Майоровой. Конечно, нашлись умники, которые сказали, что он «заигрался», как впоследствии скажут о ней. Хамское слово по отношению к умершим. А по отношению к тем, кто был настолько талантливее, красивее, умнее многих, — еще и злобное, и завистливое. Судя по реакции на эти трагедии, можно точно сказать: от зависти и злорадства не спасает даже смерть.

Подруги Елены Майоровой рассказывают, что ее потрясла участь Игоря Нефедова. Она спрашивала у актрисы Гуляренко: «Он же верующим был. Как он мог покончить жизнь самоубийством?»

О «сошедших с поезда» до станции «Новый век» пишет Надежда Иваницкая, редактор web-сайта ИМПЭ им. Грибоедова.

И я не избегу
и ты не избежишь
на этом берегу
смерть побеждает жизнь
жизнь побеждает смерть
на берегу другом...

Эти строки написал екатеринбургский поэт Роман Тягунов, который не захотел переходить с нами в новый век, жить в новом тысячелетии и 31 декабря 2000 года шагнул в пустоту. Из окна, где встречал Новый год.

Через пять месяцев повесился один самых талантливых поэтов своего поколения в России — Борис Рыжий. Ему было двадцать семь лет, он был признан, удачлив, обаятелен и хорош собой. Его смерть так потрясла знавших его людей в Екатеринбурге, страдание так исказило их лица, что они не узнавали друг друга. Борис Рыжий был посмертно награжден за свои стихи премией «Северная Пальмира».

Россия — старое кино.
О чем не вспомнишь,
все равно на заднем плане
ветераны сидят, играют в домино.
Когда я выпью и умру —
сирень качнется на ветру,
и навсегда исчезнет мальчик,
бегущий в шортах по двору.
А седобородый ветеран
засунет сладости в карман:
куда, подумает, девался?
А я ушел на первый план.

В 1997 году на «первый план» ушла блистательная актриса Елена Майорова. Ушла трагически. Сам способ — самосожжение (женщины и актрисы!) говорит о том, что в этом поступке присутствовал момент очистительной жертвы.

Сергей Шерстюк — муж Майоровой — лидер московской школы художников-гиперреалистов и постановщик своеобразного, созданного им «театра жизни», не сумел пережить смерть обожаемой жены. Он умер через девять месяцев после

нее, день в день. Врачи считали, что его болезнь развилась из-за сильного нервного перенапряжения.

Почему? Почему они предпочли уйти? Ведь на самом взлете жизни и творчества! Все, что мы сможем сказать, будет либо обвинением времени, либо обвинением нашему собственному равнодушию. В любом случае это попытка защититься от слишком прямого взгляда на жизнь и смерть».

Пожалуй, это самые разумные слова, сказанные о гибели Елены Майоровой и ее мужа. О других сияющих людях, как будто получивших команду свыше: «Хватит сиять. Они (т. е. мы) того не стоят». Я все пытаюсь рассказать, как жила Елена Майорова, как заразительно смеялась, как шутила, как любила. Но меня как будто заставляет кто-то искать причины ее смерти. Я читаю массу мнений, воспоминаний, предположений и могу с уверенностью сказать: всех, кто знал Лену, и тех, кто ее не знал, интересует то же самое. Были случаи, когда люди становились врагами из-за того, что их мнения о причине самоубийства Елены Майоровой не совпадали.

ГЛАВА 16

Друг Елены Майоровой актер Вячеслав Желобов сказал после ее гибели: «Ей стало скучно жить». Олег Ефремов почему-то принял эти слова на свой личный счет и возненавидел Желобова. Собственно, что с него взять. Ефремов полностью запутался в собственных предположениях и эмоциях. Некоторые считают, что, после того как Майорова окончательно и бесповоротно отвергла домогательства главного режиссера, он вроде бы и ее возненавидел. А уж когда умерла... Самым деликатным было заключение: Ефремов обиделся. Ни фигу себе, прошу прощения. Когда у Ефремова брали интервью о гибели Майоровой, он произносил вещи нелогичные и маловразумительные. Что, конечно, объясняется горем и потрясением, которые у всех выражаются по-разному.

«Это, конечно, не самоубийство... Ничего не надо расследовать... Как жила Лена, так и следует жить... Из уютной, спокойной, теплой жизни ничего не получится». Что он сказал на самом деле: что тема его пугает, слово «самоубийство» приводит в ужас, расследований он попросту боится. А Еленой продолжает восхищаться, как при ее жизни. Так же неловко и безответно.

Елена Майорова и сама в одном из последних интервью произнесла слово «скучно». Она говорила, что со стороны ее жизнь кажется гораздо более привлекательной, чем это есть на самом деле. На самом деле «бывает так «весело», что даже скучно». Она постаралась использовать нейтральное слово. Не рассказывать же по очередному кругу, как тяжело бывает идти по утрам на репетиции, выслушивать окрики режиссера, как загнанная лошадь. Как каждый вечер превращаться в одну и ту же несчастную героиню, как вытаскивать себя,

оставляя на сцене часть души, как ждать настоящей роли в кино, а получать совсем другие предложения. Как долго и бесплодно ждать... Она знала себе цену. Однажды сказала приятельнице: «Раз нет детей, стану гениальной актрисой». Ей не времени не хватило, ей не хватило кинематографа, обрубленного, как все и всегда в очередную перестройку или поворот. Я смотрю ее фильмы, отрывки из совсем незнакомых картин и с горечью понимаю: мы не успели ее узнать при жизни, а сейчас актрисы такого масштаба просто нет. Не знаю даже, что это за фильм. Майорова, видимо, играет проститутку. Она возвращается по утреннему двору расхлябанной походкой, на нее налетает с разных сторон мать с какими-то воплями. Она уворачивается, довольно долго молчит. Ох, эта способность больших актеров держать паузу, их абсолютный слух! А потом просто говорит: «Мамаша, пошли вы на хер!» Как говорит! Хотиненко совершенно прав: это стихийный, не подчиненной какой-то школе талант. И Шерстюк прав, ну, для приличия скажем, в какой-то степени: школа Станиславского научила «врать» большинство актеров, чье дарование не оказалось настолько мощным, чтобы разрушить стереотипы.

В фильме «Как уходили кумиры» Вячеслав Желобов объяснит, что он имел в виду, произнося слово «скучно». Что Лена имела в виду.

Однажды МХАТ приехал на гастроли на Сахалин. Это было огромное событие и для Лены Майоровой, и для Сахалина. Такой звезды там не было. О ней местное телевидение снимало фильм. Желобов рассказывает, как было выбрано живописное место, Лена, потрясающе красивая, стояла на фоне огромного стога сена. Совсем девочка, только начала работу в театре. И вдруг она начинает говорить, и все замирают потрясенно. То ли это ее кредо, то ли она просит у кого-то ответа на свои вопросы. И от этих ответов зависит ее жизнь...

«Жизнь первична, искусство вторично, — говорит она. — Почему же для меня искусство и есть жизнь? А на настоящую жизнь не хватает ни сил, ни времени... Надо стремиться пройти свой путь до конца. А профессия моя — способ пройти этот путь». Это высокая цель. Это категоричное и жестокое отношение к себе во имя прекрасной цели. Цель оказалась недостижимой, если так можно выразиться, по техническим причинам. В этом интервью Желобов не произносит слово «скучно». От скуки мух давят, а Елена Майорова работала, не оставляя сил на обычную жизнь, и страдала, как одержимая, из-за того, что годы уходят, а цель все барахтается в тумане всеобщего тупика. «В ней возникла тоска, — говорит Желобов, — голод по новизне. Она хотела двигаться вперед, а не ходить по кругу».

Но ей пришлось очень долго ходить по кругу. В своей бесконечной усталости она даже семью стала включать в тот самый заколдованный круг, из которого не вырваться. Сергея присутствие жены вдохновляло на размышления и рассуждения обо всем на свете, а ей, измученной бесконечными текстами пьес и сценариев, и это казалось вечной репетицией, прогоном, за которыми не будет премьеры. Семья, конечно, не была настолько идеальной, как об этом многие пишут. Прямолинейность генерала, безразличие, мягко говоря, пасынка, недовольство свекрови ее бездетностью, которое то ли действительно звучало, то ли прочитывалось Леной между словами и взглядами. Если бы в работе все складывалось так, как она мечтала, то она бы с легкостью решала недоразумения, нестыковки в семье. Она умела так улыбнуться, так пошутить, найти такие нужные слова. Если хотела. Если могла...

Сейчас есть специалисты, помогающие человеку выбрать себе будущее. Менять выбор и в соответствии с этим переходить из одного сценария жизни в другой. Наверное, многие люди согласились бы на такой переход. Для кого-то это

становится способом существования. И, конечно, ничего в том нет плохого. Только самым интересным людям почему-то это не дано. Только самые необыкновенные, как правило, умирают в том сценарии, в котором родились. У них миссия, им светит одна звезда, и если она погаснет, нужен другой свет в финале. Так говорил Игорь Нефедов: «У жизни должен быть красивый финал». Получилось страшно. И у него, и у Лены Майоровой.

ГЛАВА 17

Ее звали Аней. Она приехала в Сибирь, в наш концлагерь для врагов народа и уголовников для того, чтобы спросить у мужа, осужденного по доносу, правда ли то, что в доносе написано. Оказалось, муж умер, а ей не сообщили. Больше никого у нее не было, возвращаться было некуда и незачем. Она осталась работать врачом в лагерном лазарете. Единственная женщина среди множества мужчин — преступников и невинных жертв, среди подонков, вполне адаптировавшихся на этом дне, и порядочных людей, превращенных тюремщиками в святых мучеников. Там был один, ни на кого не похожий. С таким потрясенным, страдальческим лицом и огромными карими глазами, в которых отражались все преступления, происходящие вокруг, корчилась в муках вера в человечество, рождалась ярость обреченного и никак не хотела умирать надежда. В фильме Александра Митты «Затерянный в Сибири» встретились два таких исполнителя, возник такой актерский дуэт, какого кинематографу приходится дожидаться столетиями. Главную женскую роль — врача Ани — исполняла Елена Майорова, главную мужскую — английского археолога Миллера, осужденного в качестве американского шпиона, — английский актер Энтони Эндрюс. Вторую мужскую роль, вероятно, как никогда, играет Владимир Ильин. Он — начальник лагеря, влюбленный в доктора Аню. В эпизодах — Евгений Миронов, Алексей Жарков, Зиновий Гердт, Наталья Гундарева. И Валентин Гафт в роли Берии. Так подбирают актеров для фильма, в котором эпизодов не будет. Их заменят короткие шедевры. И задача создателей — естественно и логично вплести их в нить пронзительного повествования. Это удалось на-

столько, что я смотрела картину и не верила, что она существует на самом деле, причем довольно давно. За это время были «Оскары», «Ники», какие-то «орлы» и т.п. Но я не уверена, что была картина, которую можно поставить рядом с «Забытым в Сибири». Люди, любящие кино, высказывают в Интернете разные предположения по поводу того, что фильм до сих пор только пользователям известен. Его ни разу (насколько я знаю) не показали по телевизору! Действительно похоже на то, что картину кто-то сознательно не пускает к широкой аудитории. Опять, что ли, невезение Елены Майоровой? Зависть, недоброжелательность, стремление скрыть ее потрясающие возможности? А в этом фильме никто никого не пытался переиграть. Актеры приняли страшную действительность и жили так, как, возможно, повели бы себя на самом деле в том аду, который узнали по тону, грозовой мелодии, достоверности отработанных преступлений, хотя и не могли этого видеть в жизни (я сплюнула через левое плечо). И вот там, где людей втоптывало в грязь сильное государство-маньяк, где, казалось, легче умереть, чем сохранить достоинство, честь и нежность, — там возник любовный треугольник. Женщина была интеллигентной, доброй, чистой, наивной, доверчивой и стойкой. У нее — Елены Майоровой — светились синие глаза, шелковые волосы, атласная кожа. А смотрела она прямо, широко распахнутыми глазами, пытаясь разглядеть души тех, чью жизнь растоптали. Начальник лагеря — Владимир Ильин — пожирал ее бешеными от вожделения глазами. Он с помощью шантажа сделал ее своей любовницей, и она, как и положено святой, пожалела его за эту подлость. А второй, тот, которого полюбила она, — Энтони Эндрюс — положил к ногам возлюбленной такую высокую любовь, такую пылающую страсть, какую, возможно, люди испытывают только в экстремальных ситуациях, на краю жизни. Большинство сцен с Еленой Майоровой в этом фильме — эротические, как принято это называть. На самом деле она

вся — любовь, сострадание и боль. Она не кажется в этом фильме девочкой. Обнаженная в любовных сценах, невероятно искренняя, честная, светящаяся, — она просто взрослая женщина, чья красота и незащищенность несут «разор и войны», выражаясь словами Шерстюка. Станет сильным и храбрым после встречи с ней английский археолог, станет жестоким монстром начальник лагеря, узнав муки ревности. Сцена, когда Ильин заставляет раздеться героиню Майоровой, а затем идет на нее с искаженным и потемневшим лицом — одна из самых страшных в фильме, где постоянно льется чья-то кровь, кончается чья-то жизнь. А здесь просто отвергнутый мужчина выталкивает голую женщину на мороз. Он не касается ее руками, он толкает ее напряженным телом, как во время любви. И она, не сводя с него больших, испуганных глаз, падает в сенах, подтягивает к животу колени. Она готова ко всему, кроме одного — она не предаст своей любви.

Какой фильм. Какая актриса. Какая женщина. Конечно, сейчас смотреть этот фильм невероятно больно еще и потому, что ее не просто нет. Эта сверкающая кожа, эта нежная грудь, худенькие плечи, красивые ноги — это все действительно сгорело?

В этом фильме много крупных планов Елены Майоровой, и легко назвать то качество актрисы, которое делает ее исключительной. Она спокойно сидит за столом, внимательно смотрит на начальника лагеря, который из кожи лезет, чтобы ее заинтересовать. Еще ничего не случилось. Она смеется, предлагает потанцевать. Но по ее лицу можно прочесть сюжет фильма. Прошрое и будущее горе. Она Аня. Ее работа и дом — концлагерь. Она лечит людей, которых завтра замучают или расстреляют. Ее хотят озверевшие мужики, она трагически полюбит, она не придет к хэппи-энду. Все это есть в лице Елены Майоровой. Ни одного неверного движения, ни одной лишней ноты в ее мелодии любви. Она не играет. Она проживает эту страшную судьбу и единственную настоящую любовь.

Конечно, это лучшая роль в кино Елены Майоровой. Но актеры никогда не говорят себе это сами. Они должны услышать это от зрителей. А при жизни Лены этот фильм практически никто не видел.

Никто не знает, на сколько трагических ролей рассчитана душа того артиста, который играет на собственной боли, муках сострадания.

Через год после смерти Олега Ефремова Людмила Петрушевская написала статью-реквием о нем: «У него было все: не хватало только воздуха». Быть может, самые сильные строки в этой статье связаны с Леной Майоровой. «Я видела Лену Майорову в роли Маши. Забыть этого нельзя. Как гвоздь, сидит в памяти ее мука, тонкие руки, прижатые к животу, лицо в почти рвотной судороге. Не роль, а принародная исповедь. Очень опасная вещь для исполнителя.... Лена Майорова сожгла себя. Он не пришел на ее похороны. Скрылся от людей. Видимо, был в ярости на судьбу и на себя. Был в ужасе...»

Я вздрогнула, прочитав название этой статьи. Понимала, что речь пойдет о болезни Олега Ефремова, но подумала о Майоровой. В его театре у нее было все: лучшие роли, место незаменимой примы, уважение коллег, признание публики, любовь самого Ефремова. Не было только воздуха свободы и выбора, уверенности в завтрашнем дне, сил для ожидания момента истины. Вот случилась такая блистательная возможность, как роль в «Затерянном в Сибири», а сам фильм каким-то образом затерялся в культурном полумраке, при таком дефиците настоящего кино. Теперь уже совершенно ясно, что скорее мировой кризис кончится, чем этот наш дефицит.

ГЛАВА 18

Вскоре после гибели Елены Майоровой вручали премии лауреатам журнала «Знамя» за 1997 год. Среди них был поэт Николай Шмелев. Он сказал в своей речи: «Надо сказать, что я никакой телезритель и никакой радиослушатель — кроме музыки, да и то «ретро», обычно не слушаю ничего. А тут как-то жена зовет: «Иди, послушай. Елена Майорова читает тебя. «Ночные голоса». Оказывается, она и раньше читала по радио эту вещь, говорят, любила ее, а в тот вечер, вскоре после ее трагической гибели, радио решило повторить эту запись... Какая же была актриса. И как же она читала... А потом на каком-то публичном вечере я получаю вдруг из зала записку: «Вам ничего не скажет мое имя, и я не буду его называть... Дело в том, что вы и Елена Майорова всю душу мне перевернули «Ночными голосами». Как я плакала — это же про меня, про меня! Спасибо вам...»

Сколько же людей открывали Елену Майорову случайно. Сколько — лишь потом. Это, как правило, люди, души которых готовы к эмоциональному взрыву, перевороту. Кто знает, не знак ли это. Уходит человек, способный потрясти своим даром многих, а после него сокращается количество душ, которым дано сопереживание, потрясение, боль и восхищение.

Фильм «Двое и одна» тоже, видимо, смотрели немногие. Он вышел в 1988 году. Режиссер — Эдуард Гаврилов, тонкий, щемящий сценарий Галины Щербаковой. В ролях Елена Майорова, Георгий Бурков, Юрий Астафьев и маленькая смешная девочка. Дочь героини Майоровой. У этой героини, Вали, редкая профессия. Она то ли истребляет, то ли выводит древесных жучков. Контора такая одна. И она едет каждый день на

работу на загородной электричке, обратно возвращается, навьюченная сумками до зубов. Она их тащит, шлепает по лужам, а в окно за ней наблюдает редакционный фотокор, ненавязчиво и тайно влюбленный. Он ее снимает исподтишка, любитесь снимками. Он — герой Георгия Буркова — в этой картине невероятно похож на Шерстюка. А она, как обычно, только на себя. Волосы закручены на затылке, какое-то убогое платье, кофта. Озабоченное выражение лица, судьба замученной матери-одиночки прочитывается по походке, каждому движению, тревожному взгляду, нервной реакции на любой пустяк. Но глаз от нее оторвать невозможно. Что-то невероятное есть в этой худой женщине с правильным и совсем не простым лицом. Сплав чистоты, благородства и полной незащитности просто бьет наповал. И я не видела этот фильм, когда он вышел, и я толком не знала актрису Майорову. Как узнаешь актрису, когда фильмы выходят в никуда, когда нет ни раскрутки, ни пиара. Да о чем это я. Здесь не нужна никакая раскрутка. Просто надо было снимать и снимать. Потому что настолько естественная, открытая камере актриса встречается — не знаю раз во сколько лет. Просто за всю историю мирового кинематографа их легко пересчитать по пальцам — таких. Ни один режиссер не мог этого не понимать. Может, многие оставляли ее на потом, для лучших времен, для особого проекта...

Фотограф Фролов помог Вале собрать рассыпанные продукты, довез до дома, сфотографировал ребенка, и прелестная, смешная, очень серьезная женщина тут же протянула ему на открытых ладонях всю душу — невинную, истосковавшуюся, доверчивую. Они назначили день свадьбы, выбрали тахту в мебельном магазине, а потом была всего одна сцена любви. Ничего особенного, все, как в любом другом фильме. Мужчина и женщина легли в постель. И тут я, пожалуй, не назову другую актрису, которая была бы способна превратить любовный эпизод в душераздирающую драму. Ее лицо, глаза, руки —

это великий рассказ о начале и конце любви, благодарности, счастья. И все с привкусом горечи. Кажется, скажи он ей: отдай сейчас свою жизнь, — и она не задумается ни на минуту. Как Тойбеле. Как Аня из «Затерянного в Сибири». Застенчивый Фролов — Бурков хотел лишь настоящей семьи с этой необыкновенной Валей. Он хотел заботиться о ней и ее дочери. Жизнь отобрала загородная электричка. Валя всегда так спешила перебежать перед ней.

В «Новой газете» была опубликована статья с точным и жестким заголовком: «Между застоєм и отстоем». Что такое застой, многие помнят, что такое отстой, мы, к сожалению, познаем сейчас. Автор пишет о том, сколько кинематографистов ушли до срока в темноте 90-х. Самым страшным названо лето 1997 года, когда одна за другой погибли две настоящие, как принято сейчас говорить, кинодивы высочайшей пробы. Сначала Ирина Метлицкая, ошеломляющая красотой и трагическим дарованием, умерла от лейкемии, затем сожгла себя Елена Майорова — актриса безграничных возможностей, рожденная для славы, поклонения. Ее легко себе представить в обойме Голливуда. Обе актрисы недоиспользовали свой потенциал. Снялись вместе в фильме «Макаров». И по-разному избежали времени отстоя.

Могла ли Елена Майорова, не страдавшая роковой болезнью, избежать смерти в тот период — между застоєм и отстоем?

Сокурсники Елены Майоровой любят рассказывать о том, какой смешливой она была. Потрясающее чувство юмора, мгновенная реакция — и на серьезном занятии Лену вдруг начинал разбирать смех. Все с интересом смотрят, как она будет с ним бороться, а это делает ситуацию необратимой: Лена смеется так, что слезы начинают катиться из глаз, до икоты. Ее выгоняют в коридор досмеиваться.

Евгений Миронов вспоминает, как они приехали со спектаклем «Орестея» в Грецию. Позади разные города и страны,

силы на пределе. Всем хочется только одного: упасть и поспать пару часов до выступления. Но в Греции 50 градусов жары. Актеры заходят в свои номера и обнаруживают, что кондиционеры то ли не работают, то ли их нет вовсе. Номера — как раскаленные духовки. Все невольно бредут к балконам и видят немыслимую картину: Лена Майорова в купленной в Греции шубе танцует на лужайке перед гостиницей. И столько экзотики, шутки, красоты, энергии и задора в этой пляске под раскаленным небом, что все стоят, улыбаются и чувствуют, что усталость проходит, что каждый получил персональный подарок, что вечером у них хватит сил сыграть хорошо.

Она всегда была настоящей — весело так весело, грустно — она не цепляла на лицо деланную улыбку. В ней не было уныния без повода, мании самоубийства. Скорее всего, она просто допускала, что если жизнь пойдет окончательно не так, как она планировала, она ее оборвет. Отличнице стыдно быть чересчур несчастливой. Вот из этой логики вытекали срывы, но и возвращения. Может быть, она надеялась на чудо до самого конца. Понимая, что такой конец ставит огненный крест на чуде. На всех чудесах, увиденных ею в жизни.

Фильмы с ее участием сейчас не так легко найти. А именно сейчас можно судить о том, что было главным в поединке Елены Майоровой со странным временем. У нее был огромный талант, у времени — жестокость. У нее — редкая, трогательная незащитность (при таком росте, прямолинейности, уверенных интонациях в голосе), у времени — полное безразличие, отсутствие зрения и слуха. Да, были и восприимчивые люди. Но они сами терялись в тумане. Даже обожающий муж понял Лену, когда ее не стало. Вспомнил каждое слово, каждый взгляд, каждый вздох — и сам не смог больше жить.

ГЛАВА 19

До революции Россия прочно держалась на одном из последних в мире мест по количеству самоубийств. За годы Советской власти мы догнали по этому показателю Европу. А за последние годы — и вовсе вышли на первое место. Вот как это объясняет главный суицидолог страны, руководитель Суицидологического центра Московского НИИ психиатрии МЗР профессор Владимир Войцех.

В последние годы в России нет никакой стабильности, разрушены идеалы, рост алкоголизма... При определенных обстоятельствах самоубийцей может стать абсолютно любой человек... Тут очень важно внимание окружающих. Большинство будущих самоубийц пытаются поделиться своими проблемами с окружающими.

Самоубийцы, делает главный вывод профессор, в основном совершенно здоровые в психическом смысле люди. Последней каплей для принятия подобного решения может быть любое неприятное событие, недоброе слово, даже плохой взгляд. Среди самоубийц лишь 10 процентов душевнобольных людей, но их ни с кем не перепутаешь.

Попытки Лены Майоровой травиться таблетками, прыгать из поезда на полном ходу, становиться на подоконник, чтобы заглянуть в бездну, скорее всего, и были той самой необходимостью привлечь внимание окружающих к своим проблемам. Просто говорить о них гордость мешала. Да и нет людям дела до чужих проблем. Тем более, что по всем обывательским понятиям у Елены было все, что нужно для счастья. «Заигралась» — вот самое распространенное слово по поводу гибели Елены Майоровой. За него можно привлекать по статье «кле-

вета». Она не игралась, она даже не играла, она жила такой напряженной, трудной, вдохновенной жизнью, что ее героинь в театре и кино воспринимаешь, как реально существовавших людей. Таких необычных, чутких, страстных, ранимых, страдающих. Она сожгла себя — большая, настоящая актриса, — и что после нее осталось? Пока найдешь хороший фильм, в котором она потрясающе сыграла, будешь сутками ходить по всем кругам Интернет-магазинов и, в основном, без толку. Товар будет отсутствовать, зато очумеешь от навязывания «Самого лучшего фильма — 1, 2», не знаю, сколько их там еще. Озвереешь от предложений такой чуши, собранной по миру, которой надо только крыс травить. Она слишком четко все понимала при жизни, эта максималистка с нежной кожей. Ничего не останется. Значит, пусть горит огнем.

В фильме «Одиноким предоставляется общежитие» у Елены Майоровой не главная, но, как всегда, особая роль. Героиня Натальи Гундаревой держит в напряжении все женское общежитие, организовав брачное бюро. Все в таком волнении, ожидании. И лишь одна девушка — просто созерцатель. Это героиня Елены Майоровой. Она в основном валяется на кровати, заразительно хохочет, когда какая-то ситуация кажется ей смешной. Подстраивается к другим девочкам в смысле попереживать, поплакать, накраситься до ужаса, чтобы стресс пережить. А в основном сидит в каком-то то ли платье, то ли халате под кофтой-самовязом, чумичка чумичкой, непричесанная, и ни на что и не думает надеяться. И вдруг ей сваха — Гундарева — предлагает не то что жениха, а просто подарок какой-то на Новый год. И мечта его, оказывается, в точности, в деталях совпадает именно с Леной Майоровой. Реакция потрясающая. Сначала полное изумление, что называется, челюсть отвисла. А затем — такой взрыв эмоций, на таком нерве. И слезы близко, и делать что-то срочно нужно. И Майорова в гневе смотрит на Гундареву, почти кричит в отчаянии: «Ты зачем мое финское платье в химчистку отдала?! Я финское сама стираю». А к жениху она подошла, как короле-

ва. Прекрасная в подвенечном наряде, спокойная, уверенная, с пленительной улыбкой на прелестном лице.

Я смотрю и пересматриваю DVD-фильмы, в которых играет Елена Майорова. Ну, не видела я их раньше. Конечно, увидев такую актрису в свое время, я бы искала ее постоянно, писала о ней. Очень многие любители кино поставили бы Майорову на тот пьедестал, которого она заслуживала. В центр внимания. Но о проблемах кинематографа того времени все уже сказано. Я думаю о другом: кто из критиков, писавших о «Золушке с Сахалина», пустил по языкам и газетным страницам эту чушь насчет «рабочей окраины», которой якобы отдавало все творчество, скорее всего, действительно гениальной актрисы. Наверняка это авторская идея, которую остальные повторяли от нечего делать. От незнания, непонимания. Но, черт побери, эта же дурь вполне могла оттолкнуть от Майоровой и режиссеров, и зрителей. Страна сплошных аристократов, как же им не сморщить нос при словах «рабочая окраина».

Мой запоздалый поклон рабочей окраине Южно-Сахалинска, родителям Елены Майоровой за то, что миру явилось это чудо. Сияющая красавица, редкая и благородная. Такое чистое, правильное лицо, такие удивительные глаза и губы, стройная шея, тонкие пальцы. Она действительно изолировала трубы? Такой неподражаемый стиль, точные манеры, каждое движение, каждая интонация — это не результат репетиций. Это то, что дарит природа сразу.

Вы смотрели телеспектакль «Дядюшкин сон»? Это невероятно талантливая работа Александра Орлова, который подобрал самых блестящих исполнителей для произведения Достоевского, известного нам вроде бы с уроков литературы в школе. А смотрится это сейчас на одном дыхании, как современная, удивительно сильная драма. Две главных женских роли играют Наталья Тенякова и Елена Майорова. Главную мужскую — играет Прудкин. Спектакль снимался, когда карьера Елены Майоровой только начиналась. И такая рабо-

та. И такие партнеры — Тенякова и Прудкин. Получился ансамбль, в котором никого нельзя заменить никем.

Зинаида Москалева — Елена Майорова. Вся роль — на крупных планах. Глазам не веришь, до того хороша. Это не просто «дядюшкин сон». Это на самом деле прекрасный сон. Красота индивидуальная и вдохновенная. В телеспектакле Александра Орлова Елене Майоровой досталась роль совершенства. Нет ничего сложнее. Чуть больше томности было бы в этой неземной красоте, чуть сильнее акцентированы страдания, чуть больше желания актрисы вызвать сочувствие, и получилась бы стереотипная роль красавицы-мученицы. Майорова очень сдержанна. Это именно она, гордая, честная, великодушная. В спектакле есть моменты — откровения. Смешной, беспомощный, трагический князь — Прудкин — уходит, убегает, спасается от озверевшего общества тупых и злобных людей. Но вдруг возвращается и проходит сквозь строй к сиянию Зинаиды — Майоровой. Она улыбается ему — нежно, светло. А лицо залито слезами. И встречаются таких два разрывающих душу взгляда. Взгляд наивного старика, над которым поиздевались все всласть, а он, как ребенок, вновь радуется чуду. И синий взгляд Лены Майоровой, которую тоже пытались растоптать и унижить, но она устоит. Она победит. В финале мы увидим Зинаиду Москалеву женой губернатора. Она легко отведет взгляд от своего бывшего подлого воздыхателя. А зрителю от нее взгляд оторвать трудно. Так она красива. Просто несравненна. Я подумала, что эта актриса могла бы сыграть совершенно особенную Анну Каренину. Поверьте, я сначала написала это, а потом узнала, что первую попытку снять «Анну Каренину» Сергей Соловьев сделал в 1994 году. То есть не попытку, а полную подготовку, был назначен первый съемочный день. Но он успел лишь провести фотопробы. Финансирование прекратилось. На роль Анны пробовались Татьяна Друбич и Елена Майорова. Прошло столько лет, в 2009 году Сергей Соловьев осуществил свой проект. Осталась Татьяна Друбич. Она на год моложе Майоровой.

ГЛАВА 20

У кого ни спрошу, никто не видел фильм «Возвращение броненосца» Геннадия Полоки по повести Алексея Каплера. Он вышел в 1996 году. Был представлен на «Кинотавре» в Сочи и даже награжден премией Президентского Совета. А потом — мимо широкого проката. И по телевидению ни разу не видела. Купила недавно DVD. Оторваться не могла. Потрясающий, оригинальный сюжет. Яркая, колоритная картина послереволюционной Одессы, юмор, драма, фарс, трагедия. Отличные актеры, незабываемые образы, профессиональнейший ансамбль, где одна партия продолжает другую. Елена Майорова в роли проститутки Верки — его украшение. Повстречалась она на пути революционера Иоганна Францевича Герца, прямолинейного, принципиального и честного, как первые партбилеты. Ошеломила красотой и беспутным поведением. Он решил спасти ее не совсем девичью честь и сочетался с ней законным браком. Она не возражала, эта прелестная, насмешливая, озорная Верка, но между шуточками на эту тему все пыталась взять в толк: чего ему нужно? Ответы искала сама. Соблазнять пыталась, голой все время нечаянно оказывалась. И, наконец, услышала, что женились на ней фиктивно, ради ее репутации. По-своему огорчилась. Вот идут они по двору — новобрачные. Застегнутый на все пуговицы своего солдатского наряда, напряженный Герц, который идет, как по минному полю. И вся из себя шикарная красавица — Верка, стреляющая глазами по сторонам: кругом ухажеры да соседки-завистницы. И мама — Татьяна Васильева — налетающая на свою непутевую дочь со всех сторон в веселом одесском недоумении.

— Мамаша, захлопни пасть, — доброжелательно советует ей кровиночка. — Я, между прочим, замуж вышла.

Они вошли в свою узкую, как пенал, комнату, и Верка демонстративно улеглась на не менее узкую кровать в одежде.

— Вы можете раздеться, — процедил фиктивный супруг.

— Я так полежу, — небрежно ответила Верка. — Как божья мать.

Елена Майорова сделала эту роль такой сверкающей, с таким чувством юмора и, как всегда, с такой страстью, что зритель и не заметит, как начнет переживать за эту великолепную Верку, когда она сама не спасет себя от печали понимания. Ей станет больно, что есть человек, которому она не нужна. Это почти война миров. Вот еще все, как для Верки привычно. Муж заходит в комнату и обнаруживает на обнаженной жене большое мужское и тоже обнаженное тело.

— Это мой двоюродный брат, — непринужденно объясняет из-под любовника Верка. Вполне приличное объяснение. Но Герц потрясен.

— Вот почему книги, которые я вам давал, лежат неоткрытые.

Фиктивный брак закончился. Но Верка, которая становится все красивее, ездит и ездит с очередными кавалерами к окнам конторы бывшего мужа. Она ждет его взгляда, гордо отводит свой и прячет от него слезы обиды и, быть может, нечаянной привязанности. Чудесная роль.

Недавно прочитала в «Огоньке» статью Дмитрия Быкова «Секс без символа». В общем, из названия все понятно. Мысль лежит на поверхности, я тоже немного выше говорила об этом странном явлении — формально и неформально секса полно, а привязать его к конкретным актрисам, актерам никак невозможно.

«Девяностые годы ведь чем отличались от нулевых? Тем, что все было впервые искренне и не понарошку... Первые опыты отечественной эротики — так засветилась Наталья Не-

года. После Негоды было еще несколько секс-символов, бравших, между прочим, не откровенностью съемок, а типажностью... Как странно, Левтовой, Метлицкой, Майоровой уже нет в живых. Все они погибли совсем молодыми. Погибли, потому что жили... Ведь и Сергей Бодров, главный молодой актер второй половины девяностых, навсегда остался «Кавказским пленником» — именно из-за его стремления жить на полную катушку, стремления, в девяностые годы многим присущего. Секс-символ должен тратить себя у нас на глазах, жить в полном смысле этого слова. Так жили — и погибали — наши герои в девяностые. На смену им никто не пришел. Да, никто! Потому что в современном русском кино нет женщины, в которую хотелось бы влюбиться. Есть одна за всех Чулпан Хаматова, она же вдобавок символ милосердия, но как я слабо верю, когда она говорит о пользе благотворительности, так не верю я и в любовь в ее исполнении. Приемов не спрячешь, механизм торчит... Наш экранный секс стал гораздо профессиональнее, он и снят гламурно, и освещен грамотно. Не осталось в нем одного — непосредственного чувства... Заметим, американские и европейские герои подростковых снов отрабатывают звездную славу честно. Они не только шумно женятся и разводятся, делая это красиво, без взаимных оскорблений, но умудряются разнообразить амплуа, избегают дешевых штампов, не снисходят до халтуры. Анджелина Джоли, может быть, актриса далеко не первого ряда, но среди ее ролей не было ни одной проходной... Скарлетт Йохансон, которая при ее фигуре могла бы вовсе ничего не играть, снимается в трудных и неоднозначных картинах Вуди Алена и Брайана де Пальмы, не боясь комических ролей и коротких эпизодов... Вероятно, прав Корней Чуковский: работать надо бескорыстно, за это больше платят. Отечественное кино, литература, значительная часть музыки и большая часть театра сегодня издаются один и тот же отвратительный запах — это запах жадности. Жадность примитивна и незротична. Когда

в глазах влюбленной героини или страстного героя то и дело щелкают нули, когда признание «Я вас люблю!» звучит заявлением о включении счетчика, когда главным критерием успешности становится число проданных копий — ни о какой любви, к сожалению, говорить не приходится. Отработка любовного акта в наше время стала профессиональней — и бессмысленней. В диалогах отечественного кинематографа последнего десятилетия слышится один и тот же стон любви украинской или молдаванской матери-одиночки, вынужденной зарабатывать на Ленинградском шоссе. Не заводит».

Приговор точный. Вот почему так прекрасна обычная — необычная одесская проститутка Верка. В невероятных глазах актрисы, ее сыгравшей, никогда не щелкали нули. Это Верка снимала клиентов, а Елена Майорова завораживала, не отпускала своих зрителей. А как она тратила себя у нас на глазах — тут уж было не до «счетчиков». Такой надрыв, такая жизнь наотмашь, такая игра... Заведет, рассмешит, сердце надорвет.

В более ранней комедии Геннадия Полоки «А был ли Каротин?» у Елены Майоровой совсем маленькая роль — актрисы Антонины Барс, она же Тонька Барсукова с Молдаванки. Но, как всегда, очень заметная. Она с Игорем Квашей, игравшим роль режиссера, создали потрясающе комический дуэт. Она хлопает прекрасными глазами кинодивы и открывает от любопытства рот, как Тонька с Молдаванки. Его душат творческие фантазии и мелкие заботы, скажем, оттащить свою звезду от прилипшего к ней воздыхателя или от столика, где стоят бутылки. Великолепна сцена репетиции. Антонина Барс с партнером изображают любовь:

— Порочнее, — азартно кричит режиссер.

— Я не могу больше.

— Можешь, я тебя знаю. Порочнее!

— Но куда же еще порочнее, — выбивается из сил актриса.

И вот что интересно. Елена Майорова должна изобразить, как бездарная, в общем, актриса под руководством дурацкого

режиссера, по своим жизненным понятиям, полученным на Молдаванке, играет страсть. Порок. И это не просто очень смешно, нет ни капельки фальши. Это даже не пародия, не гротеск, это вот такое явление: Тонька Барсукова в большом кино. Она женственна, открыта и до предела естественна в своем старании быть порочной.

Режиссер картины «Парад планет» Вадим Абдрашитов так сказал о Лене Майоровой: «В «Параде планет» нужно было ее лицо, ее стать, ее шею, ее глаза. Крупный план ее, она просто смотрит в камеру — в этом есть нечто такое, что очень трудно передать словами, но как раз ради этого мы ее позвали в картину».

В год пятидесятилетия Елены Майоровой о ней говорили на канале «Культура»:

«Каждая новая роль для нее была, как последняя. Она играла на пределе, словно торопилась жить, ничего и никого не замечая. На роль в фильме «Затерянный в Сибири» Александр Митта сразу же утвердил Майорову. «Ее партнером был Энтони Эндрюс, знаменитый английский актер. Он был просто в восхищении от нее. Трудно было не восхищаться, потому что она включалась просто мгновенно, не делала ни одной проходной репетиции», — вспоминает Митта. Ее жизнь трагически оборвалась в 39 лет. Неизвестно, сколько бы еще сыграла эта актриса с глазами голливудской дивы или раненой чеховской чайки».

Неизвестно. Может быть, много, а может быть — и вовсе осталась бы за кадром раскрученных фильмов, которые и не фильмы часто, за порогом нынешнего МХТ, который под руководством ее первого педагога выпускает спектакли все более «на продажу», в которых роли Майоровой часто играют абсолютно второстепенные личности, а Рената Литвинова, оказавшаяся вдруг на этой сцене, привлекает публику своей пародийной манерностью и тем, что забывает текст. Чехова, что ли, сяду наизусть учить? Примерно так.

А мы все спрашиваем: почему они ушли так рано?

ГЛАВА 21

«Почему они умирают так рано?» — так называется статья журналистки Веры Максимовой.

«В красоте этих женщин русского театра переходной эпохи напрасно искать гармонии и успокоения. В болезненно хрупкой Ирине Метлицкой всегда, даже в лучшие, благополучные (здоровые) годы чувствовались и пугали непрочность, неприкрепленность к земле, неозабоченность собой. Метлицкая была вполне современным, «вписавшимся в эпоху» человеком. Много работала, постоянно снималась, ездила по миру, возглавляла фонды и фирмы, счастливо жила в семье — с предприимчивым и талантливым мужем, актером, режиссером, предпринимателем Сергеем Газаровым, сыновьями. Но — странная небрежность проступала в ней, равнодушие к себе, к собственной ослепительности, удачливости, стремление «прочь и выше».

В царственной стати и прямизне плеч, сверкании акваринных глаз, звучании хриповатого голоса красавицы Елены Майоровой читались вызов, ярость и страсть. Ее чеховская Маша в «Трех сестрах» шла по кругу пустой мхатовской сцены и по мученическому, убивающему радость кругу жизни».

...Умерли Метлицкая и Майорова. Обе — мучительно. Одна — неизлечимо больная — обратилась под конец жизни к религии. Другая — сгорела живым факелом. Умер, подкашившись на проспекте Вернадского под автобус на старень-

ком своем автомобиле, Евгений Дворжецкий. Тогда как его знаменитый отец — актер, узник ГУЛАГа — Вацлав Дворжецкий дожил до 83 лет.

Умер талантливый мхатовец Сергей Шкаликов. Умер вахтанговец Владимир Пичугин, незабываемо сыгравший в студийном спектакле Пьера Присыпкина в «Клопе» Маяковского. Умер создатель театра «Летучая мышь», актер, режиссер, драматург Григорий Гурвич. Сорвался или бросился с балкона актер и режиссер Театра сатиры Михаил Зонненштраль. Умерла талантливая («гениальная», как говорят ее сверстники) Надя Кожушанная, автор сценариев фильмов «Прорва», «Зеркало для героя».

Почему они умирают так рано? Губительный воздух рубежного, переходного времени тому причина? Или — судьба? Хрупкость, нервность поколения? Ослабевшая воля к жизни? Перегрузки, на которые многие идут добровольно, растрачивая себя, истощивая себя до срока?...

И то, и другое, и третье, и десятое. И первое: их не любили так, как они того заслуживали. Их не берегли, как в более адекватных странах берегут таланты. Таланты и сейчас никому в голову не приходит беречь. Да мы с этой нефтью до такого счастья дорвались, что все продадим, купим и опять продадим. А почем теперь раненные чайки, «неприкрепленность к земле», желание отдавать свое вдохновение и страсть просто так, без выгодного контракта... Вообще не товар.

Я все время думаю сейчас о ней, о Майоровой. Для выводов о ее характере недостаточно просто фактов биографии, чьих-то впечатлений, высказываний. В данном случае речь идет о личности столь неординарной, что невозможно сделать вывод просто по типу, в сравнении с другими людьми. Все время хочется заполнить какие-то белые пятна. Найти что-то такое, что не удастся скрыть ни одному публичному человеку. Например, романы. Но о Лене можно услышать самые лихие байки, к примеру, приставила пистолет к голове

милиционера, который выхватила у него же из кобуры. Он пытался призвать к порядку возбужденную группу актеров, выпивших после съемки. Их вроде даже в отделение доставили. Но это просто выходка, спектакль, сыгранная сцена из боевика. А вот о какой-то скрытой женской жизни неизвестно ничего. Ничего, кроме того, что она сама не скрывала от окружающих. Этот больной роман с женатым актером МХАТа, взаимная, но невероятно трудная любовь к Сергею Шерстюку, смертельный номер с демонстративной влюбленностью в Олега Василькова. Выходит, главной женской слабостью Елены Майоровой были ее человеческие честность, откровенность, прямота. Не скрыть ничего и стоять под шквалом осуждения и сплетен. Или что-то скрыть навсегда, как захваченная в плен партизанка.

И все же мне удалось найти документальный рассказ эротического характера (тут есть оговорки, но о них потом) о Лене Майоровой. Это из цикла баек Виктора Шендеровича. Называется «Дядюшкин сон в Забайкалье». Приведу его, поскольку здесь главное — в деталях.

«Ночь в майском Будапеште вполне могла оказаться последним романтическим приключением в моей жизни.

...Начало восемьдесят первого, Забайкальский ордена Ленина военный округ. Я служу уже несколько месяцев, мало сплю, плохо ем и много работаю не по специальности. В жилых меня можно числить лишь условно. И вот однажды возвращаюсь из наряда в казарму — и слышу за спиной знакомый женский голос. Оборачиваюсь: сержанты и «деды» сидят перед телевизором, а в телевизоре красивая молодая женщина в вечернем платье не из этого века говорит что-то совершенно родным голосом.

Только через несколько секунд я понимаю, что красавица в телевизоре — это Лена Майорова.

— Ой, — сказал я. — Ленка!

«Деды» обернулись. Я стоял, не в силах отвести глаз от телевизора. Майорова и Марк Прудкин играли «Дядюшкин сон» Достоевского. А я последние полгода провел в ротном сортире, где чистил бритвой писсуары. Ее голос был сигналом, дошедшим сквозь космическую толщу, из родной полузабытой цивилизации.

— Обурел, солдат, — поинтересовался кто-то из старослужащих. — Какая Ленка?

— Майорова, — ткнув пальцем в сторону телевизора, объяснил я. Я не мог отойти от телевизора. Это был глоток из кислородной маски.

«Деды» посмотрели в экран. «Я прошу вас, князь!» — низким, прекрасным голосом сказала высокая красивая женщина в белом платье с открытыми плечами...

— Ты что, ее знаешь? — спросил наконец один из старослужащих.

— Да, — ответил я. — Учились вместе.

«Деды» еще раз посмотрели на женщину на экране — и на меня.

— П...дишь, — сопоставив увиденное, заключил самый наблюдательный из «дедов».

— Честное слово! — поклялся я.

— Как ее фамилия? — прищурился «дед».

— Майорова, — сказал я.

— Майорова? — уточнил «дед».

— Да.

— Свободен, солдат, — сказал «дед». — Ушел от телевизора!

Справка для женщин и невоеннообязанных: приказы в армии отдаются в прошедшем времени. «Ушел от телевизора!» — не выполнить такой приказ психологически невозможно, ибо в воображении командира ты уже ушел. А за несоответствие реальности с командирским воображением карается обычно реальность.

И я ушел от телевизора и, спрятавшись за колонну, в тоске слушал родной голос... Первая часть телеспектакля закончилась, по экрану поплыли титры: Зина — Елена Майорова...

— Солдат! — диким голосом крикнул «дед». — Ко мне!

Я подбежал и встал столбиком возле табуреток. Старослужащие смотрели на меня с недоверием и, на всякий случай, восторгом.

— Ты что, вправду ее знаешь? — спросил наконец самый главный в роте «дед».

— Правда, — сказал я. — Учились вместе.

— Ты — с ней?

— Да, — ответил я. Диалог уходил на четвертый круг. Поверить в этот сюжет они не могли. Впрочем, после полугода армейских радостей я и сам верил в это не сильно.

— Красивая баба, — сказал «дед», буровя меня взглядом.

— Очень, — подтвердил я. «Деды» продолжали испытывающе рассматривать меня. Прошло еще полминуты, прежде чем злой чечен Ваха Курбанов озвучил вопрос, все это время, видимо, одолевавший старослужащих.

— Ты ее трахал?

— Нет, — честно признался я.

Тяжелый выдох разочарования прокатился по казарме, и дембельский состав тут же потерял ко мне всякий интерес. С таким идиотом, как я, разговаривать было не о чем.

— Иди, солдат! — раздраженно кинул самый главный «дед». — Иди, служи».

Вот такой милый случай с экранной Леной Майоровой, затмившей Достоевского и Прудкина для «дедов» Забайкальского округа, подействовавшей на них, как сильный возбудитель. Они по-своему отреагировали на ее особую красоту, на эту страсть, которую чувствуешь даже в ее молчаливом крупном плане. Такая мощная харизма. Запах женщины, что тут еще сказать.

Если бы режиссеры это успели использовать в полной мере. Не понимаю, как Эльдар Рязанов мог пригласить Елену Майорову лишь на крошечный, почти невидимый эпизод в «Забытой мелодии для флейты». Да еще спрятать ее за формой вахтерши. И все равно эта крошечная роль запомнилась.

— Круто берешь, подруга.

Этот чудесный, всеми узнаваемый голос, это чуть картавое «р», как у француженки.

Трудно было найти актрису, чтобы озвучить роль Майоровой, когда ее не стало. В фильме «Послушай, не идет ли дождь» звучит голос Юлии Рутберг. Елена Майорова играла в этом фильме роль Смерти.

ГЛАВА 22

*А природа так здорово ее создала
для хорошей, для отличной жизни.*

Сергей Шерстюк

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

27 января 1998 г.

«Ума не приложу, Леночка, как я буду жить без тебя, если даже сейчас, когда неведомо, помру я или нет, ничего не понимаю. Я, кажется, еще меньше понимаю, чем в конце августа, сентябре, октябре, — этом земном Страшном Суде. Как же так: так трудно полюбить, а мы полюбили, трудно любить, а мы любили, трудно любить свое дело, а мы любили. Красивы, талантливы, остроумны, веселы, да и как похожи при всей непохожести — и вот тебе. Было все... кроме детей».

Он убивал себя, потому что не мог ответить на собственные вопросы. Такой блестящий, аналитический ум, такая тонкая эмоциональная сфера. И все вдруг оборвалось, потому что он мог существовать, мыслить и творить лишь рядом с ней. Ответить на его вопросы могла лишь она.

26 октября 1997 г. 2.25 ночи.

«Пролистал сейчас дневник и поразился тому, что в нем так мало о Леночке, любимой и единственной, умершей два месяца и три дня назад. Иногда она читала мой дневник и говорила: «Разве это дневник? А где же мы с то-

бой? Ведь, кроме нас с тобой, тебя ничего не интересует. А-а, ты, наверное, пишешь не для себя, а для других». Вообще-то я собирался вдруг сесть и написать для нее пьесу, все придумывал и, сколько хорошего ни придумал, не придумал главного — о чем? Теперь я точно знаю, что пьесу для Леночки не напишу, хотя знаю, о чем, но... И вот тут-то я замолчу, потому что, как сказала одна девочка, «счастье не знает, что оно счастье, а вот горе знает, что оно горе». Я хотел бы, чтобы Леночка сидела рядом, а я писал свою галиматью. Отныне это невозможно».

Кто-то когда-то, возможно, напишет о них пьесу, создаст фильм. На свете не так уж много подобных сюжетов. А если нет... Значит, некому написать и некому сыграть.

«Ну, о чем я сейчас пишу? Писано-переписано. Кончается жизнь, век, с тобой умерла Россия. Казалось: пока мы есть, с ней ничего не сделается. Мы умели почти что все, но по-настоящему одно — заниматься искусством. Время его закончилось, однако мы-то еще умели это и помнили запах настоящего. Ну не нужен этот запах, но нас-то еще дюжина. А-а, — проживем. Не умея выживать, собирались прожить. Ничего не боялись, а я-то ведь ведь еще и ничего не понимал. Над нами: «Тик-тик», — а я не слышал. Ты слышала и все понимала — и отчаянно хотела ласки. Вот я пишу сейчас на кухне — уже сколько лет сижу здесь по вечерам, а тебе там, на нашей кровати, по-прежнему не хватает ласки».

Это правда. Она что-то слышала лучше других и больше понимала. Борис Щербаков сказал после ее смерти: «Лена была талантливейшей женщиной, и талант этот выражался не только в актерской работе, мне все время казалось, что ей известно что-то, что нам, земным, не понять».

Однажды, когда вместо Тишинского рынка был создан большой торговый центр, Лену Майорову пригласили участвовать в показе мод. В качестве гонорара она попросила маленькую черную шляпку. Она ей невероятно шла. Есть любительское видео в Интернете. Лена в этой шляпке — на выставке Шерстюка в «Манеже». Она смотрит прямо в камеру, приближает к ней лицо и говорит: «Сережка, ты самый лучший, я тебя очень люблю»... Шерстюк глубокомысленно изрекает: «Шляпы падают, потому что на голове нет ни одного инструмента, чтобы их держать»... Они действительно так похожи при всей непохожести. У них были счастливые передышки.

20 октября 1997 года.

«Родная моя, помнишь Иерусалим? Иерусалим, Вифлиеем, Назарет, Генисаретское озеро, Мертвое море? А когда мы были несчастливы? Помнишь мою руку на камне «Снятие с креста»? Как потом отвалился черный ноготь с пальца, отбитого в Чикаго? И этого больше ничего не будет? Довольно того, что было. Ты, моя советская девчонка из рода, замученного большевиками, опускала руку туда, где стоял Его крест, в Вифлеемскую звезду, сказала «люблю тебя» в Назарете, купалась в Тивериадском море, ела арбуз и смеялась оттого, что мне было плохо. Апостол Петр рыбу ловил, а я разбил фотоаппарат. Ты смеялась. Ничего счастливее не бывает. Кроме любви, ничего нет.

А помнишь гостиницу, в которой жил Иван Бунин, когда приехал в Иерусалим? «В следующий раз мы будем жить в ней», — сказал я. «Дорого», — сказала Маша Слоним. «А и хрен с ним», — сказал я. «Шерстюк заработает», — сказала ты.

Я заработаю. Я буду жить в ней. Я обещаю. Я буду жить сразу в двух гостиницах, в «Астере» в Тель-Авиве, в нашей комнате, и в комнатах Ивана Бунина в Иерусалиме. Ты

мне сказала, где жить, — где ты была счастлива. Так, как в Израиле, где еще? В Испании, на Коста-дель-Соль, на Тенерифе, в Нью-Йорке? И здесь, где я пишу в тетрадке».

Это были короткие паузы. В основном они работали, думали, смотрели, видели, чувствовали, старались не изменять своему делу — нет, не старались, — не могли бы ему изменить. Они занимались искусством, и лишь она слышала над собой: «Тик-тик». Его до времени спасало сознание того, что она рядом.

19 марта. 1998 года.

Он уже практически в пути к ней.

«Утром просыпаешься, молишься, завтракаешь, и хочется пошутить. Не спеша. Потянуться, зевнуть и спросить: «Ну, и что вчера Шкаликос учудил?» — или: «Как там Мишка Ефремов?» Незаметно втянуться в узнаваемые подробности, пристроиться за трельяжем, наблюдая легкий макияж, зевнуть, чтобы услышать: «Просыпайся и иди в мастерскую. Иди-иди работай, художник», — и пошутить... Чтобы поймать в зеркале твои сердитые глаза, готовые брызнуть мне в самое сердце — от смеха. Ах, как не вовремя — ведь ты спешишь на репетицию, и нога твоя меня сводит с ума, и рука на ноге, и губы, вытягивающиеся к губной помаде, я скребу пальчиком по твоей шее, ты прижимаешь к губам указательный пальчик: «Вечером». Ах, какой мучительный день до самого вечера! Это ж сколько всего придется делать, а сколько не придется — именно потому, что «вечером»...

Вчера, разговаривая с Гогеном по телефону, придумал, что настоящему мужику мало иметь готовое завещание, необходимо, чтобы в случае кончины люди, войдя в комнату усопшего, на столе обнаружили готовый мемориальный фильм. Чтобы не потом, после смерти, какие-то мало-

значачие в жизни усопшего люди рассуждали о глубине его проникновения в сокровенное, а кто-то в кадре пускал слезу, а кто-то с камерой на бюджетные средства бродил по указанным улочкам, нет, чтобы с ходу на бетмаксе был уже готовый фильм....

Я придумал, что в своем фильме я и разу не должен быть трезвым и глубокомысленным, а всего-то и нужно, чтобы собрать кассеты моих друзей и записать только пьянь, кураж и глупость. Деньги, сэкономленные автором, перевести в вытрезвитель №15. Правда — вещь более волшебная, чем деликатность. И хоть это не вся правда, но ведь подлинную кассету у Бога не выпросишь...

Леночку на велосипеде я вчера так и не увидел. Я не в претензии. Леночка на велосипеде — эзотерическое знание. Леночка на велосипеде спасала мир. А Господь раздумал его спасать, потому и спрятал от всех, как она носилась по дорожкам средней полосы России, потому что у того, кто это видел, разница между красотой и духом совершенно стиралась. Я это видел. Я знал, что разницы нет и можно жить вечно. Я даже забывал страхе, что мы с Леночкой просто совпадали по времени — что в мое земное просто попал кусочек ее небесного. Мол, так надо. Сережа, лови мгновение! Я думал, что уловил его навсегда. На эту жизнь и на ту. Дудки! Ты был и есть, Сережа, счастливый человек: тебе разом показали и землю, и небо, да с какой любовью.

— Я с тобой, Сережа.

— И я с тобой, Леночка.

— Не ной и выздоравливай. Земное время — тоже счастье. Тяжело без меня?

— Да, очень. Я не могу без тебя.

— Научись.

— Сколько же мне учиться.

— Все оставшееся время.

— Поговори со мной.

— Я много не могу. Чуть-чуть. Сережа?

— Да.

— Сереженька?

— Я слышу, Лена, ну еще чуть-чуть...

Вот и все, тишина, тикают над кроватью часы. Дуська с мурлыканьем вошла в комнату, трется о мои ноги. Развалилась на ковре и колышет задницей. Весна. Пора давать контрасекс...»

Есть ли большее горе, чем счастье великой любви? Ее подчас невозможно вынести. И без нее — край.

ГЛАВА 23

Создан такой документальный телевизионный сериал — «Тайные знаки». Каждая его серия посвящена историческому персонажу, чья судьба носит какой-то необычный, мистический характер. Одна из серий называется — «Погибнуть, чтобы спастись». Это о Лене Майоровой. Автор говорит о ее красоте, таланте, успешности. О головокружительной карьере, невероятной востребованности в кино и театре, сверхудачном браке и о страдальческом восприятии действительности. «Она точно ненавидела эту жизнь, как будто безжалостно мстила самой себе, перебирая разные способы наказания и в конце концов выбрала самый странный и самый жестокий». По этому кругу ходят очень многие люди, привлеченные пламенем ее ухода. Я с первой строки пишу о том, что все было наоборот. Она любила жизнь, как максималистка, не прощая ей разочарований. Ничего головокружительного не было в том, что уникальная актриса была замечена. Но она не была востребована в той степени, на какую не могла не рассчитывать. Более того, она стала свидетельницей краха кино, да и театра тоже. Ее полюбил необычный человек, их связь была неразрывной, они могли бы до естественного конца полноценной жизни говорить лишь о любви, если бы эта жизнь не разрушала стены их укрытия. Если бы они не шли друг к другу с надорванными сердцами и нервами в клочья. Сергей был в большей степени созерцателем, а Елене нужен был воздух не из кислородной подушки. Ей мог временами казаться тюрьмой и любимый дом, и брак, разрушить который невозможно, ибо это предательство. И родной театр, сцена которого омыта ее горючими слезами, с

режиссером, не спускающим глаз: шаг вправо, шаг влево считаются побегом. Ей хорошо было за границей, но она должна была мчаться в Москву, чтобы работать. Навязчивые идеи чеховских «Трех сестер»: в Москву и работать. Она любила жизнь, но переставала любить себя в интерьере разрушенной гармонии. Примерно так и выглядели ее портреты кисти Шерстюка. Он умел все видеть, только выводы оставлял для своего дневника.

Журналистка Ольга Кучкина написала такие незатейливые стихи на смерть Лены Майоровой:

Бедный факел. Рыбачкина дочка.
Божья радость. Актриса наотмашь.
Белый ангел. Петля от крючочка.
А крючок или пламя — не помнишь.

Как сгорают в любви и в искусстве,
Так сгорела красавица Ленка.
Божий дар. Ломтик славы надкусанный.
Голенастая, в пепле, коленка.

Мы до сих пор так много говорим и пишем о том, что произошло с Еленой Майоровой 23 августа 1997 года, потому что не сумели пережить случившееся. Воображение до сих пор клинит. Чувства невозможно привести в порядок. Да, я хочу сказать, что смерть Елены Майоровой стала частью нашей жизни. Мы до сих пор с помощью «бедного факела» — «красавицы Ленки» — пытаемся что-то рассмотреть в себе, понять, как мы выглядим со стороны, что есть внутри. Есть ли вообще такое понятие — «мы». Как были все в растерянности в том августе, так и не вернулись хотя бы в формальную собранность.

Какую странную заметку опубликовала газета «Коммерсантъ» 26 августа 1997 года.

«Смерть актрисы.

МХАТ имени Чехова потерял приму и четыре спектакля.

Елена Майорова покончила жизнь самоубийством.

В субботу, за несколько дней до начала нового театрального сезона, в Москве совершила самоубийство ведущая актриса МХАТ имени Чехова Елена Майорова. Скорее всего, МХАТу придется снять с афиши спектакль «Три сестры», которым он планировал открыть свой сотый сезон, — заменить Майорову в нем некому...

Ничто не предвещало такой страшной трагедии. Елена была на взлете своей артистической карьеры, у нее все было в порядке и в театре, и в кино. Она была молода, красива, прекрасно жила с мужем. Непонятно, что могло подвигнуть ее на такой шаг», — сказала помощник художественного руководителя МХАТа Татьяна Горячева. Люди, близкие к театру, говорят, что спектакли «Три сестры», «Тойбеле и ее демон», «Иванов» и «Тартюф», скорее всего, будут сняты с репертуара — заменить актрису в них некому».

Прошло столько лет, а место Майоровой — актрисы гипнотического темперамента, уникальной естественности, удивительной самоотдачи — так никто и не занял ни в театре, ни в кино. А сколько раз пугали снятием с роли, доводя до паники, истерики, не утверждали на главные роли, навязывали амплу проводниц, буфетчиц, вахтерш. Ничего страшного, любую роль можно очень хорошо сыграть, если ты Елена Майорова. Но то, что режиссеры с помощью критики так навязчиво заталкивали ее в нишу обслуживающего персонала, сейчас кажется вообще провокацией. Хорошие были фильмы — «34-й скорый», «Скорый поезд» и др. Но железнодорожная тематика устарела, фильмы эти даже не найдешь на DVD, а зритель в

свое время просто пропустил актрису огромного масштаба. А, это фильм с Майоровой — наверное, про вокзал. А уже был «Дядюшкин сон», «Парад планет», «Возращение броненосца», «Двое и одна», будут «Затерянный в Сибири» и «На ножах». Она сыграет это со страстью и мукой, не сомневаясь в том, что это никто не увидит.

Быстрее всего при жизни Елены Майоровой и Сергея Шерстюка распространялись сплетни о застольях, скандалах, срывах. Как до сих пор пишут в трактатах всякие «чайники» — «пьющая и курящая» актриса Елена Майорова дошла до того, что сожгла себя.

А между тем, вокруг этой пары собиралась настоящая элита (сейчас это слово кажется почти ругательством), поляна серебряного века. Они были в центре по-настоящему светской (опять звучит неприлично) в нормальном смысле слова жизни. Вот отрывок из заметки «Коммерсанта» 1994 года:

«...Как видим, в московской светской жизни не осталось и тени низкопоклонства перед иностранцами. Ведь в прежние времена увидеть на одном приеме кинорежиссеров Александра Митту и Алексея Германа, художника Татьяну Назаренко, поэта Евгения Евтушенко, актрису МХАТа Елену Майорову, главного редактора журнала «Золотой век» Владимира Салимона можно было или в посольстве большой державы, или в Кремле при вручении звезд героев труда. В прошлую субботу, однако, все они встретились в Филях, в довольно скромной обстановке галереи «Марс» на вернисаже Сергея Шерстюка, где и выпивали с удовольствием непритязательный совиныйон, водку «Нью-Йоркскую». Общение было оживленным. Поэт докладывал желающим об академической жизни далекой Оклахомы, откуда вырвался на свои профессорские каникулы. Евтушенко явно соскучился по Москве и ЦДЛ, где в понедельник не преминул устроить презентацию своего

нового романа, вышедшего еще морозной зимой. Салимон обещал интересующимся уже на будущей неделе подарить по свежему пятому номеру своего журнала. Дамы говорили о делах частных».

Они жили, работали, любили, общались, а награды придут потом. Когда им не нужно. 22 декабря 2000 года премию «За лучшую публикацию года» журнала «Октябрь» получил... «Историк искусства, лидер московской школы художников гиперреалистов и, как оказалось, незаурядный писатель, которого еще предстоит открыть, Сергей Шерстюк — прежде всего многоликий автор собственных дневников. Дневник последнего года жизни Сергея Шерстюка — не предисловие к смерти или гибели, но история жизни, сплетшейся с любовью. «Украденная книга» — фрагмент жизни художника после трагической гибели жены, Елены Майоровой, примы ефремовского МХАТа. Чтение потребует от читателей большого мужества и открытого сердца, так как перед ним предстанет последняя в XX веке трагическая история любви, неведомым чудом свершившаяся в современном обмельчавшем мире».

Он был бы доволен. А награда для нее? О! Так много глаз продолжает проследивать ее путь, так много слез вызывает до сих пор любой кадр с ее участием, столько новых зрителей подросло и поумнело, чтобы понять ее душу, оценить талант и красоту... Оборву эту мысль. Глазам горячо. Но главная награда — от любимого. «Украденная книга».

ГЛАВА 24

Не устаю удивляться тому, как хорошо Сергей Шерстюк знал свою жену. Она действительно была человеком чистым, даже целомудренным, отзывчивым, демократичным. Такую прекрасную, страстную женщину многие мужчины называли другом, подружкой. Леонид Черток, который был в 1983 году механиком по обслуживанию съемочной аппаратуры 5-го разряда, написал очерк памяти Гундаревой в информационном агентстве RUSNORD. «Я с Наташей работал в 83-м на «Одиноким предоставляется общежитие»... Режиссер Самсон Самсонов был известный ловелас: отсюда и количество женских тел на экране... Но с главной героиней этой картины — полный облом... Лена Майорова, подружка моя покойная, вечная ей память, его просто послала на «три веселых буквы». Если отбросить все сплетни, содрать всю шелуху с имени Елены Майоровой, то совершенно очевидно: она стремилась к тому, чтобы все было на своих местах. Работать — так работать, любить — так любить, а если нет — посылать «на три веселых буквы». Она не интересовалась гонорарами, боялась посмотреть в зал после спектакля, так была выжата, вряд ли слышала аплодисменты. Но любовь зрителя она должна была ощущать постоянно, у нее было безошибочное чутье. Но об этом не могло быть и речи: публика ее практически не знала. Обстоятельства, время, личные причины, в том числе и способность посылать куда-то режиссеров с недельными предложениями, проблемы самой публики, потерявшей в безвременье, — все это создавало вокруг Лены замкнутый круг.

Некоторые авторы пишут о мощи и ярости ее таланта, объясняя это тем, что «силы у нее были немерянные». Не знаю, о

чем идет речь. Но, похоже, о могучей стихийной энергии, для которой нет преград. Что-то типа коня на скаку остановит. Трубы же изолировала. Да, «мощь и ярость» были на сцене, перед камерой, а потом... Видео последних лет. Лена идет по двору, оглядывается, чуть улыбается, как Джоконда. Высокая, очень худенькая, бледная. Огромные, страдающие глаза, как у потерявшегося ребенка. О таких людях в народе говорят: «Как с креста снята». Это изнеможение. Дело в том, что не бывает «немерянных» сил, чтобы играть настолько достоверно чужие боль, отчаяние, страсть, надежду, чужую гибель. Это все нужно было носить в себе: такую эмоциональную глубину. То, что достойно выполняется на технике, профессионализме, то и воспринимается спокойно, как всего лишь кино, всего лишь театр. Роль Лены Майоровой, как нередко говорила она сама, не заканчивалась по команде: «Стоп. Снято».

Один из персонажей фильма «Закон» так говорит о героине Елены Майоровой, которую судили за подготовку террористического акта против Сталина: «Стоит, как тростиночка, одна, а эти все визжат...» Я даже вздрогнула от этой фразы, так она подходит самой Елене Майоровой. Режиссер Владимир Наумов всегда безошибочно подбирает актеров для своих картин. А выбор Майоровой на роль Татьяны Самариной, невинно осужденной, всеми преданной, — такая удача. Правда, сценаристы — Л. Зорин, А. Алов и В. Наумов — сюжеты о конкретных человеческих судьбах использовали в качестве иллюстраций, что ли, к живописному полотну исторического момента: смерть Сталина, арест и расстрел Берии, пересмотр сфальсифицированных дел... И роли Самариной не хватило ни текста, ни развития, ни завершения сюжета. Этой, самой интересной, роли попросту не хватило. Или не хватило бы, если бы ее играла другая актриса.

Девочка и мальчик пытались спасти выброшенного на берег моря дельфина. Тащили его к воде... Пройдут годы. Мальчик станет следователем прокуратуры, и на его столе окажет-

ся дело, предназначенное для пересмотра. Он приблизит к глазам фотографию взрослой женщины с огромными глазами девочки, увидевшей умирающего дельфина. Он узнал ее, приехал в тюрьму. Самарина — Майорова сидела перед следователем и не узнавала его. Она ничего не видела, она ничего не могла вспоминать, она хотела лишь подтвердить выбитое признание в попытке убить Сталина, чтобы ее оставили в покое. Она не была живым человеком. Застывшее, изможденное лицо, гладкие волосы с прямым пробором, погасшие глаза жертвы, смилившейся с тем, что она жертва. Следователь докажет ее невиновность, она приедет в Москву, позвонит в дверь своей квартиры... Ей откроет муж, из-за спины которого виден профиль другой женщины. Самарина — Майорова молча посмотрит мужу в глаза, остановит взглядом неловкое бормотание, из которого вытекает, что он мог быть причастен к ее аресту. И рванется прочь — от теплого порога на зимнюю стужу, где у нее больше никого нет. От предательства — к гордому одиночеству и свободе. Бывший друг детства найдет ее засыпающей на заснеженной скамейке, уже не станет напоминать ни о чем, пригласит в ресторан. Она согреется, выпьет водки, улыбнется, начнет оживать. Перемены в ее лице можно фиксировать посекундно — это будет интересно и точно, как в документальном кино. Исчезнут тяжесть и обреченность, лицо станет молодеть и хорошеть на глазах. Ее пригласит на танец незнакомец, она согласится, вернется и скажет с почти счастливой улыбкой: «Он мне свидание назначил». Ясно, что она на это свидание не пойдет, но этот эпизод уже похож на нормальную жизнь молодой женщины. Женщины, в глубоких и мудрых глазах которой еще отражается пережитый ад. Она нальет еще водки себе и своему спутнику и произнесет тост: «Аминь». И больше в фильме с этой героиней ничего не произойдет. То есть она согласится переночевать в квартире следователя, по-прежнему его не узнает, скажет лишь, что очень хочет спать. Они будут спать в разных комна-

тах. Утром он бросится к ней и обнаружит лишь записку: «Спасибо. Извините». С точки зрения драматургии это не роль, а наброски к ней. Сюжет для отдельного, хорошего фильма. Но Майорова сыграла, как всегда, настолько яркий, запоминающийся характер, что Татьяна Самарина западает в душу как реально существующий человек, очень похожий на Елену Майорову. А таких людей в природе очень мало.

Режиссер Иван Дыховичный рассказал однажды сценаристке Надежде Кожушанной историю о женщине из высшего круга советской аристократии и ее связи с простым носильщиком в 30-е годы. Этот сюжет лег в основу фильма «Прорва», главную роль в котором сыграла выдающаяся немецкая певица Уте Лампер. «Я увидел ее в Париже, в модерн балете Бежара, и понял, что это Марлен Дитрих и Грета Гарбо одновременно... Озвучивала Уте Лампер Елена Майорова — единственная актриса, совпавшая с ней не только по тембру голоса, но и по состоянию души», — говорит режиссер. Когда Елена Майорова ездила по миру со спектаклем Питера Штайна «Орестея», многие международные критики называли ее русской Гретой Гарбо. Похожа. Стиль. Драматичность. Загадочность.

ГЛАВА 25

Искусствовед Владимир Левашов вспоминает: «Как-то мне пришлось поучаствовать (в роли зрителя) в просмотре будущих актрис, которых отбирал для своего курса главный режиссер одного из театров (сейчас это называется кастинг). Молоденькие девчонки чего-то читали, что-то изображали. Мэтр, казалось, дремал. И вдруг ожил, потянулся вперед, как гончая, учуявшая дичь. И ничего, казалось бы, особенного: девчушка и девчушка. Но он смотрел на нее так, что всем было ясно: уж эту точно возьмет. Каково же было общее удивление, когда он после кастинга заявил: «Не возьму. И передайте ей: пусть держится от театра подальше!» Ему возразили: «Но она же талантлива!» «Талантлива? — презрительно спросил мэтр. — Она гениальна! И я не хочу искалечить ее судьбу!»

Позже в ресторане ВТО (тогда еще не сгоревшем), после нескольких стопок коньяка он разоткровенничался о горькой судьбе гениальных актрис, с которыми ему пришлось работать:

— Ольга Яковлева, любимая актриса Эфроса... Где она? Кто ее помнит?.. Лена Майорова... Сожгла себя, дурочка... А какая была актриса, какая актриса!..»

Не только Сергея Шерстюка мучило чувство вины перед Леной. В какой-то степени его испытывали, испытывают все, кто знал, понимал, любил Лену. Владимир Левашов привел яркий пример того, как эта витающая в воздухе неконкретная вина прорвалась в конкретном случае просто приступом ответственности за чью-то судьбу, которая может оказаться та-

кой же горькой. Гениальна? Так пусть никогда не станет актрисой. На этом пути — гарь и пепел следов Елены Майоровой.

Критик Анатолий Смелянский так сказал одному изданию о том, что же произошло с Майоровой:

«Как ни ужасно, эта трагическая история вписывается в ряд многих актерских запредельных судеб. Елена Майорова — не первая и не последняя. Существует некий образ сгорания, какого-то внутреннего раздрага, который, когда поселяется в актере, уже неостановимо ведет его к гибели. Что это за механизм? Конечно, он таинственным образом связан с природой этой профессии, с тем, что любой настоящий актер живет эмоциями, и все, что идет поперек этих эмоций, его вдруг разламывает. Человек с нормальной толстой кожей, конечно, не воспринимает окружающее так остро, как художник, по своей природе абсолютно открытый миру.

Я мог бы привести хрестоматийные примеры, когда Михаил Чехов, который был на грани самоубийства и на несколько лет покинул Художественный театр, буквально разносил себя вдрызг. Вот и теперь: жуткий финал, но он под силу только очень одаренному человеку с невероятной эмоциональной жизнью. Лена подожгла себя, выбежав на лестничную площадку, она совершила этот акт — чисто актерский по сути. Потому что решение уйти из жизни в огромном большинстве случаев — дело интимное, замкнутое: закрыться в квартире и никого больше не видеть. Здесь, как это ни страшно и даже кощунственно прозвучит, — это все равно публика, все равно театр.

Это была ведущая героиня Художественного театра, она единственная исполнительница роли Маши в «Трех сестрах», и так, как она играла, у нас давно никто не играл. Финал, когда она, переломленная надвое, играла прощание, для меня абсолютно уникален... Это была очень крупная актриса. С абсолютно незащищенной эмоциональной жизнью. Здесь единственное реальное объяснение трагедии...

В последнем интервью актриса сказала: «Так, может быть, без меня было бы на земле пусто? И когда в это веришь, жить легче становится, люди тебя принимают... Я человек сильный, неподдающийся и способный защитить себя в любой ситуации...» И неожиданно, без связи с предыдущим, без объяснений: «Я буду бороться до конца, и это будет страшно...»

Она так боролась? Так собрала силы и защитила себя? От жизни? Похоже, что именно так. Она, такая четкая и ответственная в работе, не завершила начатое. Не было закончено озвучание «На ножах», не началось озвучание картины «Послушай, не идет ли дождь». Она бросила чеховскую Машу, Тойбеле, которых никто не мог так сыграть, как она. В начале сентября 1997 года должны были начаться съемки «Бедной Саши» Тиграна Кеосаяна. По результатам проб режиссер, говорят, предпочел Майорову Алене Хмельницой, своей жене. После трагедии на роль была срочно утверждена Вера Глаголева.

Елена Майорова узнала о том, что без нее на земле стало пусто?.. Мы можем лишь предполагать, что если она захотела прояснить этот страшный в своей окончательности вопрос, стало быть, ее час X настал. Сил осталось лишь на последнюю муку. Говорят, бог посылает человеку столько страданий, сколько тот может вынести. Но это же все на глаз. Мера страданий. Чуть больше, а кожа чуть тоньше — и перебор.

Сергею Шерстюку за девять последних месяцев жизни не раз казалось, что смерть рядом, в минутах ходьбы. А потом он опять обнаруживал себя на земле.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

6 февраля 1998 года.

«4 февраля я чуть не помер. Я отправился сдавать кровь на четвертый этаж, а, поскольку лифт там не останавливается, вышел на шестом и добрался по лестнице. Но опоздал.

Глядя на закрытую дверь, я подумал, что очень хочу спать. Дышалось с трудом. Поскорее бы добраться до кровати. Пришел в себя на лестнице в позе зародыша. Руками я, видимо, чтобы не упасть, схватился за перила. Никого. Мокрый. На голове бульдозе, в руке лимонка с выдернутой чекой. Приподнялся, сделал несколько шагов — и опять. Помню, что приходя в себя, подумал: «Ну, вот, больше ничего не могу». Как-то добрался к лифтам — никого, кнопку нажать нет сил. Сполз по стене к полу и замер. Кто-то нашел меня, затолкал в лифт, я, наверное, сказал: «Двадцать второй этаж», — иначе как бы я оказался в палате. В лифте я подумал: «Ну вот, Леночка, мы и рядом». Все, ничего более. Потом, когда меня на бешеной скорости водили по всему центру две медсестры, в одном из лифтов мне показалось, что где-то отвалились мои ноги, ну, просто не вместились в лифт, и дверцы их отчикали. И где-то одна из врачей сказала: «Не помрешь сегодня, еще не домучился».

А вот сейчас мне кажется, что я таки добрался с лестницы до лифта и смог нажать кнопку, а когда дверь раскрылась, то вошел в лифт без чьей-либо помощи. Далее не помню и ничего не кажется».

Эти двое, мужчина и женщина, были всегда в таком прямом контакте с миром, что отдавали ему отчет о каждой секунде своей мученической смерти. «Я актриса», — скажет, уходя, Елена Майорова. Они себя не щадили и в восторге, изумлении, наслаждении. Для этого тоже нужны силы и тончайшие, восприимчивые души.

18 февраля 1998 года.

«Слабость такая, что вот уже несколько дней ничего не читаю, не смотрю и, разумеется, не пишу. Я в нашей комнате: слева от меня мольберт с чистым холстом, справа компьютер, я — за столом, под зеленой лампой, на зеле-

ной скатерти мой дневник среди баночек, скляночек, лекарств, чайников, фруктов и книг. Тут же пейджер, пульта управления, очки, часы. Стол больного человека. И я ничего не понимаю. Я хотел бы сесть с тобой рядышком и вспомнить, как мы отдыхали у твоей бабушки под Невельском. Дом отделен от моря пустынным шоссе и японской узкоколейкой, по которой несколько раз в день в разных направлениях проходит поезд с маленькими японскими вагонами. Мы ездили на нем из Южно-Сахалинска, прижимаясь друг к другу и упираясь коленями в колени твоей мамы — сиденья были рассчитаны на японцев. Я проводил руками по твоим ногам и говорил: «Ну ты совсем не японка». А в домике мы ели ложками красную икру с разваристой картошкой. Сашка, твой дядя, с утра браконьерничал и к завтраку успевал засолить. Был сухой закон, и мы везли водку из Южно-Сахалинска, а в последние дни ее приходилось добывать в несусветных очередях в Невельске. Пока Сашка и Коля, другой твой дядя, со своей возлюбленной, похожей на очень старую Джульетту Мазину и Эдит Пиаф одновременно, с губами цвета свеклы, пробивались к ритуальному напитку, мы валялись у моря, бродили вдоль дюн, купались, я рассматривал водоросли, ты вязала. И каждый день в нашей деревушке происходили чудеса.

Я бы спросил сейчас, а как она называется? Ты бы ответила. Я не помню. Иногда в мареве просвечивал Хоккайдо. Вода была теплая, не то что в Тихом океане. Однажды всю ночь от полной луны отделялись концентрические круги и расползались по Вселенной. Мы с замерзшими сердцами сидели всю ночь на дворе и, когда появился Сашка, убедились, что наблюдали чудо, — он сказал, что никогда ничего подобного не видел и ни от кого не слышал. Спустя много лет кто-то рассказал мне об этом явлении. У него даже есть название. Ты стояла по-

среди двора, раскидывала руки, прижимала их к лицу, вскрикивая: «Вот это да!» Восторженно обхватывала мои плечи: «Сережа, что это? Вот это да!»

Глаза. Опять вот то самое, не подвластное разуму, — твои глаза. Ты видела, чего не видел никто. Если ты видела, то мгла становилась зримой — не для меня, погруженного во внутренний хаос и непроглядную реальность, — зримой вообще. Можно было жить. Зримые издавна звуки. Накатывалась волна. Шуршала под ногами галька. Хлопали двери. Теперь — тишина. И в этой тишине не знаю, кто я такой. А как можно знать, если не видишь?»

Можно было жить, пока она смотрела на мир своими невероятными глазами...

ГЛАВА 26

Однажды Елена Майорова услышала песню «Ленка» и даже испугалась: ей показалось, что эта песня о ней. Потом узнала, что это песня Леонида Филатова и Владимира Качана, написанная в 1966 году. Лене было тогда восемь лет, и жила она в Южно-Сахалинске. Лена очень полюбила эту песню. После ее гибели она прозвучала в одной из телепередач, посвященной памяти Елены Майоровой. Так и получилось, что это о ней. Я слушаю ее, вчитываюсь в слова и поражаюсь массе совпадений.

А я, представь, не верю в эту ночь.

Огни мерцают фарами,

В купе бренчат гитарами,

А Ленка курит в тамбуре

И смотрит в ночь, в такую ночь —

Что поскорей бы утро,

Иначе трудно чем-нибудь помочь.

Такой уж странный Ленка человек —

Стоит и молча кается,

И не реветь пытается,

И проклиная аиста,

Что в этот мир меня принес, —

Ужасно глупый аист,

Ему бы залететь не в этот век.

Солнцу пожалуйся,

Ветру пожалуйся,

Шпалы за поездом

Пересчитай,

Только, пожалуйста,

Только, пожалуйста,
Ленка, прошу тебя,
Не уезжай.

Ты видишь, вот горит моя звезда.
Ты спишь — дождями светлыми,
Полынью перед вербами,
Морями или ветрами.
А там — в огнях Караганда
И пахнет чем-то горьким,
Чем пахнут все чужие города.

А чем нехороша Караганда?
Колючими ответами,
Сырыми сигаретами,
Вокзальными буфетами,
Как конвоиры — продавцы,
Прилавки, как лафеты,
А ты кусаешь губы — не беда.

Вот парочка московская точь-в-точь.
Сейчас они расстанутся —
И что тогда останется?
Дожди и эта станция,
И эта ночь, такая ночь —
Что поскорей бы утро,
Иначе поздно чем-нибудь помочь.

Слишком много совпадений. Слишком яркая, открытая жизнь. Вот поэтому так легко найти совпадения. В фильме-катастрофе Андрея Малюкова «34-й скорый» Елена Майорова играет проводницу. Поезд трогается, и вдруг загорается вагон. Проводница бросается спасать пассажиров. Недавно я нашла что-то типа инструкции какого-то теоретика пожар-

ных, который пишет, что во время съемок картины «34-й скорый» актриса Елена Майорова едва не погибла в огне. Оказывается, этот пожар был не просто здорово поставлен и снят. Это была немножечко халатность, а Лена уже находилась в образе проводницы. Она бросилась в настоящее опасное пекло. Она была уверена, что больше никто не спасет пострадавших. Это хороший фильм с очень хорошими исполнителями. Лев Дуров, Александр Фатюшин, Ирина Печерникова, Марина Шиманская. И проводница Серафима — Майорова. Главная роль. Даже не по экранному времени, а по невероятной органичности, естественности, обаянию. Как ни посмотри — нет игры. Есть прелестная Серафима, которая живет своей жизнью среди актеров, отлично играющих свои роли. Живет своей жизнью и очень интересуется чужой. Она же — проводница, она два года колесит, убегая от предателя — возлюбленного, который женился на другой. Такая хорошенькая, милая, открытая, доверчивая. И расскажет все про себя «запавшему» на нее пассажиру, и поревет в голос из-за предупреждения строгого инспектора. И... сейчас эти кадры, конечно, смотреть стало невозможно. Этот пожар, женское лицо в огне. Отчаяние, страх, решительность в огромных глазах... Лицо Лены. В нем — то ли есть, то ли чудится вдруг возникший азарт смерти... Такая роль для человека с таким богатым воображением. Кстати, именно на этой картине произошло то, чего Лена Майорова боялась, когда была студенткой. Она играла рядом с Мариной Шиманской, которую считала эталоном женской красоты. Своей, кстати, лучшей подругой. Марина Шиманская — невеста в свадебном платье, — в своем неизменном кукольном амплуа. Ужасно милая, приятная, инфантильная. Камера явно больше полюбила Елену Майорову, которая же, конечно, даже себе этого не сказала.

Уникальный кинорежиссер Геннадий Полока снимает, как он сам говорит, «антикино». Это, как правило, завораживаю-

щее зрелище, от которого невозможно оторваться, калейдоскоп характеров, ситуаций, блестящий подбор исполнителей. Уровень кино, считает Полока, определяют актеры. Он ищет актеров, способных потрясать. «Все художники — эгоисты с гипертрофированным самолюбием, но когда ты видишь чудо, забываешь обо всем, — говорит он. Таких актеров было несколько — Павел Луспекаев, Елена Майорова...»

Павел Луспекаев был действительно чудом. Роскошный, богатый актер, о котором язык не повернется сказать скучное слово «профессионал». Это стихия, откровение, восторг. Великомученик Павел Луспекаев. Борец с постоянной адской физической и нравственной болью. И чудо — Лена Майорова, о которой все, как заведенные, повторяли: МХАТ, квартира на Тверской, муж — генеральский сын, силы «немерянные»... Дурью, типа, мается. Такой же «дурью» маялся гений Высоцкий с его великой славой, востребованностью, женой — Мариной Влади.

В кровь ли губы окуну
Или вдруг шагну к окну.
Из окна в асфальт нырну —
Ангел крылья сложит.
Пожалеет на лету —
Прыг со мною в темноту,
Клумбу мягкую в цвету
Под меня подложит...

Им никто не подкладывает клумбы в цвету — вот в чем проблема. Ангелы для своих благодеяний находят личности попроще. И как же нам выбраться из этой ловушки. Мы хотим от искусства потрясений, наши души оживают от слез восторга и сопереживания, мы, как праздника, ждем встречи с уникальным актерским дарованием, следим за судьбой тех, чьих имен — несколько... Но когда с кем-то из кумиров про-

исходит несчастье — а с ними слишком часто происходят несчастья, — мы остаемся с чувством потерянности, ощущением брошенности. Есть люди, которые об уходе Лены Майоровой говорят, как о предательстве. Есть немало настолько здоровых организмов, которые о трагедии актрисы говорят чуть ли не с безразличием. Безответственность, дурной пример для остальных, отсутствие благодарности «за все хорошее». На истории Елены Майоровой, других актеров с трагической судьбой «пиарят» себя психотерапевты, рекламируются антидепрессанты.

«Заболел я душой, что вернулась ко мне...»

(Статья в газете «Труд», 2006 г.)

«Есть особые профессии, в которых запредельное напряжение психики — непереносимое и неизменное условие работы, — пишет автор Светлана Сухая. — Актерство — в их числе. Инструмент пианиста — рояль, инструмент певца — голос, главный инструмент актера — собственные нервы. Талантливый артист всегда раним, всегда «живет без кожи». Отсюда — частые нервные срывы, душевные метания, депрессии. Известно, что тяжелые периоды душевной «непогоды» переживали замечательные Олег Борисов и Олег Даль, резала вены себе на руках трагически и странно погибшая Елена Майорова. В этом же ряду и любимый всей страной Владимир Высоцкий — не спасла его наша любовь... Мы уже привыкли к рассказам о «веселой» разгульной жизни актерской братии. Но разве непонятно, что бутылка для многих из них — всего лишь доступное средство «разгрузить» психику», унять усталость и боль души... Живая душа опять болит, это нормально. Помните, у Юрия Шевчука: «Заболел я душой, что вернулась ко мне»... Но нельзя ждать, пока боль эта заведет в тупик, за которым небытие. Нужно учиться вовремя врачевать душу. Иногда с помощью профессионалов».

Правильно, что тут скажешь. Кроме: качество услуг этих профессионалов. Побочные эффекты антидепрессантов и т.д., что не здесь стоит обсуждать. Но я знаю людей, сидящих на антидепрессантах, — сейчас их пруд пруди. Молодые, здоровые бизнесмены, менеджеры, представители шоу-бизнеса. Если внимательно к ним присмотреться, последствия препаратов, «не имеющих последствий», — всегда заметны. Я близко наблюдала страдания Олега Борисова, знала о том, как умеет терзать себя такой спокойный с виду Евгений Леонов... Все то же. Изнеможение, невероятное нервное напряжение, бешеный ритм. А выйдут на сцену, на съемочную площадку — чудо. Потрясение. Великие актеры не хотят лечить свой талант. Ибо их больные души — это и есть он, талант, о котором даже говорить не каждый имеет право, так он уязвим, беззащитен и необходим.

Мне кажется, у нас, зрителей, есть один выход. Мы дарим своему кумиру аплодисменты, восторги и слезы. Давайте же будем еще щедрее и великодушнее. Давайте понимать и принимать их трагедии. Прощать даже собственную боль. Ведь их боль была адресована нам. Они должны Там знать, что наш шок, наша растерянность, наша горечь — это, быть может, самые важные в их судьбах аплодисменты.

Есть личный сайт в Интернете «ATTRAVERSIAMO», что в переводе с итальянского обозначает: «давайте перейдем на другую сторону». Автор — ее имя или ник — *irina_gracheva* — публикует свои стихи, прозаические тексты, посвященные Елене Майоровой. Есть много редких, очень хороших снимков, некоторый анализ творчества, достаточно чистый и грамотный. Есть чувство, о котором я говорю. Это не Цветаева, но это аплодисменты Актрисе.

Елена

Сто пятьдесят шагов. Я хлопну дверью,
И рассмеюсь над смертью в тишине.
Вы верите? А я еще не верю,
Но вы — не забывайте обо мне.

Я вам напомню. Просто август теплый,
В руках горячих ледяная дрожь,
И мир, как шарик надувной, так лопнул,
Что по частям уже не соберешь,

И в потемневшем воздухе московском,
И в потемневших голубых глазах
Все оказалось невозможно просто:
Один сюжет. Один прицельный взмах.

Но — я же тут. Смотрю из райской чаши,
Или из адской... Смерть — большой обман!
Я отражаюсь в ваших снах скользящих,
Когда горит над городом туман.

Вся эта жизнь — лишь тропка до безумства,
Если слова приходят — то не те;
Благословите тех, кто сбился с курса,
И подожгите спичку в темноте.

Елене Майоровой

...Нежная девочка,
Сильная женщина.
Полная чистого
Света безгрешного.

Ведь у нас только
Хорошие новости!
Глаз голубых
Неизбежные пропасти:

Полная ласки,
Простая, домашняя;
Ведьма из сказки
Могучая, страшная.

Город далекий,
Московские улицы.
Люди жестокие
К пьяной безумице.

Столь молода,
По жизни отличница;
Где-то святая
И в чем-то язычница.

Словно роса
На сентябрьских листиках;
А в волосах
Тонкой ленточкой — мистика.

....Не истеричка.
Примерная девочка.
Август. День. Спичка.
Шелк плавится, Леночка.

Все хорошо.
Все в мерцающем золоте.
Плавится шелк.
...Умоляю... не трогайте...

ГЛАВА 27

Фильм Владимира Хотиненко «Макаров» — о больной интеллигенции. Неизлечимо больной, ибо интеллигентность — и есть диагноз. Они все духовны, образованны, эмоциональны, чувствительны, ранимы. Они страдают. Даже экзотическая, странная Марго в исполнении Ирины Метлицкой. А главный герой — поэт Александр Макаров (Сергей Маковецкий) — просто что называется попал по полной программе. Он купил пистолет — «Макаров» — и утонул в новых ощущениях сильного человека, способного постоять за себя, своих близких, наказать обидчиков... и все такое, чего на самом деле с ним произойти не могло. Ибо он не защищен по определению. Но он даже влетел в стремительный роман с этой самой Марго, опасной женщиной. А рядом продолжает жить по-прежнему его кроткая, нежная, близорукая жена Наташа. Эту роль играет Елена Майорова. Она играет свою противоположность по типу, темпераменту, направленности интересов. Эта Наташа за огромными, карикатурными очками, потрепанными литературными журналами способна не заметить гражданскую войну, а не только пистолет в бачке собственного туалета. Она прожила с мужем двадцать лет, ей кажется, что она лучше всех знает, что ему нужно. Например, пачка сигарет, купленная ею некурящему мужу, чтобы он мог дать, когда кто-то попросит у него закурить. Чтобы, как обычно, не били по морде. Или слабительное, которое она ему предлагает попить во время трогательного медленного танца в день годовщины свадьбы. Музыка, свечи, воспоминания — и слабительное. Для Наташи все это в одном ряду: она так любит. Он должен быть рядом, должен быть здоровым, должен быть... Ей бы, конеч-

но, никогда в голову не пришло как-то проверить, что он там делает так долго в этом туалете. А он там свой пистолет разглядывает, пока она за застекленной дверью читает ему стихи. Когда он начинает психовать из-за того, что его жизнь стала какой-то чужой жизнью, Наташа снимает очки, смотрит беззащитными глазами и вздрагивает, сжимается от каждого резкого слова. Она так же посмотрела на него, когда наткнулась в парке: муж держал на руках Марго. Эта, совершенно необычная героиня Майоровой, готова все перетерпеть ради счастья мужа и детей, мира в доме и... во имя гармонии в поэзии, как она ее понимает. Вот из-за последнего все и произошло. Наташа — Майорова простила мужу измену, но не смогла простить как-то не так написанную поэму «Макаров». Безумная, видимо, была поэма. Собрала хранительница очага ребенка и ушла с ним в самое неподходящее место — к другу, который безответно любит ее всю жизнь. Она вернется. Но после того, как муж-поэт чуть не пристрелил этого друга, после того, как его самого чуть не убили, после того, как сам пытался застрелиться, но не сумел и выпрыгнул в окно... Финал открытый, сюрреалистический: застывшие в ужасе Наташа, друг и ребенок в проеме окна, пистолет на дорожке и улетающий вдаль в легком танце поэт Макаров.

В этой роли есть Наташа и отношение к ней Елены Майоровой. Необычно отстраненное отношение: чуть иронии, даже насмешки, немного жалости и удивления. Простота, мол, хуже воровства. Так, наверное, сказала бы Елена Майорова.

Вообще смотреть этот фильм сейчас страшновато. Новый содержательный пласт возник со временем. Эта постоянная тема смерти вокруг пистолета. То ребенок рядом с ним окажется, то выстрелит он сам в стену, то дуло к виску Макарова — Маковецкого потянется. Но главное — этот символ смерти постоянно находится между двумя героинями: Наташей — Майоровой и Марго — Метлицкой. Наташа — Майорова прячется

от него за своими очками, а Марго — Метлицкая смотрит прямо, настойчиво, почти влюбленно — как на спасение.

В жизни эпатажный интерес к огнестрельному оружию иногда демонстрировала как раз Лена Майорова. Пистолет из кобуры лихо вытащила у милиционера, который подошел к выпившей компании актеров. Был случай на гастролях, когда вся группа сидела в одном купе, смеялись, шутили. К ним заглянули милиционеры из дорожного патруля, узнали артистов, попросили разрешения рядом посидеть. Как-то так случилось, что пистолет из чьей-то кобуры вновь оказался в руках Лены Майоровой. Все заметили это лишь тогда, когда она выстрелила из него в потолок. А потом приставила дуло к своему сердцу... Перепуганный милиционер вышиб у нее из рук оружие. Похоже, в жизни пистолет действовал на Лену, как на героя фильма «Макаров», которого играл Сергей Маковецкий. Масса возможностей. Решение чужой или своей жизни. Иллюзия защиты для незащитного. Для того, кто с жизнью решил бороться насмерть. «И это будет страшно».

Да, выходки, срывы, «репетиции». Но это была не игра. Просто до поры она позволяла себе пробовать. Мысль о неизбежности смерти, о времени и качестве ухода ее занимала постоянно.

Режиссер Долгачев вспоминает о работе с Еленой Майоровой: «Однажды, репетируя какую-то сцену, она вдруг закричала истошно, стала кататься по полу. Мне это показалось ужасно не эстетичным и вообще лишним. В перерыве я зашел к ней в гримерку, сделал замечание. А она схватилась за голову: «Зачем вы это сказали? Вы мне роль ломаете! Я должна все попробовать, чтобы прорваться, чтобы понять, как должно быть!...»

Неэстетично — это не аргумент для Елены Майоровой. Для нее был один аргумент — естественность. Тяжело об этом писать, но на одном форуме обсуждалась тема суицида. За и против. Все шло на обычном обывательско-эмоциональном уровне. И вдруг внедрился профессионал. Он дал подробную

справку о том, как выглядят после смерти самосожженцы. Патологоанатомы называют их «борцами» — так уродует пламя человеческие конечности. Опущу жуткие детали. Представляете, — делает вывод автор, — как трудно это сопоставить: страшное зрелище трупа «борца» и красавицу-актрису Елену Майорову. Тот же автор не советовал стреляться, вешаться, выбрасываться из окна, натуралистически описывая результат.

Я оставляю это без комментариев. Потому что был случай, когда человеку нужно было прорваться, когда человек, возможно, решил, как должно быть...

Irina_gracheva

«...было...»

...Было пять минут до Рая.

Был счастливый человек.

Август тихо догорает.

Ты осталась в нем навек.

Было все предельно просто.

Оторваться и уплыть.

Ты осталась — синий остров

Средь оранжевой толпы.

Вот и все. Ну — стало легче?

Ад не вылечат врачи.

Хриплый голос что-то шепчет,

И смеется... и кричит...

Жизнь бросает кость, не глядя,

Все равны, в конце концов.

Тонет в светло-русых прядях

Загорелое лицо.

Эхом из глухого плена —

Как там у тебя дела,

Лена, Лена, Лена, ЛЕНА?...

...А в ответ — колокола.

ГЛАВА 28

Она болезненно реагировала на критику. Ей нужны были поддержка, похвала, любовь, «ласка», как она сама говорила. Но самые главные слова восхищения были произнесены, когда ее не стало. А при жизни ее недолюбленностью, недохваленностью пользовались не те люди. И однажды она на это, что называется «повелась». Елена Ямпольская приводит разговор с режиссером Пьянковой, которая с удовольствием откровенничала, допивая на кухне журналистки бутылку виски.

«У нее была масса комплексов, по природе своей просто провинциальных. «Как это я, заслуженная артистка, буду голая на экране? Да и фигура у меня плохая...» Я ей говорю: Ленка, посмотри на свое лицо, у тебя лицо заменит все остальное, смотри в камеру — больше ничего не нужно. Кстати, с фигурой, на мой взгляд, у нее все было идеально. Она была секс-бомба, Шарон Стоун российского разлива, голливудская звезда. Сейчас даже типажа такого нет... Мне нужна была женщина, похожая на меня, — не такая, какой меня видят, а такая, какой я сама себя представляю. Мне нужна была Ленка Майорова из «Парада планет», где она сидит, смотрит на мужика, и у нее глаза разъезжаются... Месяца два она куражилась, потом согласилась. Сценарий ей очень понравился. Она его прочла, мы встретились в Доме кино, напились, выяснили, что мы одногодки, и она все повторяла: «Мы с тобой могли за одной партией сидеть, у нас одинаковые чувства, никто обо мне так не говорил... На деньги мне наплевать, муж заработает, я хочу сделать что-нибудь для души...». Дальше «трезвенница» Пьянкова нетрезво рассказывает, как оберегала Майорову от выпивки. Она у них там была «в реквизите».

У Пьянковой этой провинциальных комплексов нет, к сожалению. Она в своем фильме спокойно сидит голая, причем такая, какой ее видят, а не как она себя представляет. Известно немало таких «провинциалок» с комплексами, как Елена Майорова. К примеру, Джулия Робертс никогда не снимается обнаженной. «Я работаю в художественном кино, а не в документальном», — говорит она.

В октябре 1997 года Сергей Шерстюк напишет: «Леночка, знаешь, за что я не люблю тех, кто лежал в сумасшедшем доме? За то, что они оттуда вышли. Минут десять назад я узнал, что «N» (Пьянкова. — Н. Р.) лежала в нем дважды. И она посмела тебя снимать. Тебя, которая убила бы всех в дурке, чтобы убили тебя. Эти из дурки вышли, чтобы убивать тебя, вышли, чтобы святую сделать сумасшедшей. Рожи этих дьяволов что ни день вселяются в нас, но ты — жалостливая к ним вопреки мне и назло — их не просто щадила, ты любила в них своих убийц. Их нельзя держать ни в доме, ни в кино. Мы с ними никогда больше не встретимся. Блаженные и советские сумасшедшие не имеют друг к другу никакого отношения. Нас с тобой — просто-напросто — убили».

Блаженные?.. Такие яркие, талантливые, амбициозные?.. А почему нет. Достоевский мог бы их так назвать. Слишком открытые мишени.

В отчаянии, потерянности, обиде они хватались друг за друга, за соломинку, за Бога... Лена познакомилась на съемках «Макарова» с ассистенткой Мариной, очень набожной девушкой. В Москве Марина уйдет в монастырь, а Лену уговорит креститься. Лена готовилась, как к премьере. Рубашку крестильную купила, крестик. Марина стала крестной матерью, отцом — Вячеслав Жолобов. Все произошло в храме недалеко от Даниловского монастыря. Шерстюк заказал столик в «Пекине» для небольшого торжества. Елена ходила в церковь, временами бежала, особенно во время работы над образом Глафиры в «На ножах». Она многое узнала о религии, вере, но

настоящее впечатление на нее произвела, пожалуй, лишь теория греха и наказания за него. Она боялась. Говорила, что бог ее накажет за роман с Олегом Васильковым. Но слишком откровенные погружения в религию ее со временем стали раздражать в других людях. Она была отличница. Религия — это не строгая теория. Вера — другое, но о ней никто никому ничего не расскажет. Это слишком личное. Она называла себя православной, но, может, ей и этот путь казался недостаточно прямым и свободным? Может, она и от Него не ждала больше помощи? Ведь она так страдала, любила, жалела, отдавала душу делу, людям. Она ждала, чтобы ей кто-то, наконец, поставил пятерку. Но все свои пятерки она получила в школе.

Елена Майорова была трагической личностью в жизни, и очень многое потеряли те режиссеры, которые не успели ее рассмотреть. А сколько потеряло кино... «Она сыграла мало трагических ролей, — говорит режиссер Александр Орлов, — хотя имела для этого все основания. Только такое искусство может действительно считаться высоким. Только трагическая актриса способна увести за собой зрителя. Потому трагедия нынче и не существует, что нет актеров, ампула вымерло. Подлинного ожога со сцены нет...»

Что требуется от актрисы, чтобы зритель ощутил ожог со сцены, экрана?

Из интервью Елены Майоровой Ксении Лариной на «Эхо Москвы» за два месяца до гибели:

«— Бывает, когда было какое-то просветление в каком-то спектакле, и ты почувствовала, что ты полетела... а как потом повторить?

— Вспоминать — это глупости. Это нельзя. Второй спектакль пытаешься повторить, а третий уже заново рожай.

— От чего это зависит?

— Ой, даже не знаю, как это было. То ли я была больная, у меня температура была повышенная, и вдруг я чувствую, что растворилась в воздухе полностью. В «Амадее», когда мы играли. И из меня какой-то юмор шел, там можно было импровизировать и словесно немножко. И где-то что-то, и несколько раз у меня так было... Это и есть вдохновение, вероятно. Когда не ты, а тобой движет какой-то образ. Но это тоже неправильно. Ведь ты контролируешь себя, ты же не сумасшедшая. Если ты отдался полностью и стал полностью Машей и Дашей, то ты сумасшедший.

Ты сыграешь только один раз в жизни своей, и после этого тебя утащат санитары. А тут ты себя контролируешь всегда, присутствуешь рядом сам, ты все понимаешь, например, очень сильные эмоции я испытываю в «Тойбеле». Меня разрывает на части. Но в этот момент я вижу — вот партнеры, вот Невинный, Шкаликов... Что это за феномен, я не знаю, как сказать. Игра это или не игра?»

В кино у нее не бывало двух одинаковых дублей. У нее практически не было неудачных дублей. Режиссеры мучились, выбирая лучший при монтаже. Игра это или не игра?..

ГЛАВА 29

Друг Елены Майоровой Евгений Миронов рассказывает о ней много и светло. Она таким человеком осталась для него — очень светлым, открытым. «Легче человека я не знал». Во время гастролей «Орестей» Лена много рассказывала ему и Татьяне Догилевой о своей жизни. «Это была очень тяжелая жизнь, но рассказывала она обо всем просто». Однажды в Сицилии после спектакля с труппой пришел познакомиться сицилийский мафиози. В белом костюме, белой шляпе, с нагловатой повадкой хозяина жизни. Лена подошла к нему в своем белоснежном платье богини Афины, и гордый авторитет оторопел, растаял. Как будто на самом деле богиню увидел. Итальянцы ведь очень суеверны, даже мафиози. «Она была проста, — говорит Евгений Миронов. — Она была проста, как царица». Чудесное выражение. Точное. Только человек, который по-настоящему любил и понимал душу Елены Майоровой, мог найти такие слова. Он говорит о любви Елены и Сергея. Они были все время друг в друга влюблены. Они так бросались друг к другу, в разлуке постоянно говорили друг о друге... За неделю до 23 августа Татьяна Догилева и Евгений Миронов купили арбуз и пришли к Лене. Это был замечательный вечер, не могли наговориться, шутили, смеялись. Вышли, и Татьяна Догилева сказала: «Вроде бы она отошла». Оказывается, она организовала этот визит, потому что Лена была очень печальной, стала замыкаться в себе. «Я до сих пор не могу себя простить за то, что совсем ничего не почувствовал. Совсем ничего такого, — говорит Миронов. — Может, она и летает где-то здесь... Она же богиня Афина. Но это так тяжело. Так тяжело».

Я иногда встречала Лену Майорову. Знакомы не были, как актрису я ее знала очень плохо. МХАТ тогда не очень принимала. В кино видела ее, в основном, в эпизодах. Но была уверена, что ее ждут настоящие большие роли, что это настоящая большая актриса. Причем эти роли уже были, просто кино тогда не было главнейшим из искусств. Я думала: «Как-то напишу о ней...» Она производила впечатление очень незаурядного, естественного человека, который легко смеется, легко идет на контакт, но строго-настрого оберегает свою тайну. Какая-то тайна есть у каждого. Тут все дело в наличии спроса. Много ли людей хочет узнать именно твою тайну. Лена решила так... Она по-всякому, с разными людьми пыталась поделиться, открывалась, как никто, в интервью, каждой героине отдавала свое сердце, свою кровь... Но отклика она при жизни не услышала. Сергей? Этот совсем другое. А в пору смутения и дискомфорта ей хотелось спрятаться и от него. Вот и спряталась от всех нас. Я видела ее несколько раз, но то, что поняла о ней после смерти, то, что почувствовала, знакомясь с ее работами, то, что заставляло меня писать о ней раньше и сейчас, — это не просто открытие, горькое восхищение, признательность, сожаление. Это узнавание. Я как будто знала ее. В ее игре не бывает не только штампов, но даже привычного набора профессиональных приемов. Но, как, видимо, бывает с очень большими актерами: каждый ее экспромт вызывает одну реакцию: да, только так. Да, так никто не скажет, не посмотрит, не рванется, не обнимет, не оттолкнет.

Сейчас мне тоже, как Евгению Миронову, хочется верить, что она летает где-то рядом, как богиня Афина. Так казалось многим. Что же говорить о Сергее Шерстюке...

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

30 сентября 1997 г. 0.50 ночи

«Вчера на кладбище случилось то, чего я так долго ждал. Вчера... Я был, конечно, хоть водка меня не берет, все же пьян. Когда мы подошли к твоей могиле, выглянуло солнце, Вета Седова высыпала на могилу твои любимые семечки для птичек, я отломил кусок свежайшего батона и положил рядом, взял твою рюмку, а в ту, точно такую же, которую принес с собой, налил смирновку «Сухарничек» и поставил на могилу. Конечно же, выпил. Вета тоже. Юрка Мочалов бродил с камерой, а Базиль еще не знал, что болен желтухой. Не знаю, что было вкусней: водка, хлеб или семечки. Было спокойно, вкусно и радостно. Мы были рядом, нас согревало одно солнце. И вдруг из левого уголка твоих губ потекла слюна. Господи, я пишу то, о чем ты знаешь. Мы бросились рассматривать фотографию, может быть, образовалась складка или откуда-то свалилась капля дождя, — нет, слюна была под стеклом, а с обратной стороны фотография закупорена двойным черным целлофаном. Мы вертели фотографию и не могли поверить, а Юрка снимал все это на камеру. Мы верили, но не могли поверить, что ты вот так запросто показала нам, что слюнки текут, — так вкусно. Ты была с нами. Чудо.

Потом мы пошли к могиле Ирины Метлицкой. Поехали. Я не туда повез. Ты знаешь, она рядом, на машине всегда проезжаешь. Солнце скрылось. Очень долго мы бродили, пошли на другой участок. Нашли. Посидели, постояли, пошли к Наде Кожушанной, опять заблудились. Нашли могилу Жоры Епифанцева... И совсем рядом нашли Надю Кожушанную. Вета говорила: «Девочки мои любимые, все разом, в один год».

Темнело. Не вечерело, но темнело. Когда мы уезжали, Вета сказала Базилью: «Остановись у Лены. Пусть Сережа

попрощается». Я подошел к тебе и не увидел никаких следов слюны.

Местечко мое рядом, Леночка. Там, где букеты цветов и твоя фотография».

Я цитирую эту душераздирающую исповедь, я верю каждой детали, но когда перечитываю свой текст, сжимаюсь внутренне. Вот кто-то прочитает, опять брякнет, как она, «пьющая и курящая», себя сожгла, как он потом пил на могиле с другими «собутельниками», как пошли искать могилы тех, кого такой образ жизни уложил в один год... Почему мне не наплевать на безымянных злобных идиотов, записных графоманов, их злорадных читателей и слушателей? Потому что я обвиняю недоброкачественную человеческую массу в том, что нас так быстро и страшно покидают лучшие. Потому что многих в их словесном экстазе возбуждает даже чужая смерть. Потому что они всегда правы: кому придет в голову им возражать. А такие люди, как Лена Майорова, Сергей Шерстюк, никогда не были уверены ни в собственной правоте, ни в праве на счастье.

Литератор Игорь Клех, подготовивший к публикации «Украденную книгу» и написавший блестящее предисловие к ней, писал еще до ее выхода:

«Сергей был разнообразно и блестяще одарен. Он соединял в одном лице художника, литератора, историка искусств, мыслителя, наконец, эстета и создателя некоего магического «театра жизни». Сочетание всех этих ролей уместнее всего определить словом «Артист», если написать его с большой буквы. Для того чтобы это сделалось очевидным всем (а, как большинство художников, он был честолюбив), недоставало только какой-то последней санкции — чтобы известность и дразнящий блеск репутации перешли в качество славы. Но было что-то в качестве времени и места, что мешало этому... Сейчас уже невозможно сказать, что именно... И вышло так,

что сама жизнь продиктовала ему то, чему он раньше не мог найти форму собственными силами. Любовь водила его рукой, дописывая книгу блужданий и страстей героя, и препроводила на тот свет ее автора. Благодаря его дневнику смерти не удалось унести следом за ним и эту книгу...

«Во всяком случае, не мне, Козерогу и Сатурну, коту и экстремисту, трюндеть о счастье», — написал он в своем дневнике «Джазовые импровизации на тему смерти». А кому же еще, Сережа?»

Кому же еще, Сережа? Кому же еще, Лена, быть счастливыми? Здесь, на земле.

ГЛАВА 30

«Мы были самая беззаботная и смешная парочка в глазах тех, кто нас знал, — рассказывал Сергей Шерстюк через два месяца после гибели жены. Казалось, что так будет всегда. Денег никогда не считали, не беспокоились о быте. Жили, как бог на душу положит...».

Когда-то, в конце семидесятых, когда Сергей Шерстюк учился в университете, он встретил девушку на ул. Горького, нынешней Тверской. Начал знакомиться, помнит, что она не очень хотела. На улице она не знакомилась. «Давайте не на улице», — предложил Сергей. «Я спешу на репетицию». Они пошли к учебному театру в Гнездниковском переулке. Он запомнил светлую одежду, светлые волосы, светлые глаза. Сказал: «Я буду ждать». Она вошла в театр. Он почувствовал, что уйти не сможет. «Разумеется, я не помню деталей. Но помню ощущения: она была очень сильной, сильнее меня... как личность. Вот запомнил же я это ощущение. Я бесцельно слонялся по улицам, а у нее была цель жизни. Я забыл спросить ее имя». Он вернулся на улицу Горького, с кем-то встретился. Вернулся к театру, почитал репертуар, помаялся, вошел. Поискал, влез на сцену, крикнул «ау», но в театре никого не было. Возможно, репетицию отменили. Он ушел из театра, никогда больше в нем не был, но этот случай он вспоминал всю оставшуюся жизнь. Он был уверен, что то была Лена. Просто она произвела на него такое сильное общее впечатление, что он не рассмотрел ни лица, ни фигуры. И всю жизнь с Леной он убеждал ее, что именно тогда состоялась их первая встреча. Она то соглашалась, то сомневалась.

«— Ты говоришь, что это была я?

— Мне кажется, ты. А ты не помнишь?

— На улице часто приставали.

— Но вспомни: или май, или июнь, учебный театр, репетиция.

— Я или другая могла так отделаться: зайти в театр, подождать и смыться. Слушай, а на тебе были такие драные джинсы и рубашка незаправленная, тоже голубая с какими-то пятнами краски?

— Запросто. Вспоминаешь теперь?

— Вспоминаю. Очки, как у Джона Леннона? Я шла в учебный театр, опаздывала, а тут какой-то хиппарь пристал, что-то бубнил. Ты мороженое предлагал поесть?

— Может быть.

— Волосы длинные и лохматые?

— Скорее всего.

— Немытый, грязный?

— Как это?

— Ты ведь грязнуля. А тогда, наверное, был прегрязный, если некому было ругать.

— Мне никто не говорил, что я грязнуля.

— Вы все были грязные, вот никто и не говорил.

— Ну, хорошо, пусть я был грязный, хотя краска — никакая не грязь. И джинсы не могли быть драные, мне мама зашивала. Заношенные, застиранные, но не драные и не грязные. Я в грязных не хожу.

— Да ты посмотри, а это что? Вот это вот на коленях, вот это на карманах, ты на задницу посмотри!..

Так мы с тобой и не выяснили. Чаше всего ты говорила: «Нет, Сережа, ничего подобного не было». Или: «Нет, Сережа, это был не ты». «Да нет, — говорил я, — все дело в глазах. Я ничего особенного и не помню, только эти глаза твои светлые. Других таких глаз нет. Может быть, мне только хочется, чтоб это была ты».

И все-таки, наверное, это была она. Нереально перепутать, тем более художнику. Потому что таких глаз, как у Елены Майоровой, не было ни у кого.

У нас на слуху имен своих художников, кроме Шилова, Глазунова, еще нескольких, пожалуй, и нет. А Сергей Шерстюк работал в такое запутанное время, был таким «неправильным», что о широком круге известности не могло быть и речи. С одной стороны, все летело кувырком, с другой — идеология давила. А в общем и целом пророков в своем отечестве у нас не бывает по определению. Такое отечество. Вот когда партия назначала... Шерстюка-художника ценил у нас узкий круг знатоков, друзей. И лишь случайные посетители, случайно попав на одну из его выставок, выходили задумчивыми. Это был не просто зрелый мастер с нестандартным взглядом на жизнь. Он заставлял думать людей, смотревших на его картины, прочитывать философский подтекст, ощущать драматизм восприятия автора. Картины Шерстюка можно перечитывать, как книги. Они будут восприниматься по-разному в зависимости от состояния, эмоционального настроения зрителя. Но он неизменно был востребован на Западе. Спасибо, видимо, папе-генералу за такую возможность. Сергей был патриотом не на словах. Но его записки об Америке, скажем, — это рассказы совершенно счастливого, востребованного и оцененного по достоинству человека. Никакой мнительности, комплексов, хандры, тоскливой бессонницы на кухне.

«Чтобы понять Америку, — рассказывал он в 1990 году Игорю Шевелеву, — надо дать ей что-то свое... Я был в США более трех месяцев... Поработал я там самым замечательным образом, написал семь картин, путешествовал. Картины передал в фонд новой галереи, выставки, того нового дела, которым я сейчас занимаюсь...

Вообще 98 % американцев живет в провинции, в так называемой «одноэтажной Америке», которая на самом деле трехэтажная. Это те, которых называют средним классом, обывателями, мещанами. Хотел бы я, чтобы и в моей стране были такие мещане. Не буду проводить параллели, потому что они очевидны. Там чудесно то, что нет никакого чуда. Чудеса — у нас. А там совершенно естественная страна, как и должно быть... Здесь время очень хорошее, отношение к тебе. Возникают вопросы, возникает контакт. Хочешь что-то узнать, тут же приходят на помощь. Мой убогий и кошмарный английский принес мне ряд комплиментов. Я употреблял согласование времен и меня спрашивали: «Вы, наверное, англичанин?» У них язык американский, и его изучаешь на месте, когда понимаешь, что ты живой человек, а человеку нужен контакт. А контакт приходит в условиях общепринятого языка. Язык — это всего лишь стиль жизни. И если ты начинаешь чувствовать этот стиль, ты начинаешь говорить. Просто, чтобы выжить.

Хотя, с другой стороны, какое в Америке выживание! Можешь вообще не изучать язык, как наши эмигранты на Брайтоне! Сейчас там нечто вроде русской колонии. Вообще ничего не изучают. У них свой круг, свой стиль жизни, который они прекрасно сохраняют. Первое впечатление — самое ностальгически-умилительное. Например, дети, которые родились уже там, но говорят только по-русски. Или в магазине, где я по-английски попросил сигареты «Кэмел-лайтс». Мне, глядя в глаза, отвечают по-русски: «Ну, нет «Кэмела-лайтса»! Ну были только шо. Возьми «Лайтс-Мальборо»!» — «Я ненавижу «Лайтс-Мальборо»!» — «Ну хорошо, шо делать? Пойди в соседний магазин». Действительно, в соседнем были...

Сильно скучаешь там по жене, по друзьям, часто думаешь, как было бы хорошо, если бы они тоже это видели или обедали со мной. Но была работа, и надо было приложить достаточно серьезные усилия. Я бы не сказал, что посчитал бы Америку идеальным местом для своей родины. Мне лично надо

жить здесь, в России. Но работать там мне тоже, наверное, необходимо. Никуда не деться, это лакмусовая бумажка для определения того, кто ты есть на самом деле. Но, узнавая, кто ты есть, идентифицируя себя, ты соединяешь себя со своей родиной...

Вообще я думаю, что художникам в Америке хорошо... Так получилось, что в конце моего пребывания там открылась моя первая персональная выставка. В Нью-Джерси, в Музее современного русского искусства, были выставлены 23 мои работы, которые до 86-го года уходили в Штаты, в Европу, и, оказывается, собирались там, в частности, и устроителем этой выставки господином Нортон Доджем. И как я могу быть не благодарен Америке?..

Сейчас многие наши художники едут в Америку, чтобы заработать деньги. Я там за свои картины денег не получил и не должен был получить. Но поездка, мне кажется, имела более коммерческий характер, чем это выглядит на первый взгляд. Постараться как можно скорее завладеть пачкой зелененьких — это несерьезная коммерция. Мне больше нравится американское выражение: бизнес — это дружба. И, наоборот, дружба — это бизнес... А приятные мгновения с друзьями вообще бесценная вещь».

Работы Сергея Шерстюка есть в различных коллекциях мира. Только в Америке — в коллекции Музея современного искусства (Оклахома), Зиммерли музее, Музее современного искусства (Антверпен), Музее современного искусства во Флориде, «Зиг-Заг Компании» (Нью-Йорк), в музеях современного искусства Нью-Джерси, Чикаго и многих других, не считая, разумеется, частных коллекций. Он сделал очень много, это невероятно интересно. Признаюсь и в том, что я его работы увидела после смерти Лены Майоровой. Точнее, после их общей смерти. Не будучи и знатоком, ни даже продвинутым любителем, была поражена. Мне показалось магическим

воздействие фотографически точных деталей со скрытым, но явно прочитываемым трагическим сюжетом, с таким доминирующим над материалом интеллектом автора, который способен приковать взгляд к двум половинкам персика, заставить думать над тем, что без него бы прошло мимо.

Он работал всегда. Он работал, умирая. Он работал, когда ему казалось, что он уже умер.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

5 декабря 1998 года.

«Ну вот, родная моя, сегодня открывается Арт-Манеж. Ровно год назад ты была на открытии, у меня была выставка фотографий «Я все это ел». Была недолго, потому что спешила на репетицию или спектакль, жаль, что сейчас не помню. Я помню, что была какая-то неловкость, по-моему, из-за того, что с тобой была гостья из Минска, ох, как мне не нравились ее глаза. Но мы как-то справились, и все прошло хорошо».

8 декабря, 1.10 ночи.

«Родная моя, поздравляю, мы знакомы двенадцать лет и шесть месяцев. В пять часов откроется моя выставка «Ты и я». Наша. Я очень болею. Господи, помоги мне прийти хотя бы на открытие. Я очень тебя люблю. Ты жива, Леночка, это я умер».

Выставка прошла успешно и печально. О ней писали: «Новые живописные работы известного московского художника-гиперреалиста Сергея Шерстюка составили серию произведений «Ты и я». Это натюрморты — изображения знакомых предметов из мира обыкновенных вещей: лимоны, персики, груши и прочие фрукты, приобретшие в его исполнении метафорический смысл. Разделенные или умноженные на два

огромные фрукты вызывают комплекс философских ассоциаций. За видимой обыденностью сюжетов — парафразы классической для истории искусства темы «vanitas» — величия и бренности бытия, мужского и женского начала, взаимоотношения человека и среды».

Пройдут месяцы, и в московской галерее «M ARS» вновь пройдет персональная выставка Сергея Шерстюка. Художника уже не будет на ней. Он будет с Леной. В рецензии напишут: «Он унес загадочный мир художественной неординарности, оставив притягивающее восприятие, неподдающийся разгадыванию ребус стиля и метода. Картины Шерстюка выставлены в огромном количестве галерей на Западе и в России,

но, в отличие от многих современных художников, обогативших частные коллекционные вкусы, Сергей достоин занять значительную площадь в Музее современного искусства не столько по вкусовым, сколько по более серьезным причинам: его творчество — отблеск определенного среза художественного сознания, способного привести к внутреннему объединению людей, чье первично-вкусовое восприятие мира различно».

Сказано тяжеловато, но речь о том, что картины Сергея сделают то, что всегда хотелось сделать ему самому — объединить разных людей на уровне высокого и умного искусства.

В 1991 году Сергей Шерстюк написал полотно «Человек, который проходит мимо своей смерти». На картине изображен стол, на нем лежит человек и смотрит на зрителей, а рядом с занесенной для следующего шага ногой застыл его двойник. Сергей хотел, наверное, так красиво пройти мимо своей смерти. Он только мимо смерти Лены пройти дальше в жизнь не сумел.

Но актеры и художники не уходят совсем. Интересно, у нас где-то картины Шерстюка остались? Через два года после его смерти было сообщение об очередной выставке современного искусства.

«Не знаю, как вы относитесь к тому, что в богемной среде называется «Fine art». Это даже не направление и не течение в живописи и скульптуре. Художник может быть кем угодно, но если его работы продаются, они — fine-art... Так вот, в уютную, небольшую галерею «М'АРС» спланировал fine-art высокого полета. Знакомые полотна, знакомые имена... К примеру замечательный гиперреалист Сергей Шерстюк, который, к великому сожалению, вот уже два года как скончался, всего на девять месяцев пережив свою жену, замечательную актрису Елену Майорову. Его полотна медленно, но верно уплывают за пределы нашей родины, в частные коллекции и музеи... Еще год-полтора — и о творчестве Шерстюка в России останутся одни воспоминания».

О творчестве Шерстюка на родине останутся одни воспоминания, о творчестве Елены Майоровой останутся воспоминания. И только горящая женщина-факел никогда не станет просто воспоминанием. Хотела она этого или нет, но она потрясла души, осветила свои с Сергеем «и жизнь, и слезы, и любовь»...

ГЛАВА 31

Они были вдохновенными трудоголиками, бескорыстными, живущими минутой полета. Она, конечно, в России более известная, яркая, эффектная. Прима МХАТа, что для Москвы — особое звание. Но профессиональная ситуация у них была совершенно разная. Он так любил свою родину, где особенно тяжело именно талантам, но всегда имел в виду свою востребованность в остальном, более устойчивом и менее закомплексованном мире. Ему хорошо там работалось, его любили, ценили. Была возможность «идентифицировать» себя, как он сам выразился. Она — русская, московская актриса, которую многие критики называли голливудской кинодивой во время гастролей «Орестей», была лишена выбора. Как все наши великие актеры и актрисы. Для них «железный занавес» так и не рухнул. И ей «идентифицировать» себя было просто невозможно. Она вынуждена была творить лишь в заданном месте в заданное время. А вокруг все ломалось и летело к чертовой матери. Театры, кино. Человеческие судьбы.

Вдова Евгения Евстигнеева Ирина Цывина рассказывает:

«Мы как-то сидели с Леной Майоровой у нее дома. Она заплакала и сказала: «Ты знаешь, сколько я стою в искусстве?» Открыла холодильник и вынула нераспечатанную бутылку водки «Абсолют». «Это то, что я купила на всю свою зарплату». Ведущая актриса МХАТа, заслуженная артистка России...»

Лене генерал Шерстюк не помог бы пробиться в Голливуд. И дело не в языковом барьере, как обычно объясняют отсутствие интереса к нашим актерам в мировом кинематографе. В Голливуде есть актеры со всего мира, они все преодолевали этот барьер, для людей с абсолютным слухом это не такая уж

проблема. Да и технических средств достаточно. Просто Советская власть напрочь отбила этот интерес к нашим актерам. Эта вечная идеологическая напряженность, погоня за «предателями» — танцовщиками, поэтами. Эта заикленность наших творцов на сугубо отечественных муках, почти привязанность к ним...

Когда на одном из международных кинофестивалей появилась Алла Ларионова, ей проходу не давали режиссеры, актеры. Женщины — актрисы с мировыми именами подходили к ней в гостинице, в ресторане, чтобы выразить восхищение ее красотой. Она вернулась в Москву, и вскоре посыпались приглашения. Аллу Ларионову звали в Голливуд, на другие студии мира. За нее отвечало Госкино СССР: извините, мол, но эта актриса занята на десятилетия вперед. В это время Алла Ларионова практически была отлучена от кино, находилась в черном списке «Мосфильма» из-за организованной грязной кампании против министра культуры, которому, в частности, инкриминировалось ухаживание за Ларионовой. Она автоматически стала невыездной, не зарабатывающей даже те копейки, которые у нас платили советским крепостным актерам, изолированной от искусства. Подобная ситуация была и с другими русскими актерами, поразившими мир. Ну, кто это может понять, кому это понравится и кто с этим станет извне бороться. Приедут австралийцы, испанцы, латиноамериканцы, и составят славу американского кино. Так легко мысленно увидеть в этой обойме Елену Майорову и Ирину Метлицкую... Этим прекрасным женщинам с трагической судьбой был очень ограничен доступ кислорода в профессии. Елена могла воспринимать это только как рабство, как замкнутый круг, как ловушку.

Бутылка водки на зарплату примы МХАТа, 100 долларов за фильм не делали ее нищей, голодающей, как многих других актеров. «Шерстюк заработает». Но гордость ее никак не могла примириться с такой «ценой»...

Она не дожидая до времени щедрого спонсорства, сумасшедших по нашим меркам гонораров отдельным актерам за съемочный день, раздутых бюджетов непонятных картин, привезенных в нетрезвом состоянии голливудских звезд для того, чтобы воткнуть с ними эпизод и отправить восвояси с гонораром один-два миллиона долларов. Ей не хватило терпения дожидаться богатого и всемогущего российского кинематографа? Нам хватило. Сегодня посмотрела видео очередной телепередачи, проанонсированной в Интернете так: «Юрий Грымов предрекает п-ц российскому кино».

Это была беседа журналистов, критика прокатчиков и режиссера. Пересказывать весь разговор бессмысленно, так как все действительно сказано в анонсе. Спрос определяет предложение, предложение определяет спрос, короче, в ближайшем будущем нам конкретно обещают лишь размножение «Самого хорошего фильма» (Камеди клуб), где плохо даже с клоунадой, и тому подобного. Демократический лозунг: «Пипл хавает» — в бурном действии. «Люди, которые определяют кинополитику, панически боятся, к примеру, слова «драма», — говорит Грымов. «Ну, а как же, — парируют прокатчики, — люди не хотят негативных эмоций». И дальше про миллионные доходы. Откуда же взялись в таком количестве люди, которым делать нечего, лишь бы, извиняюсь, какое-то дерьмо посмотреть?

Отвечу. Это люди из пустоты. Никто не потрудились им показать нормальное кино. Никто не объяснил им, как выбирают фильм для просмотра. Это вовсе не то, что навязывают в каждой рекламной паузе и с каждого плаката. Короче, странное время отечественного кинематографа пришло именно сейчас. И в нем точно бы не было места для такой актрисы, как Елена Майорова. В нем, собственно, нет места ни для каких актрис и актеров. Блуждают на слуху и на виду несколько персонажей, но можно лишь понадеяться, что у них с заработком нет проблем. Хороший и, как водится, не раскрученный,

малобюджетный фильм можно иногда посмотреть по первому каналу на «Закрытом показе с Гордоном». Посмотреть и попрощаться с ним навсегда.

«Кинополитики» боятся слова — драма. Абстрактный зритель хочет тупо балдеть в кинотеатре. Где же люди?

Из интервью с Еленой Майоровой:

«Думаю, русская душа с ее способностью откликаться на чужую боль сохранит, сбережет в нас человеческое. Я скорее не верю в это, а так хочу».

ГЛАВА 32

И вот смотрят зрители всякую «Любовь-морковь», оттягиваются, уходят от собственных проблем... Понятно, что не становятся умнее. Но, может, хотя бы счастливее, добрее, безмятежнее? Как дети в песочнице. Да нет же. Сейчас, в пору такой универсальной «жилетки», как Интернет, никто больше ничего в себе не держит. И можно разглядывать души и умы зрителей, как на компьютерной томограмме. Вот пост 2007 года в livejournal на тему кино.

Inna Sibul. «Документальный фильм: «Елена Майорова. Живая рана» (Автор М. Факторович. Режиссер Олег Шиловский. Производство ТК «Адамово яблоко», Санкт-Петербург, 2005 г.). В преодолении себя и в сбрасывании масок есть утверждение позитива существования. Кто такая была Елена Майорова? Актриса родом с острова Сахалин... Только что по первому каналу показывали о ней фильм, о мистических совпадениях в ее жизни — муж умер ровно через девять месяцев, ребенка не имели, но хотели, и смерть мужа в срок рождения возможного ребенка! Или как романтически они познакомились: сидит бабенка и скучает по принцу, по неземному принцу, то же самое делала постоянно Гурченко (! — Н. Р.). Показывают в длинных затянутых кадрах в посмертных документальных фильмах лицо... хриплый голос... бр-р-р... И то? Что мы должны в нем разглядеть? Следы алкоголизма на лице? И в фильме много раз подчеркивают, что она была верна своему мужу все двенадцать лет... И сестра мужа об этом говорит... Но, если я всматриваюсь в ее лицо в этих затянутых кадрах, то больше верю вот этому: «Друзья Майо-

ровой полагают, что «Странное время» сыграло роковую роль в ее судьбе. На съемках фильма жили под киром, снимались под киром, и Лена, хлебнув этого дурмана, вместе с людьми убогими, больными, беспробудно пьющими легко опустилась на дно. Шерстюку разыгрывать из себя венецианского мавра, вероятно, казалось, дурновкусием или же он просто опасался откровенного разговора и потому ревность свою переносил, как это часто бывает, на соседний объект. Ревновал не к конкретному мужчине, а ко всей съемочной группе: почему ты

с ними так сдружилась? Почему проводишь там столько времени? Лена действительно часто говорила мужу, что остается ночевать у Пьянковой, а сама ехала к Олегу в Голицыно». Знакомство со вторым мужем предлагается и пережевывается по многу раз. «Лена тогда сидела в гостях у подруги, изливала душу. И вдруг сказала: «Вот сейчас дверь распахнется, и Он войдет...» В ту же секунду постучали. За дверью стоял Шерстюк (когда-то, перед тем, как поступить в МГУ на факультет искусствоведения, он таскал декорации во МХАТе, и дорогу в общежитие знал хорошо). Это была любовь с первого взгляда!». Почему актеры ТАК превозносятся в нашей стране? Ласкать Майорову заласкать! «Через два месяца после смерти жены и за полгода после собственного ухода Сергей Шерстюк запишет в дневнике: «Мы с тобой ссорились, я тебя обижал, не понимая, что этого нельзя делать вовсе. Ты была живая рана, девочка без кожи, чище тебя я не знаю. Ты любила мои ласки, я любил тебя ласкать, но надо было тебя заласкать до заласканности ребенка, пропавшего и вдруг найденного...» А на истерию ее бы проверили!!! Будто они небожители, а все остальные будто просто демос, почва для них: они боги, и мы должны ими восхищаться, жалеть (например, Майорова себя подожгла, доигралась в самоубийство), любить? Думать об их маленьких пенсиях и страданиях... Почему? Например, смотреть на нее, как и на вечно-

молодящуюся позерку Милочку Гурченко, мне удовольствия не доставляет, мало того, ее взвинченность и поза просто вызывают рвотный эффект. Я смотрю на Майорову и ощущаю ее неестественность и изогнутость, и спиралевидность. Почему Питер Штайн выбрал ее играть роль Афины, богини мудрости? Тоже мне... воплощение мудрости, голое тщеславие, умноженное на энергию пробивающегося сквозь землю сорняка! Российские режиссеры предлагали ей исключительно роли проводниц, буфетчиц, фабричных девчонок, проституток или сержантов милиции, и правильно делали — форма соответствовала содержанию. А кто другой бы мог сыграть Афины? Кто? Надо было поступать в театральный к Олегу Табакову, чтобы экзамен Константин Райкин принимал... Потом проводить дни и ночи в театрах и по съемкам мотаться, крутить романы в богемном болоте... найти художника и повиснуть у него на шее... Осознать себя «великой актрисой, перед которой многотысячная толпа падает ниц». И это хорошо!!! Поклоняйтесь! Поклоняйтесь мне! А чему поклоняться? Чему? Почему вообще поклоняться актерам, создавать себе кумиров? В чем психологическая основа этого самоуничижения?»

Фу. Дописала. Помыла руки. Сижу и думаю: это уникальная концентрация всеобщей злобы в одном организме или что-то более сложное? 2007 год. Прекрасной женщины и очень крупной актрисы уже десять лет нет в живых. И кто-то просто смотрит документальный фильм по телевизору о невероятно трагической судьбе и вдруг начинает скрипеть зубами от ненависти. Интересная деталь: автор, практически не знакомый с работами Елены Майоровой, свое мнение основывает не только на фильме, о котором речь. Здесь ссылки на другие материалы. Она зачем-то ищет эту информацию, разглядывает фотографии Елены, чтобы рассказать про свой «рвотный эффект». Она использует самые пронзительные

строки из дневника Сергея Шерстюка. Такое впечатление, что этот озлобизм носит личный характер. В том-то и есть главная опасность актерской профессии: люди так открыты на сцене, перед камерой, что маниакальная любовь, как и маниакальная ненависть, прилипает к ним, как тина. Но через десять лет после смерти... Елена Майорова, конечно, роковая женщина, если и после смерти вызывает такую зависть, такую агрессию у других женщин. Как же ее, видимо, доставали при жизни.

Я просто ищу, читаю все, что о ней говорили до 23 августа 1997 года, то, что говорят и пишут сейчас. Представляю, как натягивались ее нервы по поводам, о которых, быть может, никто не знает, которых кто-то, более толстокожий, просто не заметил бы... Как росло в ней напряжение, как сжимало горло нетерпение.

На форуме сайта Льва Дурова есть такая фраза о ней: «Меня так «пугала» великолепная актриса Елена Майорова. Когда я видела ее на экране, у меня всегда было предчувствие чего-то страшного».

Что касается ролей буфетчиц и проводниц «преступлений», инкриминируемых Елене Майоровой. За роль буфетчицы в картине «Скорый поезд» она получила свой единственный приз за лучшую женскую роль — на кинофестивале «Созвездие-89». Это был не рядовой фестиваль. Это была первая масштабная акция Гильдии актеров советского кино. Она была так проанонсирована: «Гильдия актеров советского кино твердо намерена обеспечить своему сообществу светлое будущее». Да, с таким революционным настроением эта структура возникла и привлекла к своей деятельности лучших представителей кинематографа страны. На фестиваль «Созвездие-89» привезли по-настоящему сильные фильмы. В числе участников — около ста самых популярных артистов страны. Иннокентий Смоктуновский, Олег Борисов, Анастасия

Вертинская, Донатас Банионис, Никита Михалков, Софико Чиаурели, Элина Быстрицкая и др. Решение принимало и согласовывало два жюри — актерское под руководством Людмилы Целиковской и альтернативное, которое возглавил Алексей Герман. Премии за лучшую женскую роль получили Елена Майорова («Скорый поезд») и Мария Кленская («Украденное свидание»), премии за лучшую мужскую роль — Олег Борисов и Владимир Стеклов. Я привела только фамилии актеров. Но не сомневаюсь, что все настоящие любители кино испытали сейчас желание заглянуть хотя бы мысленно на такой пир души. В одной из публикаций, посвященной фестивалю, были слова: «Все и каждый испытывают ощущение морального подъема и сладкое чувство начала какой-то счастливой и правильной жизни».

Взрослые, мудрые кинематографисты тогда мечтали, как подростки, о том, что отныне лучшими фильмами и лучшими актерами будут по праву называться только самые лучшие. Что эти фильмы и эти актеры легко придут к своему заждавшемуся зрителю. Что зритель это оценит, что страна будет довольна. Теперь можно сказать, что пора ренессанса советского кино была недолгой. Зритель бы, конечно, оценил счастливую и правильную жизнь кинематографа, но, как говорится в старом анекдоте, «кто ж ему даст». А стране в целом было, в общем, наплевать. Надвигалась перестройка, расплывался базар под названием «рынок», бурлящая нефть ударяла в головы. Такое, в общем, получилось кино.

Но праздник был. И была вера самых талантливых людей в то, что их общие усилия совершат чудо. Что все изменится. Вот на каком фестивале Елена Майорова была признана лучшей.

ГЛАВА 33

А лучшие, самые заметные у нас всегда расплачиваются за свою яркость по полной программе. Причем речь не только об агрессии маньяков, зависти коллег, мести недополучивших любви режиссеров. Речь о системной травле с привлечением бюрократического аппарата. По сути это очень мало отличается от вышеприведенного поста из Живого журнала. Сейчас все эти задвигания, унижения, отлучения лучших актеров, авторов, режиссеров, конечно, не сопровождаются откровенными директивами, приказами, указами, лакейской травлей в газетах. Сейчас все объясняется дикими законами дикого рынка, волей спонсоров, продюсеров и т.д. Но, поверьте, речь идет о системе, которой не страшны никакие революции, перестройки, демократические перемены. Этой системе не страшна свобода. Поскольку уничтожение талантов — быть может, самая любимая отечественная забава. Она всегда найдет отклик и пути осуществления. Иногда думаешь: может, было честнее с этими директивами, не к ночи будь они упомянуты? Но это плохая мысль. Концлагеря — это тоже своего рода честность. Так что будем считать, что мы отдвигаемся от совсем черных времен. Даже в искусстве. Если его путь — действительно от возрождения к возрождению. И нам просто немного не повезло с историческим отрезком.

А была ведь такая директива — не приглашать народного кумира Владимира Высоцкого на положительные роли в кино. Всемирная слава Татьяны Самойловой погашалась чиновниками вдохновенно, неумоимо, как будто от этого зависела казенная репутация страны. Ей не только не позволили при-

нять приглашения Голливуда, но и на «Мосфильме» запрещали режиссерам снимать ее в тех фильмах, которые соответствовали уровню ее необычного дарования и внешности.

Блистательная пара — Геннадий Шпаликов, поэт, сценарист, режиссер, и «самая солнечная девушка» советского кино Инна Гулая — была растоптана в один день после выступления Шпаликова в Кремле на встрече руководителей страны и кинематографистов. Он высказал свое мнение о том, каким должно быть кино, и для него закончилось не только кино, но и жизнь. Он повесился, оставив жену и маленькую дочь. Черноглазая красавица Гулая как-то дождалась, пока дочь подрастет, а затем выпила смертельную дозу снотворного. Нежная, прелестная, интеллигентная Изольда Извицкая после своего триумфа на Каннском фестивале, где была показана картина «41-й», в которой она сыграла роль Марютки, умерла совсем молодой в совершенно пустой квартире — без вещей, без мебели — от голода. Ее нашли лежащей на пороге кухни, где на сковородке лежал крошечный кусочек черного хлеба. Все, что у нее осталось.

Да, сладострастное истребление больших мастеров у нас обязательно сопровождалось погружением их в страшную нищету. Но не только это определяет уровень страданий. Как мы знаем, никакое количество миллионов не спасает актера или актрису от невыносимых мук. Нервы обнажены. Мэрилин Монро погибла, оставив состояние, которого ей хватило бы лет на пятьдесят богатого, абсолютно праздного существования. Великолепная Далида однажды не вышла из спальни, где рядом с ее телом нашли записку: «Жизнь стала невыносимой. Простите меня».

Возможно, Елена Майорова могла бы пройти мимо своего костра лишь в одном случае. Если бы не стала актрисой.

А «Она была актрисой...» — так называется статья психоаналитика доктора Наричына.

«Естественное состояние человека — избегать смерти. К этому понуждает любого древний инстинкт самосохранения. Но почему же тогда кто-то обрывает свое существование собственными руками, совершая так называемый суицид, или самоубийство? Далеко не все самоубийцы — готовые пациенты психиатра. В подавляющем большинстве случаев это личности неординарные. И особенно шокируют общество и остаются в памяти самоубийства известных и талантливых людей.

До сих пор не утихают споры вокруг трагической кончины актрисы Елены Майоровой... Я хочу рассмотреть не конкретный случай, а общую тенденцию: почему творческие личности в достаточной степени склонны к суицидам?

ГОРЕ... ОТ УМА

Достаточно распространено мнение, что самоубийца — это безвольный, слабый человек, не сумевший противостоять жизненным трудностям... То есть чуть ли не дезертир, бежавший с поля боя. И дело не в том, что самоубийство осуждается церковью. Даже у иного атеиста суицид ассоциируется с душевной слабостью и недостатком интеллекта... А на самом деле все часто наоборот.

Многим известна русская пословица: «Дуракам жить легче». И ведь правда: с дурака обычно и спрос меньше, и претензий к нему никаких, и на обиженных Богом не обижаются... И самое главное — у людей с низким интеллектом практически никогда не бывает сложностей психологического плана. Недалекому человеку легче всегда быть довольным собой. А высокоинтеллектуальная личность мало того, что часто несет весомый груз психологических проблем, но к тому же порой берет непосильную ношу в плане жизненной нагрузки и требований к самому себе. И в результате такие люди испытывают постоянное недовольство собой, а то и полное разочарование в жизни. Особенно остро это переживают как раз

личности творческие — истинно талантливым людям всегда присущ высокий интеллект, но порой в их характере эмоциональность берет верх над холодной расчетливостью.

У человека, переставшего ощущать ценность жизни, проявляется так называемое личностно-деструктивное поведение. Один из видов такого поведения — аутоагрессия, т. е. ненависть, направленная против себя самого. В результате может иметь место как мгновенное, так и медленное самоубийство — например, с помощью алкоголя и наркотиков. Ведь многие известные люди чрезмерно употребляли зелье не потому, что хотели «утопить горе в вине», а затем, чтобы хотя бы на время уничтожить, принизить, разрушить свой интеллект, заставляющий их поднимать непосильную жизненную ношу. А то, что алкоголь и наркотики — это яд, они прекрасно понимали. Это тоже одно из сильных проявлений аутоагрессии: «Ну, и что же? Очень хорошо, пусть я умру!» И умирали...

БЕЗ ЗРИТЕЛЕЙ СПЕКТАКЛЬ НЕ СОСТОИТСЯ

Говоря о склонности творческих личностей к самоубийствам, нельзя не упомянуть о специфических особенностях таких людей, которые помимо всего прочего тоже толкают их к трагическому решению.

Демонстративность. Качество это просто необходимо для людей, выбравших профессию, скажем, актера: более того, без этого качества настоящего артиста просто не бывает. Однако порой случается так, что демонстративность перехлестывает через край...

Инфантильность. Многие творческие личности нуждаются в постоянном одобрении своих действий, и очень болезненно воспринимают даже конструктивную критику. Здесь начинается так называемое перенесение на личность: к примеру, если актеру сказать «Ты плохо сыграл», он может воспринимать это как «Ты вообще сам плохой». Такое перенесение в основном характерно для детей. А в результате у

взрослого человека те же мысли: «Я никуда не гожусь, мне в этой жизни не место»...

Нестандартное видение мира. Это чаще всего и есть основа таланта. Но у медали, к сожалению, две стороны: нестандартный взгляд заставляет человека отгораживаться от реальной действительности, существовать в собственном мире. И когда ему все же приходится сталкиваться с жестокой реальностью, он испытывает сильное разочарование — и зачастую не видит смысла в такой жизни.

Слияние с объектом творчества. В силу этого ощущения и создаются самые гениальные произведения и роли. Но беда в том, что подчас человек не расстается с ролью и в жизни, вживается в нее полностью. И если ему довелось создавать образы мрачные, трагические — это порой накладывает соответствующий отпечаток на его восприятие окружающего мира. В результате это становится дополнительным поводом к суициду.

Желание нравиться. Вообще это естественно — если есть признание, успех, поклонники, значит, и ценишь себя намного выше... В этом смысле более уязвимы женщины, особенно в возрасте около сорока: временный спад своей творческой успешности они зачастую связывают с возрастными изменениями; болезненно переживают переход на возрастные роли; страдают, что никому уже понравиться не смогут — и в первую очередь режиссерам и зрителям. И решают, что им теперь незачем жить — не избранными и не признанными...

МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ

Любой творческий человек имеет достаточно широкий круг знакомых — хотя бы потому, что в силу своих личностных особенностей достаточно общителен, а также постоянно стремится все-таки чувствовать себя нужным. И когда этот человек накладывает на себя руки или сдается скорой естественной смерти — практически каждый из его знакомых и

родственников начинает заниматься самоедством: мол, мы виноваты, что не спасли, а может, и сами невольно подтолкнули к этому шагу. В результате чувство вины перед умершим гнетет сильнее, чем сама потеря близкого человека; а со временем это чувство перетекает в серьезный невроз. И чтобы избавиться от собственной невротизации, родственники и знакомые всеми силами убеждают общественность, а прежде всего самих себя, что это было вовсе не самоубийство, а трагическая случайность, что человек накануне чувствовал себя прекрасно, в крайнем случае — что пил, курил, себя не берег... Таким образом пытаются снять с себя ощущение вины перед мертвыми оставшиеся в живых. Но ему это уже не важно, как ни цинично это звучит... А на самом деле ощущать себя таки виноватым бессмысленно. И жить с чувством вины, которую некому простить, невозможно».

ГЛАВА 34

Я сегодня смеюсь над собой:
Мне так хочется счастья и ласки.
Мне так хочется глупенькой сказки,
Детской сказки, наивной, смешной.

Я устал от белил и румян
И от вечной трагической маски.
Я хочу хоть немножечко ласки,
Чтоб забыть этот дикий обман...

Я сегодня смеюсь над собой:
Мне так хочется счастья и ласки.
Мне так хочется глупенькой сказки,
Детской сказки про сон золотой...

Александр Вертинский

Этот романс ассоциируется у меня с беспокойным, ускользающим, исчезающим в огне образом Лены Майоровой.

...Когда у нее поднималась температура, она переставала чувствовать свое тело. Ей казалось, что огромные разноцветные надувные шары поднимают ее над кроватью и качают под потолком. Глаза слипались, мысли путались, жар все окрашивал в золотые цвета. Это я? Девочка Лена Майорова? Это я умею запоминать сразу страницы учебника? Это я пою и танцую на сцене? Я — Пеппи Длинныйчулок... У меня только пятерки. Я хочу купаться в океане. Я такая легкая, меня схватит и понесет волна... Но как же мне вернуться? Эти

шары... Потом был не сон, а черный провал, потом тяжелое пробуждение. Мокрая рубашка, сухие губы. Мама. Мама приехала. Плачет.

Лена пытается улыбнуться, сказать, что хочет пить, но сил нет совсем. Мама сама догадалась. Налила в кружку компот, подняла голову с русыми, взмокшими волосами. Лена пьет. Мама начинает хлопотать возле ее кровати, вынимает из сумки прозрачный пакет: в нем апельсины и шоколадные конфеты.

— Хочешь?

— Да.

— Сейчас почищу.

— Не надо. Я потом. Сейчас не могу.

Заходит сестра и строго говорит: «Мамочка, вы видите, у нее кризис. Давайте передачу в холодильник отнесу». Лена шепчет: «Нет, пусть тут будет. Я хочу на них смотреть». Мама умоляюще поворачивается к сестре. Та ворчливо говорит, что тумбочку занимать нельзя. Врач придет, потом обед принесут. Мама что-то сует ей в карман. Сестра разрешает. «Положите на шкаф. Пусть смотрит, если хочет. А врач там не увидит».

Мама встает на табуретку, кладет пакет с апельсинами на старый шкаф. «Вы дадите ей, когда она захочет?» — «Ну, ну-жели нет. Сама все съем».

Мама благодарит, поворачивается к Лене, но та уже закрыла глаза. Под прозрачной кожей на щеках вновь пылает пожар. Ресницы вздрагивают, Лена застонала.

Сестра выходит из палаты, возвращается со шприцем в руке. «Идите же, мамаша. Видите, опять началось. Даже мерить не надо. Под сорок будет»...

На этот раз шаров нет. Ее качает и штормит, и глаза горят под тяжелыми, неподъемными веками... Когда мокрые ресницы, наконец, поднимаются, Лена смотрит на шкаф. Там ни-

чего нет! Лена с трудом поднимает руку, нажимает кнопку вызова медсестры изолятора. «Там была моя передача, — говорит она, когда сестра появляется на пороге. — Мама принесла».

— Ты что, девка, забыла? Ты же съела все. Ну, конечно, забыла, у тебя температура зашкаливала. Спи. Скоро обед принесу.

— Я не забыла. Я не съела, — тихо говорит Лена в спину медсестре.

Она понимает, что ее обманули, что она не может это доказать, что ей никто сейчас не поможет. Ее сердце сжимается, как от настоящего горя. Она крепко сжимает веки и хочет только одного: пусть вернется этот жар, который путает мысли, с которым прилетают разноцветные шары. Я Лена. Я умею петь и танцевать. Я с первого раза могу запомнить любое стихотворение. Мама, я буду учиться еще лучше. Забери меня из этого туберкулезного санатория. Мне здесь плохо. На шкафу ничего нет...

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

16 января

«Я говорю себе: не думай, не думай. Неужели, Леночка, ты решила в ту субботу проделать тот же путь, что и в ночь с четверга на пятницу, за два дня до того? А ведь какой я дурак был, когда, выбежав в ту ночь за тобой, свернул налево, а не направо — к Театру Моссовета. Ведь театр — это свои, Театр ли это Моссовета, или какой другой, недаром все машины на съемки ждали тебя у служебного входа Моссовета, там ты назначала встречи, туда тебе приносили сценарии и пьесы. Я побежал налево, описал круг, но нашел-то тебя справа от театра, на лавочке. Я нашел тебя, и ты покорно пошла домой, легла спать и утром сказала:

«Как же мы любим друг друга». Мы завтракали и радовались, что завтра, в субботу, едем на дачу. В субботу.

Но ты не поехала.

Все. Я помню все. Как я мог уехать без тебя? А вот смог же. И — все».

17 января

«Могила твоя вся в снегу, белом и пушистом. Я положил шесть красных гвоздик. Феклистов сказал: «Как же гвоздики красивы на снегу, никогда не знал». Он воткнул в снег какие-то фиолетовые горные цветы с тонкими и колючими листьями. Два мандарина, зеленое яблоко, иерусалимская свеча. Твой покрытый инеем портрет. У папы никак не хотела гореть свеча, оставшаяся от моего соборования, а твоя, иерусалимская, горела. От нашего большого пучка, который ты зажгла в Храме Гроба Господня, оставались три свечи. Три последние свечи, которые ты держала в руках».

... Мне сегодня так хочется сказки, детской сказки про сон золотой...

Она увидела его мандарины и яблоко на своей могиле?.. Отличница Лена, которая во время ссоры бежала к театру, которая к театру пришла умирать...

ГЛАВА 35

...Мне так хочется счастья и ласки...

Накануне был жаркий день, кожа жадно впитывала солнечные лучи. В том сне, в который она провалилась, не было ни конкретного места, ни времени, ни моря, ни солнца, ни возбужденного общества. Был только приятный легкий жар загорелой кожи и чувство покоя, защищенности. Значит, я дома. Лена сначала потянулась, потом открыла глаза. Белый гостиничный потолок, солнце пробивается сквозь темно-красную штору. На соседней подушке — русая голова. Поверх простыни, которой они укрыты, — сильная молодая рука. Олег. Он спит очень крепко, как она говорила, «без задних ног». Она повернулась и легонько провела рукой по выгоревшим прядям волос, коснулась кончиками пальцев загорелого плеча. Она вспомнила вечер, ночь. Они закрылись в номере, пили, ели фрукты, много смеялись, она все пыталась освободиться от того чувства скованности, которое преодолевала целый день. Они гуляли по набережной, заходили в кафе, целовались на пляже... Но ей все мешало: платье, босоножки, слишком яркое солнце, афиши, растяжки, постоянный звуковой фон знакомых, хорошо поставленных актерских голосов. Весь этот «Кинотавр». На берегу она сняла босоножки, пошла по горячей гальке, тепло поднялось прямо к сердцу. И вдруг кто-то рассмеялся неподалеку. Она оглянулась: группа актеров спокойно играла в карты, окружив себя бутылками с пивом. Но ей показалось, что они нарочито отвернулись, что они только что смотрели на них. Все вдруг поблекло. Ступни почувствовали толь-

ко острые камни. Лена зябко поежилась, надела босоножки, синие глаза чуть расширились, как от боли.

— Пойдем в ресторан? — спросил Олег.

— Нет, купим чего-нибудь и пойдем в номер, у меня голова болит.

Пришли, задвинули плотно шторы, сели очень близко, так, что она чувствовала аромат его теплой кожи. Все вроде бы хорошо. Она протянула руки — встретила влюбленный взгляд. Отвернулась на секунду — вновь озноб.

— Я в ванную, ладно?

Она долго стоит под душем, ее ждет в постели любовник, а у нее вдруг зубы свело от тоски. Боже мой, она скучает по Сереже. Она завернулась в полотенце, вернулась в номер, вымученно улыбнулась Олегу, выплеснула в горшок с цветком недопитое шампанское из гостиничного стакана и торопливо налила себе водки. Сейчас. Сердце согреется. Теплая волна заставила ее рассмеяться, она бросилась к нему, порывисто прижала светлую голову. Мой мальчик.

— Ты меня любишь?

— Да. А ты?

— А ты?

— А ты?..

Им было хорошо, только она не помнит почти ничего. Просто знает, что им всегда хорошо в постели. Час, два, три... Она не думает о Сереже... Она думает о том, что не думает о Сереже. А потом наступает утро, ей еще тепло, приятно, но уже надвигается день. Уже надвигаются эти ужасные проблемы. Она действительно играла в «Странном времени» как в последний раз, как перед смертью. Но она всегда так играет. Она не ожидала такого провала. Ее номинировали на лучшую женскую роль, но она знала, что награды она не получит. Какая-то невидимая стена вдруг выросла между нею и всеми остальными. Или ей кажется? Ей улыбаются, что-то говорят, а в глазах только любопытство, только ожидание развития

этой странной истории под названием «Странное время». И опять ходить больно, как по битому стеклу. И опять эта тревога, нетерпение. А в грозу впору креститься, как Катерине. Лена ненавидит себя за то, что ей все кажется предупреждением о наказании за грехи. Она презирает себя за то, что не умеет ловить миг счастья, за то, что, влетев в этот легкий, как ей казалось, роман, она тоскует по мужу. Нет, не по мужу. Они привыкли расставаться. Она тоскует по правде в их отношениях. Это было самым главным в их жизни.

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

21 января 1998 года.

«Кажется, что я попал в какое-то кино. Еще на кладбище промелькнуло, когда клал гвоздики на снег, что все это кино, и Феклистов Сашка, рясчищающий снег рядом с могилой, как бы намеком: видишь меня, а, Шерстюк, это ты меня в кино видишь, вот съемки закончатся, вернемся домой, а там Ленка пельмени нам приготовила.

Руки у тебя в муке, ты коснешься моих щек кончиками ладошек и поцелуешь в губы. Налетишь, как бабочка, и упорхнешь. Стук — и улыбнешься. Искорки из глаз попадут в сердце, ты тихо спросишь: «Любишь, Шерстюк?» — «Люблю».

— Не верю, — сказал я Сашке. — Понимаешь, я все знаю, но не верю. Я не сумасшедший.

— Конечно, нет. Понимаешь, она там, в театре: или на репетиции, или в кафе с кем-нибудь. Да мало ли где! Красная свеча у твоего портрета трещит, мама принесла кисель из вишен. Вишни с косточками...

Ты стоишь у нашей лужи по дороге в Михнево и ждешь меня. Мы идем пешком на электричку. 19 августа 1995 года.

19 августа 1997 года мы шли пешком на электричку. Ты шла в последний раз. Сегодня я раскрутил пленку, отрезал два кадра, вставил в рамки, опустил в окошко, увидел, что ты меня ждешь у лужи, и прочитал в левом углу «95.8.19» На следующем слайде ты идешь мне навстречу в любимой нами березовой роще, за моей спиной поле, за которым Михнево. Вставляю в окошко неразрезанную пленку: «95.8.22», дача, Евгения Андреевна, Лелька, Никита, тебя нет, ты в Москве, может, на съемках. В кадре «95.8.23» большая, еще зеленая тыква. Тень, кусты. Потом дача со стороны сада, потом три яблока на красном столе, потом пруд, тот, рядом с нашей лужей. Пруд, где мы любили делать привал и собирать вдоль берега грибы. Мы называли его «озерцо».

Леночка, ну вот почему я тебя всегда ждал, я любил тебя ждать, да? Вечером я свешивался с балкона в Нью-Йорке, курил, проходил час, вдруг ты появлялась — какое счастье! — с пакетами в обеих руках. Сейчас будем ужинать, примерять покупки и смотреть, что же я за это время нарисовал. А сколько часов я провел на нашем балконе, в доме, где я сейчас пишу! Я любил тебя ждать? И даже последний год, глотая валерьянку? Господи, да все просто — я и сейчас тебя жду».

Между ними, вокруг них была территория любви. Лужа в Михнево, отель в Нью-Йорке, океан в Хоккайдо, Иерусалим, квартира на Тверской, поезд, самолет, скамейка в сквере у Театра Моссовета. Кажется, развези их по разные стороны земли, и они пойдут друг другу навстречу. И ни за что не разминутся. Между ними было магнетическое притяжение. Почему она так поступила? Зачем надорвала его сердце, истерзала виной свою душу, бросившись в эту связь с Олегом Васильковым?

...Ее звали Тойбеле, ее звали Маша, ее звали Аня... Ее звали Алла в картине «Странное время». Но если в предыдущих ролях уникальная актриса Елена Майорова получала достаточно эмоционального материала в пьесе, в сценарии, ей нужны были вся ее страсть, все вдохновение для того, чтобы передать то, что она — не актриса, а человек, женщина — думает и чувствует, то в этом фильме страсти было больше, чем материала. Она завела себя своей экранной влюбленностью и не смогла остановиться. Не захотела остановиться. Он же была гордая, она захотела почувствовать себя свободной... И все же она бы не бросилась в этот роман, если бы с Сергеем все было по-прежнему. Они всю жизнь бурно ссорились и мирились, но отдыхали от жизни и самих себя в любви и проверенной, родной близости. Что-то изменилось. Ни он, ни она тогда не могли знать, что именно. Об этом очень редко говорят и пишут. Но зарождение рака на самой ранней стадии практически никогда не обнаруживают врачи, сам заболевший. Это безошибочно может почувствовать лишь самый близкий человек. Физиологически близкий. Я читала как-то об одном открытии: собаки могут определить у человека онкозаболевание, когда это не в состоянии зафиксировать анализы, приборы. И я знаю, что во время близости это может почувствовать женщина. Не понимая, что именно. Какие-то минимальные изменения, включения, короче то, что трудно определить обычными словами, но это может выглядеть, как барьер, может вызывать непонятное отторжение. Он здесь, он любит, как и раньше, но что-то чужое и страшное отталкивает тебя. И усугубляет ситуацию виной и жалостью.

Лена боролась с чувством вины, доводя его до крайности. Около года длился ее эпатажный роман с Васильковым. Примерно таким был возраст обнаруженной после ее смерти раковой опухоли Сергея. Татьяна Догилева как-то сказала, что если бы Лена знала о заболевании мужа, она бы со всей своей страстью и энергией бросилась бы на спасение. Наверняка

бы вытащила, если бы рак сразу диагностировался. Обнаружили заболевание вовремя, насколько это было возможно. Это еще была излечимая стадия. Но это было его решение — пойти в другом направлении. В сторону радуги. В сторону назначенного свидания с женщиной своей жизни.

ГЛАВА 37

30 мая этого года Станислав Сададьский в своем блоге написал:

«Убийство Лены Майоровой.

О смерти сегодняшней именинницы судачили много. Друзья говорили, что случайность. Милиция уверена: самоубийство.

Я считаю, что произошло моральное убийство.

Олег Ефремов был дьявольски обаятельным режиссером. Пригласив в труппу любимую ученицу Табакова, он играл с ней, как с мышкой. То даст работу, то отнимет.

И грозил пальчиком на удачно сыгранную роль. Особенно в кино. Успех на стороне, в том числе и на киноэкране, всех мхатовских актеров подвергался осмеянию.

Всем внушалось, что только театр — это главное.

И Лена Майорова служила ему самозабвенно.

Я помню, как много лет назад Лена отметелила мента, презрительно отозвавшегося о театре. Ее повезли на освидетельствование в больницу... Тогда МХАТ наплевал на свою актрису. А Олег Табаков, несмотря на то, что она ушла от него, помчался выручать свою любимицу...

Приближалось открытие нового театрального сезона. Работы невпроворот. В одиннадцатисерийном фильме Александра Орлова «На ножжах» Ленка играла Глафиру, убийцу своего мужа, играла грандиозно.

За три дня до смерти ей позвонила ассистентка режиссера и, будто почувствовав, что с ней что-то не в порядке, спросила: «Может, тебе что нужно?»

Лена ответила: «Да. Приезжайте, будете стоять у гроба...»

Майорова была очень прямым человеком, говорила правду всегда в лицо.

Как все, кто приезжает с Дальнего Востока, не влезала ни в интриги, ни в дразги в театре.

Может, поэтому и не заслужила обычных почестей.

Ее гроб не поставили ни на сцене, ни даже в фойе.

Ее положили в дальней гардеробной, где раньше оставляли грязные калоши. Олег Ефремов на похороны не явился.

Говорили, что запил. Чехов, когда сердился, говорил: «Не навижу актеров. Снял бы с себя калоши и отхлестал бы их по лицу». С Леной так и поступили».

30 мая, в день рождения Елены Майоровой, я сидела за компьютером, вокруг — в произвольном порядке документы, перепечатки, журналы и газеты, где она упоминается. Посмотрела в Интернете, вспомнил ли кто-нибудь Лену в эту, двенадцатую годовщину ее смерти. Нашла лишь эту страничку Садальского. Как будто ничего нового — что тут еще скажешь о самой известной гибели актрисы. Просто горечь, просто все еще потрясение. Конечно, называть единственным убийцей Ефремова — немного перебор. Но я согласна со словом — убийство. Актрису убили люди, время, профессия, талант. Выше я привела трактат психоаналитика. Он, в частности, пишет о необходимости для живых избавляться от чувства вины перед мертвыми. С этим чувством якобы нельзя жить. Но и без него жить нельзя. Тому, кто хочет оставаться человеком, приходится рисковать...

Время эти понятия не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт,
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут из нас.

Владимир Высоцкий

Вечные чувства. Страшная вещь. О том, что они человеку доступны, можно наверняка сказать, когда они хлынут дымящейся кровью из его горла.

30 мая. Родилась бы она на недельку позже. Моя покойная свекровь говорила: «Кто в мае родится, тот всю жизнь маяться будет». В мае родился мой муж. Совсем вроде недавно я читала ему свой очерк о Елене Майоровой, он страдальчески морщился, курил, а сейчас просыпаюсь ночами в холодном поту и протягиваю руку к пустой подушке. Отмаялся. Родился в один месяц с Еленой Майоровой, умер в таких же страшных муках, как Сергей Шерстюк, от такого же диагноза. Разница лишь в том, что муж за пять минут до смерти держал мою руку и просил его спасти. Но у нас был непоправимый случай. Сергей вскоре после смерти Лены написал именно это: «Нас с тобой просто-напросто убили. Нашли дорожку». Он сразу понял, что на свете больше не осталось руки, за которую можно было бы схватиться, отрываясь от земли.

Начитавшись по поводу смерти этих великих возлюбленных комментариев и мнений под завязку, я просто вижу сейчас очередной поток хамства и агрессии. Кто убил? А меня кто убивает? А я не работаю? А я не сжигаюсь, не хочу умирать от рака, не привлекаю к себе внимание таким способом...

К сожалению или к счастью, никакое наше внимание больше не беспокоит больших мастеров — Елену Майорову и Сергея Шерстюка. Качество этого внимания — острая проблема живых.

Комментариев на страничку Сададьского немного, в основном они адекватны. Но есть и такие: «Много она приняла, когда отметелила мента?», все то, что я перечислила выше.

А в каком состоянии она играла Глафиру — убийцу собственного мужа? Она, с ее невероятной честностью и моральной чистоплотностью, в год увлечения другим мужчиной, в период, когда она уже увязла в каких-то новых обязатель-

ствах и не могла не понимать, что кардинальное развитие событий убьет Сергея? В каком состоянии бросалась в огонь, пытаясь его погасить и спасти пассажиров, забыв, что это тоже актеры. В каком — прямолинейно и решительно шла к смерти в роли Тойбеле? В каком — любила и защищала заключенного в концлагере? А в каком состоянии пишут подобную недоброжелательную чушь? В каком состоянии жуют жвачку в зале кинотеатра, пьют пиво на диване у телевизора, развлекают себя тем, как настоящие актеры рвут себе нервы и сердца, доводя до умов публики простую и вечную мысль о том, что из человеческих страданий наша общая нравственная жизнь в принципе и состоит.

Очень легко рассуждать о том, что надо было вовремя выходить из роли. Это, конечно, у многих получается. Но речь идет об актерах совсем другого ранга. Когда-то Леонид Филатов взялся за непосильное, казалось бы, дело — защиту и посмертную реабилитацию от человеческой несправедливости ушедших актеров. Телевизионный цикл «Чтобы помнили...» — это прецедент на телевидении. Невиданная и не повторенная высота благородства, понимания, скорби. Видимо, потому что автор и сам был большим актером, способным деликатно и чисто войти в чужую судьбу. У него есть передача, посвященная Елене Майоровой. Совершенно непонятно, почему бы телевидению иногда не повторять то, что так проникало в сердце любого зрителя. Зачем на эти же темы настригать из разных источников вторичные, однодневные материалы. То есть в смысле гонораров, конечно, понятно. Но... Это уже тошно повторять.

Не стреляйте в пианиста... Убитые и убиваемые актеры. Как нам стыдно, как им страшно читать очередную расхожую газету, которую ее аудитория вычислила по запаху и по своей потребности в таком запахе. Эти сплетни о живых и мертвых знаменитостях, которые покупают у последних мерзавцев. Противно даже называть фамилию бывшего почти актера,

который продает самую отвратительную клевету о Елене Майоровой. Эти преследования живых актеров, удачные попытки превратить их проблемы и беды в кромешный ад. Все помнят, как гонялись корреспонденты газеты «Жизнь» (или «Твоя жизнь», это вроде одно и то же, но есть у них какой-то нюанс) за смертельно больным Александром Абдуловым. Это чудовищное смакование несчастья Николая Караченцова, санкционированное и даже инициированное его не менее чудовищной женой. Сейчас то же одиозное и в силу этого востребованное издание охотится за Евгением Мироновым. У этого большого актера тоже проблемы с выходом из роли. Он борется с депрессией перехода, обращается за помощью к медицине, а там, в больнице им. Кащенко, уже хватают всех за фалды крайне, кстати, безграмотные и косноязычные «журналисты», чтобы порадовать таких же читателей приятными тем новостями.

Никого просто не беспокоит, что когда-то отважная, самостоятельная, целеустремленная Лена Майорова, которая и мента могла «отметелить», и пистолетом кого-то попутать, в результате сожгла все-таки себя. Впрочем, вполне возможно, что кому-то не хватает сожженных жизней.

ГЛАВА 38

{УКРАДЕННАЯ КНИГА}

23 февраля 1998 г.

«Ты всегда поздравляла меня, делала подарки в этот день. Тебе нравилось, что я служил в армии и являюсь офицером запаса. Все ж таки мужик. Пока был жив папа, мы обязательно садились за стол. Сегодня полгода, как тебя нет. Ужасно много. Савичев с утра подарил мне пижаму, а я даже забыл его просто поздравить. Света звонила с кладбища: у тебя много цветов. Приезжали Анжела с Наташей Егоровой, помянули тебя красным вином. Наташка смешная — вошла в комнату с долларами в руке, сказала: «Это мой долг Лене». А мне все хуже и хуже. Потом были Салимон с Ирой Мелешкевич, только вчера из Испании. Толедо, Сарагоса, Барселона. А ночью из Бильбао звонила Марина Шиманская, они с Альгисом смотрели видеокассету 94 года, говорила: «Поехали, Сережа, в девяносто четвертый год!» Вечером пришел Мочалов, сидел и молчал».

26 февраля

«Такое впечатление, что все, что было с тобой и со всем человечеством, — твой собственный вымысел».

1 марта

«Прощеное воскресенье.
Прости меня, Леночка».

5 марта

«Дневник не нужен! Каждый день одно и то же. Утром — недоумение, перерастающее в ужас: что? Лена!

Анемия не спасает. Все незачем и ни к чему, если Леночки нет. Теперь все, как в детском отчаянье, что мир бессмыслен. Но мы ведь встретились, забыли отчаяние — зачем? Чтоб опять в отчаянье? Бог с ним, с отчаяньем. Не пугают ни слово, ни его смысл. Ничего не боюсь.

Страшно именно тогда, когда уже ничего не боишься».

6 марта

«Знаешь, чем я занимаюсь с помощью ядов? Пытаюсь тебя забыть.

Стоит мне закрыть глаза, как вижу твои — то ласковые и внимательные, то безумные, но чаще беззащитные. Закрываю глаза — вижу твои глаза. Потому и не закрываю. Лежу с вытарашенными, пока яды не начинают свое дело: тогда вижу сразу небо, желтый песок и кого-то в тени, кто мне улыбается, этот кто-то все время меняется, то я узнаю его, то нет, но вспомнить, кого я узнавал, сейчас не могу, да и недолго его вижу, а потом перед глазами все, что угодно, главное, что там ты не умирала. А потом я просыпаюсь, вялый и безвольный, неспособный ни к каким чувствам. Вот так вот: ничего не чувствую и ни о чем не думаю. Зомби. Жизнь без любви бессмысленная и ненужная. А была ли ты?..»

10 марта

«Господи, Леночка, пока ты была рядом, я не мог даже предположить, что такое тоска. А длящаяся месяцами? Раньше мог бы написать — «неизбывная». Непроходимая, неизбежная, неиссякаемая во сне и наяву, настоящая тоска...

Не буду больше писать, потому что не хочу быть ни хоть как-то, ни хоть каким-то. И, наверное, пора замолчать. Не говорить ничего, ни с кем. Молчать. Молчать, чтобы хоть что-то осталось. Страшно сидеть в двадцать третьем августа — а буду сидеть в нем до конца дней своих, вот что я знаю. Это мое единственное знание».

16 марта, 1.03 ночи.

«Тихо — и уже привычно тихо — куда-то испаряется жизнь. Зайдешь иногда на кухню, а чайник вскипел. Как хорошо не отвечать ни на чьи вопросы. Не звонит телефон. Не нужно покупать холсты и подрамники. Выдвинул днем ящик в серванте, а там Ленины лекарства, выдвинул другой — нитки, иголки, мотки шерсти, папка с проспектами Тенерифе. Леночка очень аккуратная — всегда привозила карты, программки, экскурсионные проспекты, афишки, поздравления. Все так и лежит.

Я умру — что-то тоже будет лежать, кто-то, дай Бог, будет говорить: это Сережино. Некоторое время. Потом куда-то поползется, забудется...»

18 марта

«Сегодня по каналу «Культура» будет фильм «Воспоминания о Лене Майоровой»... Я, если честно, и фильм о тебе уже посмотрел, а вот спокойненько пишу. Ну чего мне о нем говорить — нечего, Леночка. Нет тебя там почти. А кто-то, я знаю, глядя его, плакал — правда-правда, мне звонили...»

27 марта

«Леночка, родная, я поздравляю тебя с днем театра. Театральная неделя заканчивается. Я люблю тебя».

23 мая отмаялся Сергей Шерстюк. Они уходили, как жили: она сгорела, он остался, чтобы рассмотреть и зафиксировать

каждую минуту жизни без нее. То есть свою собственную смерть».

* * *

Опустела без них земля. Остались лишь вопросы: вы встретились? Вы вместе? Вам Там легко? И тайные знаки.

Кто-то верит в непонятную связь событий, кто-то скептически называет это выдумками людей, помешанных на мистике. Не буду повторять, сколько странных, тревожных событий и знаков можно найти не только в жизни и смерти Лены Майоровой, но и в судьбах тех, кто так или иначе был с ней связан. Я не отношусь к поклонникам мистических толкований. Но, вглядываясь в эту жизнь издалека, не могу не чувствовать трагическое поле этой личности. Мне кажется, оно действительно могло влиять на людей и события. И, возможно, в этом нет никакой мистики. Нам просто не хватает знаний, чтобы позволить себе что-то утверждать. Причем после ее смерти это влияние не прекратилось. Что-то тяжелое стало происходить практически со всеми людьми, которые были к ней близки. Странные, почти непреодолимые препятствия возникали у многих съемочных коллективов, которые делали фильмы и передачи о ней. Чего стоит один случай с каскадершей, которая должна была в документальном фильме реконструировать проход горящей Лены через двор. Она чуть не сгорела в своем огнеупорном костюме за какие-то минуты, была с ожогами доставлена в больницу.

Я, как и многие, совершенно нейтрально относилась к этим рассказам. Разумеется, в первую очередь думаешь о случайностях, цепи совпадений.

Даже не знаю, почему во мне возникло сопротивление, когда издательство заказало мне книгу именно о Елене Майоровой. Она мне была очень интересна, я даже для себя хотела бы получить о ней как можно больше информации. Я пред-

лагала другие темы, издательство остановилось все-таки на этой. Мы подписали договор на достаточно короткий срок, я была уверена, что он оптимален для данного объема. То есть я знала это. Начала погружаться в материал, и вы можете мне не поверить, но что-то стало постоянно происходить. Какие-то чужие сны, тяжелое, напряженное настроение, все это можно легко понять, учитывая трагизм темы. Но потом началась череда практически необъяснимых несчастных случаев. Отдельно все бывает. Но тут как-то сразу, один за другим. Собака дернула за поводок, даже не особенно сильно, а рука оказалась травмированной на несколько месяцев. Ни на чем поскользнулась на чистом полу на кухне и ударились виском об острую металлическую планку плиты. А один эпизод просто перепугал насмерть. Поставила сковородку на маленький огонь, тут же плеснула капельку масла, как делаю много лет, разогревая кашу собакам, и вдруг почувствовала ужасную боль в области груди. Была в застегнутом халате, на нем никаких следов. Расстегнула — на левой груди большой волдырь. Это могут подтвердить мои подруги, которые прибежали оказывать первую помощь после моего отчаянного звонка. Оказали. Волдырь быстро сдулся. Но до сих пор — уже месяца два — на левой груди темно-красное пятно с абсолютно ровными краями. Может быть, странно не то, что это произошло, а то, что я сразу начинала думать о том, что залезла на чужую и все еще очень охраняемую территорию. Два раза я принимала решение прекратить эту работу. Прерывалась на несколько недель. Презирала себя за слабость и непрофессионализм. Ничего подобного со мной не случилось за всю жизнь. Наоборот — проблема всегда была в том, чтобы оторваться от любой работы. Но, пытаясь забыть на время о Майоровой, я только мучила себя. Я все время чувствовала, как меня тянет к компьютеру. Как-то болезненно, что ли, тянет.

Ну, вот и все. Я прощаюсь с Леной и Сережей. Рада была познакомиться. Если эта метка — совсем близко к сердцу, и есть знак, то я его приняла. Еще есть неиспользованные материалы, мысли, эмоции, но мне как будто кто-то сказал: хватит. И в один день исчезли напряжение и тяжесть. Мне показалось, что они успокоились. Что они получили свою награду. Свой сон золотой — один на двоих.

РАДЬКО НАТАЛЬЯ ЕФИМОВНА

**СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ И МУЖЧИНЫ
ЕЛЕНА МАЙОРОВОЙ**

Выпускающий редактор И.С. Горюнова
Компьютерная верстка Е.Г. Смолян
Корректор О.Б. Сергеева

Подписано в печать 24.09.10. Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ № 11151.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ООО «Издательство Астрель».
129085, г. Москва, пр. Олимпийского, д. 3а

ООО «Агентство «КРПА Олимп»
115491, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, стр. 4
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

ОАО «Владимирская книжная типография».
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.
Качество печати соответствует качеству
предоставленных диапозитивов

